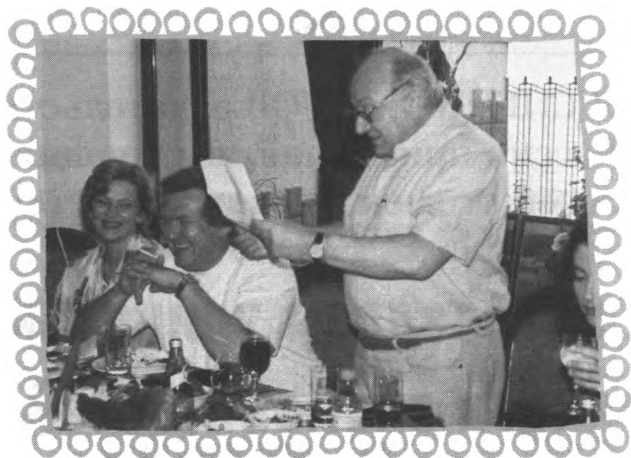

Юрий Стоянов

ИГРА В ГОРОДКИ

ПРО СЕБЯ, ПРО СВОЕ, ПРО СВОИХ

Представляю книгу Юрия Стоянова, которого представлять не надо.

Потрясающий актёр – раз!

Очень образованный человек – два!

Как такой образованный человек стал актёром?!

Видимо, мастер показа победил рассказ.

А теперь рассказ победил показ.

Я счастлив любому поводу для разговора о Юре Стоянове – благородном отпрыске болгарской одесской диаспоры.

Талантлив отчаянно, мерзавец!

Несёт в себе десятки разных женщин и мужчин.

Со Стояновым и Олейниковым знакомы все.

Стоянова я знаю больше, хотя короче.

Ибо!.. Ах, ибо, ибо...

С таким талантом не знакомятся!

Знают наизусть! Его –

М. Жванецкий

ОТДЕЛ СПЕЦПРОЕКТОВ издательства №1
в России приглашает выдающихся
людей страны к сотрудничеству!

12 лет создаем уникальные книги знаменитостей

В нашем отделе выходят книги следующих известных авторов: журналиста и писателя **Владимира Соловьева**, телеведущего **Игоря Прокопенко**, актера и режиссера **Никиты Михалкова**, доктора **Сергея Бубновского**, политолога **Вячеслава Никонова**, хоккеиста **Александра Якушева**, телеведущей и кулинара **Юлии Высоцкой**, политолога **Николая Злобина**, музыкального продюсера **Максима Фадеева**, полиглота и переводчика **Дмитрия Петрова**, телеведущего **Сергея Агапкина**, путешественника **Федора Конюхова**, писателя и фотографа **Екатерины Рождественской**, певицы **Максим**, футболиста **Егора Титова**, режиссера **Андрея Кончаловского**, оперной дивы **Любови Казарновской** и многих других.

Шеф-редактор отдела
Лазарев Игорь

Ведущий редактор отдела
Зльвира Салыхова

Руководитель группы
продвижения спецпроектов
Евгения Дашкевич

Контакты для связи: speszproekt@eksmo.ru.
Страничка в FB: [Время легенд](#), тел.: +7 (495) 411-6886
Размещение эксклюзивной рекламы в книгах знаменитостей
и издание книг vip-авторов на заказ.

Юрий Стоянов

**ИГРА В
ГОРОДКИ**

**Russian BIO Stoianov
Igra v Gorodki 31120059240613**

Москва
2017

Содержание

Игра в городки	6
Посвящение	8
Вступление	9
ИЛЮША	11
ДЕТСТВО. ДЕСЯТЬ-НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ОЛЕЙНИКОВА	49
Моя первая мыльная опера	51
Папа	55
Болгары	61
ЮРА СТОЯНОВ В ШКОЛЕ И ДОМА	69
Дорогой Юра!	71
Урок рисования	77
Большая перемена	79
Урок физкультуры и труда	81
ЛЕНИН И КРУПСКАЯ — МОИ ОДНОКУРСНИКИ	87
КАК Я БЫЛ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	99
МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ... ..	109
Заповеди выездного артиста	111
Наши в городе	113
Олег Басилашвили — потомок Афанасия Никитина	118
Человек меняет кожу	127
Про то, как поссорились Владислав Игнатьевич с Раджем Сигхом	129
Розетки для сушки рук, инвалидная коляска для полета и чай для ухода за обувью	135
БАНЗАЙ ХИРОХИТО! (ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХИРОХИТО!)	145
КАК Я БЫЛ ДЕДОМ МОРОЗОМ	169
ОТ А ДО Я ЗА ТРИ ГОДА	179
НЕ УМЕРЕТЬ ОТ СМЕХА!	189
КЛЮЧЕВ	203
КИНО, ВИНО И КИМОНО	217
Без вины виноватый	220
Артист с неопределенной внешностью	222

От чего плачут армяне	224
Однажды в Молдавии	226
Меня хорошо слышно?	230
Как я пролетел над гнездом кукушки	233
В поисках человека	237
ЗДРАВСТВУЙТЕ! МЕНЯ ЗОВУТ МОДЕСТ!	241
ЭТА НЕСМЕШНАЯ «СКРЫТАЯ КАМЕРА», ИЛИ НЕПРИКОЛЬНЫЕ «ПРИКОЛЫ»	247
ТИТРЫ	263
Последний реквизитор	265
Городок на помойке	274
Студия «Позитив ТВ» представляет	286
Made in Odessa	297
Отдельное спасибо	300
Копирайт	300

Игра в городки

Найти где-нибудь во дворе или на пустыре площадку размером 2 на 2 метра не так уж трудно. Это — пространство игры. В этом квадрате складываются разные фигуры из маленьких деревянных цилиндров. Нужно отойти на шесть с половиной метров и длинной битой попытаться сбить построенные фигурки — «вилку», «звезду», «ракету»... Это — правила игры. В нее любили играть писатели Толстой и Горький, певец Шаляпин и император Николай Второй, а еще Ленин, Калинин, Ворошилов, Сталин... Игра не требует специальной амуниции, сложного инвентаря, не имеет ограничений по возрасту, больших денег в ней не заработаешь. Недорогая игра. Называется «городки».

Когда с Ильей Олейниковым мы придумывали наш «Городок», то совсем не думали о подзабытой игре с похожим названием.

Жизнь — это трагедия, когда видишь ее крупным планом, и комедия, когда смотришь на нее издалека.

Чарли Чаплин

Лучше, когда над тобой смеются, чем когда над тобой плачут!

Программа «Городок»

Посвящение

Всем зрителям программы «Городок» посвящаю эту книжку. Всем, кто любил нашу пару Олейников—Стоянов, или только Олейникова, или только Стоянова. Всем командам подводных лодок и кораблей дальнего плавания, которые со словами «Я вас научу «Городок» любить!» обрекали свои экипажи на многомесячные просмотры программы. Всем женщинам, которые отвоевывали у мужчин эфирное время и переключали телевизор с футбола на «Городок». Всем мужчинам, которые предпочитали эту передачу любимому сериалу жены. Всем бабушкам и дедушкам, которые передавали любовь к «Городку», по наследству внукам. Всем таможенникам, которые закрывали глаза на огромное количество кассет и дисков, пересекающих границу в сторону наших зарубежных соотечественников. Всем нашим телевизионным начальникам, которые любили «Городок» не по службе, а как все остальные. И даже видеопиратам, которые своими «левыми» тиражами, не принесли нам ни копейки денег, увеличивали количество наших зрителей, а следовательно, и количество любви к нам. И тем, кто подворовывал наши сюжеты в других передачах и выдавал их за свои без всяких последствий. Они дарили нам удивительное чувство удовлетворенности и великодушия. И тем новым ребятам, которые шутят в кадре уже совсем по-другому, но в том, что они делают, чувствуется, что они внимательно смотрели когда-то «Городок». И это так клево! Всем тем, кто всегда ждал нашу программу, тем, кто ее оплакал, и тем, кто продолжает ждать... Словом, всем тем, кто считает «Городок» — маленькой юмористической энциклопедией жизни не только большой страны, но и своей личной!

Вступление

Когда я был маленьким, меня часто оставляли дома одного. Родители подолгу задерживались на работе. Это у нас семейное. Чтобы заснуть, я придумал себе такую игру: забираешься под одеяло и представляешь себя внутри необычного

дома. Его фундамент сделан из огромных камней, а стены сложены из толстых бревен. Внутри дом небольшой и потолок невысокий, чтобы было уютно и безопасно. Посреди комнаты — огромный открытый камин. Весь пол устлан шкурами животных. За окном воет вьюга. В очаге потрескивают поленья. В доме тепло, уютно и совсем не страшно одному. Я сижу за старинным резным столом и при свечах пишу книгу. Книгу про то, о каком доме я мечтаю. И пока я придумываю тот дом, который в книге, я незаметно засыпаю.

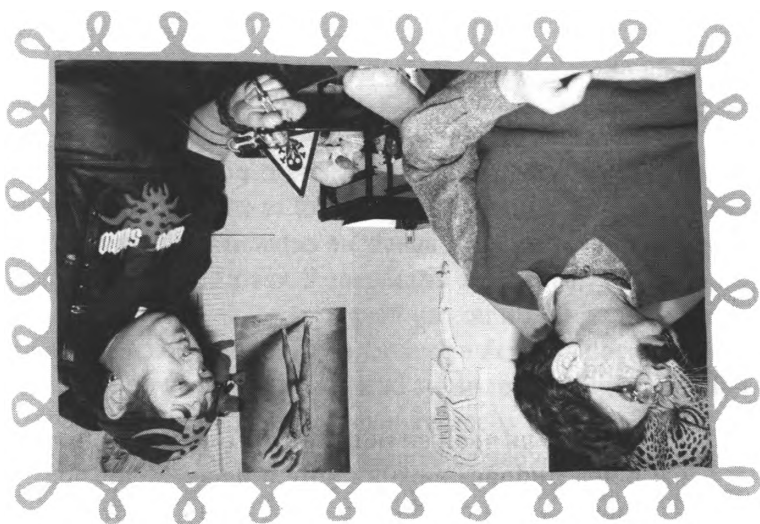
Я вырослел, но засыпал только благодаря этой моей детской игре. Вместо деревянного дома появлялся чукотский чум, швейцарское шале, землянка в лесу, пещера на необитаемом острове, пентхаус на небоскребе... Я улетал в объятия Морфея в поездах, самолетах, в гостиницах, в казармах и чужих домах. Неизменным оставалось то, что я пишу книгу...

И вот я написал книгу. И должен признаться: ни разу над ней не заснул. Чего и вам желаю!

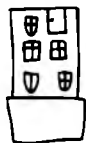
И еще:

несмотря на то что я сам вроде как «человек искусства», люди в этой книжке говорят, как в жизни. Так что читать ее детям на ночь не обязательно!

Юрий 100Янов

Миша

Однажды я готовился к выходу в сборном концерте, посвященном то ли Новому году, то ли Восьмому марта. Дверь распахнулась, и в гримерку влетели четверо угрюмых ребят. Они переодевались быстро и деловито, как рабочие перед сменой в литейном цеху. Надев костюмы и улыбки, квартет выскочил на сцену, отчебучил номер, обкатанный уже тысячу раз, а потому ладно скроенный и лихой. Зал смеялся, долго хлопал. Парни выдали заготовленную бисовочку и нырнули обратно в гримерку.

— Ты и правда сын Стрельчика? — спросил, запинаясь и смешно подмигивая, один из них — Илья Олейников.

Ходила по Питеру такая сплетня, а я не разочаровывал. Но в этот раз почему-то сказал правду:

— Нет, я сын Николая Первого.

Илья уже был известным, а обо мне могли сказать лишь то, что я служу в лучшем питерском театре. Кто я и как меня зовут, знали единицы. Впрочем, факт работы в Большом драматическом украшал любого актера. Украшал ли я театр, не знаю. Вряд ли. А эстрадника Олейникова вместе с партнером Ромой Казаковым не реже двух раз в год показывали по телевизору. Фразу «Вопрос, конечно, интересный...» из их скетчей помнят и по сей день.

«Почему Олейников выступает с квартетом и где Казаков?» — подумал я в тот вечер, но спросить не решился. Не слышал еще, что Рома сгорел от рака за пару месяцев. Илья очень ему помогал, маялся, что знает о болезни, а Казаков нет. Эта ситуация зеркально повторится у нас с Илюшей...

Лелик не раз признавался мне, что он актер, категорически не умеющий работать один. Поэтому для него смерть

Ромы стала двойным ударом. Он потерял не только друга, но и партнера. И, вынужденный искать себе новое применение, оказался лидером квартета.

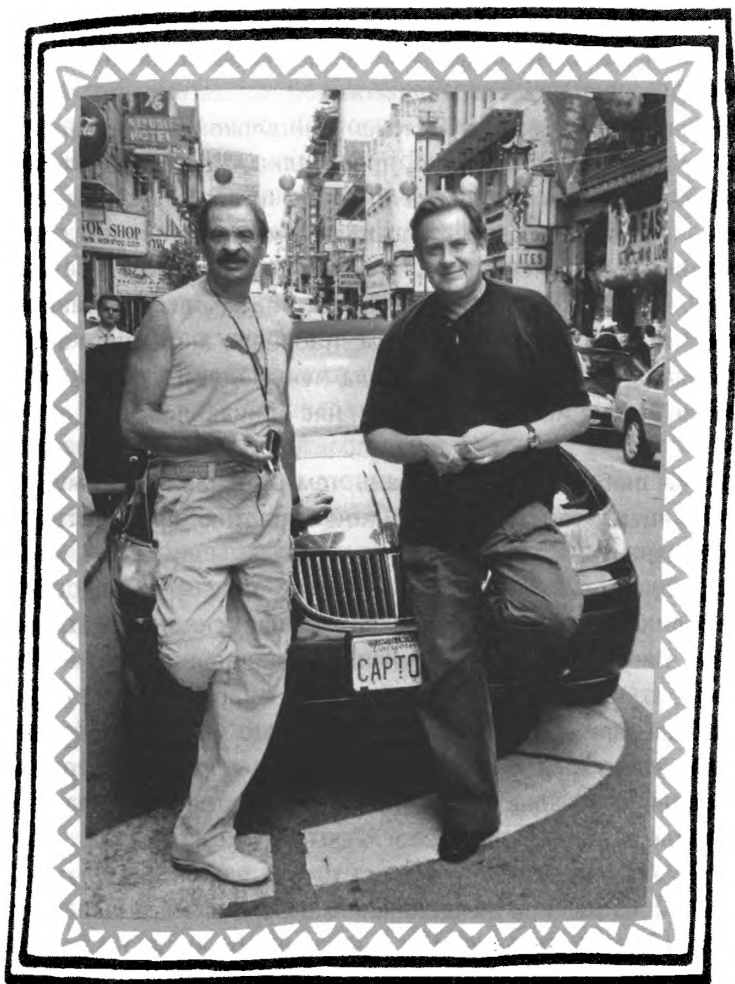
Я еще пересекался с лихой «четверкой» за кулисами, а потом уже встретился с одним Ильей на съемках фильма «Анекдоты» режиссера Виктора Титова. Мы обнялись, как старые приятели, хотя по-прежнему ничего друг о друге толком не знали.

У каждого из нас был пунктик — как бы проникнуть в кино. Илья комплексовал масштабнее: у эстрадного артиста шансов попасть в кадр куда меньше, чем у драматического. Тем не менее не снимали нас одинаково.

Мы любили кино больше, чем оно нас, и промучились этой неразделенной страстью почти всю жизнь.

Помимо Стржельчика, я похож на всех царей сразу, и в «Анекдотах» мне предложили роль царя: не то Николая Первого, не то Александра Первого — по количеству текста совершенно не принципиально, кого именно. А Илюша играл Максима Горького. Наличие усов, парика и соломенной шляпы создавало удивительное портретное сходство, которое мы обыгрывали впоследствии в «Городке».

В качестве сюжетной основы Титов использовал известные анекдоты про персонажей, которыми обычно бывает населен сумасшедший дом, — Василия Ивановича и Петьку, Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Актерам, игравшим двоих последних, мы завидовали черной завистью: про них сочинили гораздо больше анекдотов, чем про царей и буревестника революции. В ту пору о пролетарском классике гуляла одна байка, известная всем с начальных классов школы, когда Ленин говорит Горькому после поцелуя с та-

*1998 год. Первые гастроли «Городка» в США. Лос-Анджелес.
Как видите, устоявшееся представление о том, что Илья — высокий
и худой, а я маленький и толстый, — сильное преувеличение!*

ким «голубым» прищуром: «А вы, Алексей Максимович, не горький, вы сладкий, вы о-о-очень сладкий». На что Горький отвечает нечленораздельным междометием. Вот и вся Илюхина роль, и он мне тоже завидовал — моя реплика в фильме была длиннее. Я произносил четыре строчки непонятного текста про Ленина на французском языке. Тирада заканчивалась веским русским определением «мудак». «Ты первый артист в истории советского кино, в кадре сказавший ЭТО!» — восторженно восклицал Илья. Каюсь: да, именно я заложил не лучшую традицию в отечественном кинематографе, которая впоследствии стремительно набрала обороты.

Хотя слов в фильме у нас практически не было, режиссер требовал нашего постоянного присутствия на съемочной площадке. Приходилось то стоять, то сидеть на втором или третьем плане. Людей зачастую объединяет одно из двух чувств — любовь или ненависть. Так вот, наша дружба зародилась из жгучей неприязни к нашему месту в картине. Мы с Ильей, как два неудачника, держались друг друга: без конца болтали на перекурах.

Десятого июля, в мой день рождения, была обычная съемочная смена. Я принес в сумке водку и нехитрую закуску, словом, проставился. Но и Илья пришел с портфелем, где оказались водка и колбаса.

— А ты-то чего? — спросил я.

— У меня день рождения!

— Так и у меня тоже!

Илюша серьезно посмотрел на меня:

— Покажи паспорт.

Взял его и, как милиционер, долго изучал, глядя то на меня, то в документ. Он сверил даты, и тут выяснилось, что мы родились не просто в один день, а с разницей ровно в десять лет. Я в 1957 году, он в 1947-м.

— Ой, да ты еще и одессит! — воскликнул Илья. — А я из Кишинева!

Расстояние между нашими городами всего-то сто семьдесят километров. Поморгал Илюша на меня своим тиком, и что-то у него с тех пор в голове отложилось. Про нас. «Ну как это может быть, чтобы в один день? Это что-то да значит», — все время повторял Лелик.

После окончания съемок «Анекдотов» мы стали встречаться, ходить друг к другу в гости. Илюша ездил в составе квартета по России, отсутствовал в Питере по две-три недели, привозя кучу всякого барахла и для себя, и на продажу. И мне тоже перепало. В одном областном центре их повели на промтоварную базу, в другом — открыли доступ к зашкам универмага, в третьем — познакомили с завскладом... Поскольку у меня была машина, я встречал Илью и помогал перевозить нажитое непосильным трудом добро — от люстр до бензопил. То, что не влезало в машину (например, мотоцикл), помогал выгрузить.

В нашей стране в свободной продаже в ту пору не было ничего, любой товар считался дефицитом. Лелик часто брал меня «в ночное», куда отправлялся за бензином к приятелям, работавшим на заправке: «Юрик, поехали!» И из четырех канистр две отдавал мне. Илюша делился связями, возил знакомиться к директорам магазинов и универмагов. Он очень поддерживал меня в то время.

Новый 1990 год мы встречали тесной компанией: Сережа Серебрянский из «четверки», я и Илюха. Все с женами. Собрались у Олейниковых. Последний дом на окраине Питера, дальше города нет. Двухкомнатная квартирка на тринадцатом этаже. В одной клетушке жил маленький Денис, в другой спали Илюша и Ира. Комната Дениса одновременно служила библиотекой и гостиной. Стены, оклеенные темными обоями, Илюша собственноручно разукрасил от пола до по-

толка. Он всегда говорил, что не умеет рисовать, но в действительности делал это неплохо. Если присобачить к его абстракциям фамилию какого-нибудь маститого художника, думаю, творчество Лелика прокатило бы. Еще у него было невероятное количество картин. Он привозил их отовсюду, руководствуясь при покупке интуицией и собственным вкусом. Коллекция подобралась весьма причудливая, но стилистически единая: светлые, добрые и трогательные картины с деформированными, смешными, несчастными, странными людьми.

В их окружении мы и встречали Новый год. Выпив шампанского, стали валять дурака, предварительно распределив роли: я был Владиславом Стржельчиком, Серебрянский — Урмасом Оттом, а Илюша — Владимиром Молчановым. Два сверхпопулярных в то время интервьюера атаковали моего Стржельчика. Что мы творили! Это было невероятно скабрёзно, пошло и очень смешно. Мы даже втроем залезли в ванну!

Женщины снимали наше безобразие на видео. Олейниковы накануне приобрели свою первую камеру «Хитачи» с огромными кассетами. Первого января Илюша проснулся и тут же сел отсматривать снятое, даже не съев, вопреки обыкновению, ни крошки любимого лакомства. Он всегда начинал новый день с зажаривания над открытым огнем наколотого на вилку куска хлеба. Доводил «деликатес» до состояния антрацита и со вкусом сжирал его.

Илья вообще был очень странным в еде человеком. Хорошие котлеты ненавидел — говорил, в них мало хлеба.

Завершив просмотр кассет, Олейников вынес приговор: «Юрик, а ведь мы с тобой пара!» Потом он не раз вспоминал: «Я увидел это первого января девяностого года».

Должен заметить, что я никогда не рассматривал свою биографию под эстрадным углом. Да, театральная карьера не складывалась, однако надежда на лучшее еще жила. Готов был выбрать кино — но эстраду?! Илья обижался, когда актеры драмы называли концерты халтурой. Это приносило значительно больший заработок, но я, впитав культивируемое веками сектантское отношение к театру, по инерции поглядывал на Илюшину эстраду свысока. Бывало, спрашивал:

- Ты куда?
- Плыву по Волге.
- На халтуру?

Лелик всегда выдерживал паузу, прежде чем ответить:

- Это для тебя халтура, а для меня — работа.

Илюха уезжал, возвращался и снова уезжал, не делая никаких программных заявлений о том, что мы должны работать вместе. Он вообще не был трепачом. Никогда не врал, не строил воздушных замков, ничего не обещал. Олейников был предметным и очень практичным человеком. Как-то в очередной раз сказал, как бы между прочим:

- Надо бы нам что-нибудь попробовать.
- Что?
- Приходи завтра в Театр эстрады.

Я пришел на концерт с многообещающим названием «Смех-шок». «Илюха, правильно обозвали, — подколот его по окончании. — Тебе удалось повергнуть публику в шок». Это была голимая эстрада, которую мой высокий художественный вкус, подлитываемый спектаклями БДТ и театральными традициями, не мог принять априори. «Не приведи господи когда-нибудь вот в таком выйти на сцену», — сказал я себе. Не прошло и трех лет, как это стало моей работой. Никогда не зарекайся не только от сумы и тюрьмы, но и от эстрадных концертов...

Илюша на время бросил попытки убедить меня стать его партнером. Мы по-прежнему дружили, выпивали, весело трепались.

Растиражированный журналистами образ мрачного клоуна Олейникова — полная ерунда. Он был очень смешливым человеком. При этом симпатичным, высоким, хорошо сложенным и пользующимся успехом у женщин.

Лелик интересно рассказывал, когда ему хотелось. Но соревноваться с другими застольными хохмачами — кто кого — не любил.

Дружим мы, дружим, и вот однажды Илья говорит:

— Слушай, я тут с Кириллом Набутовым познакомился.

Надо нам у него что-нибудь сделать.

Известная на всю страну передача «Адамово яблоко» только начиналась.

— Замечательно, — отвечаю. — А что?

— Думай.

Неосознанно, совершенно забыв о фильме Вити Титова, который и свел нас с Ильей, я предложил:

— Давай анекдоты?! Отберем самые игровые и неизвестные. Банальные трогать не станем.

Илье идея понравилась.

— А как снимать? — спросил он.

И я в эйфории ляпнул:

— Илюша, я в этом лучший, поверь!

Режиссерские амбиции проявились у меня давно. Работая в труппе БДТ, я зачем-то сделал раскадровку половины книги «Москва и москвичи» Гиляровского. Вместо того чтобы просить роли, подсиживать коллег, дружить с ассистентами на «Ленфильме» или пить с режиссерами.

Поскольку за сказанное надо отвечать, я стал ходить к телевизионным монтажерам, осветителям и операторам, постепенно увлекшись технологией съемочного процесса с перелестом, как обычно ставя предмет увлечения выше всего на свете. Так я интегрировал себя в режиссуру и технологию, а Илюха — в авторский креатив и продюсирование.

Для первого съемочного дня мы принесли костюмы из дома, что-то я притащил из театра и взял с собой Тиля — мою собаку. Мы придумали, что в заставке будут бежать два человека, за которыми с лаем гонится пес. И они боятся, что их укусят за задницы. В анекдоте, где я играл прапорщика Пилипчука, а Илюха — генерала, решили, что мне непременно нужны усы. Клок черной шерсти отрезали у Тиля, три капли клея «Момент», и усы готовы. Как мы их потом отдирали — отдельная история. Скажу только, что до кровавой раны.

Передача «Адамово яблоко» выходила каждые две недели. Наши анекдоты в ней появлялись раз в месяц и продолжались минут семь. Кирилл ругался, что и этого много, мы затягиваем, чересчур долго излагаем. Он не понимал, что это происходило от нашей жуткой невостремованности, оттого, что в нас накопилась невероятная ностальгия по кадру. Мы с Ильей были счастливы своей работой, и анекдоты расползались, продлевая наше удовольствие. Рука не поднималась резать их на монтаже.

Надо сказать, Пятый канал был в то время уникальным, самым живым и передовым в России: здесь работали Бэлла Куркова, Света Сорокина, Кирилл Набутов, Саша Невзоров. Их взмах смотрела Россия, то, что они делали, оказывалось остро, противоречиво, иногда нагло и заносчиво, но всегда безумно интересно.

Мы попали на Пятый в нужное время: он был свободным, твори что хочешь — цензура нулевая. Запрещалось лишь банальное и политкорректное.

Илья очень серьезно относился к эфиру. Ему было важно все: в котором часу нас показали, в каком контексте, что шло до и что будет после. С ним вместе невозможно было смотреть ни «Адамово яблоко», ни позже «Городок». Это превращалось в настоящую пытку! Илюша не обращал внимания на происходящее на экране. Усиленно моргая, он маячил перед твоим лицом и вопрошал:

— Ну как? Здорово?

И тебе приходилось все время улыбаться, смеяться и твердить:

— Гениально!

Это касалось не только телевидения, но и всего, в чем Олейников себя проявлял, будь то сочинение стихов или музыки.

Илюха не отличался самокритичностью, нуждался в комплиментах, в любви, в восторженных оценках того, что он сделал. Но замечательно в нем было другое: тем же самым он платил партнеру.

Возвращаясь с выездных концертов, Илюха неизменно спрашивал:

— Узнают на улице?

— С чего вдруг?

— Но ведь три эфира уже было!

— Вроде двое военных узнали у магазина, — ответил я ему в очередной раз.

— Нормально, б...! Потом врачи подтянутся, учителя. Прорвемся.

Такая у него была вульгарная социология.

Мало кто знает, что в 1992 году канал «Россия» заказал у питерских коллег часовой спецвыпуск не программы «Адамово яблоко», а только нашей рубрики «Анекдоты». После

этого я стал убеждать Илью, что пора делать свою передачу. «Давай», — согласился он.

Кирилл Набутов, надо отдать ему должное, с пониманием отнесся к нашему решению: «Вижу, вы выросли из этих штанов».

Саша Жуков, продюсер «Адамова яблока», уникальный, талантливый парень, поехал на канал «Россия» и спросил там:

— Помните, вы дайджест из анекдотов заказывали?

— Да, — отвечают. — Смешные были ребята.

— А хотите, они для вас юмористическую передачу делать будут? Она уже готова, решаем, какому каналу отдать, — наврал Жуков.

— Конечно, нам! — сказали на «России». Во главе канала стояли тогда Лысенко и Попцов, на вооружении которых уже имелись «Джентльмен-шоу» и «Маски-шоу».

— Хотите выходить на канале «Россия»? — спросил нас Саша, вернувшись из Москвы. — За работу. Я им сказал, что у вас уже все готово.

Мы тут же ушли из «Яблока» в продакшн под названием «Студия «НовоКом». «Какие анекдоты мы не сняли в «Яблоке»? — спросил я. Лелик достал список. — Вот их и снимем».

Первый выпуск «Городка» не могу смотреть по сей день. Это полный кошмар и чудовищная пошлость. Судя по начальным выпускам, нас должны были выбросить из этого поезда. Спасло появление эксклюзивной «Скрытой камеры». Она стала сильным козырем, так в ту пору никто не снимал. Эта рубрика была человечная, иногда грустная, делалась с любовью к людям, а не с желанием показать их дебилами, идиотами, подонками, ворами и алкашами.

Девяностые годы стали временем взлета и небывалого триумфа «Городка». До 2000 года мы успели получить три

статуетки «ТЭФИ». Журнал «7 Дней» несколько лет подряд выбирал нас лучшими ведущими. Сейчас понимаю, что мы не заработали никаких дивидендов от невероятной популярности — мало играли, не влезали ни в какие корпоративы. Надо было ловить момент, пользоваться им, а мы смотрели вперед, в перспективу. Зато достойно прожили...

В конце 1993 года Илюха, который всегда был инициатором всех важных шагов в моей жизни, сказал:

— Мы работаем в ящике вдвоем, а сливки снимают без тебя. — Сам Лелик продолжал зарабатывать концертами, на телевидении нам платили очень мало.

— И что?

— Тебе надо гастролировать со мной.

— Из театра уходить, что ли? — насторожился я.

— Но у тебя же бывают выходные. Поедем, подзаработаем.

«Городку» было чуть меньше года, когда Илюша взял меня на халтуру (для него — работу) в Вышний Волочок. Наш концерт проходил в местном драмтеатре. На сцене мы с Ильей вместе никогда ничего не делали. А эстрада требует обкатки, невероятного количества репетиций.

В поезде разучили какой-то номер, который уже был у Ильи. «А дальше, — сказал он мне, — ты сбцаешь что-нибудь на гитаре, споешь и расскажешь пару театральных баек». Не могу сказать, что трое Илюшиных коллег были в восторге от моего появления, но он сказал жестко: «Теперь работаем так». Спорить с ним было бесполезно.

Мы вышли из поезда ранним утром, часов в шесть. Идем по дороге к гостинице, а навстречу два хромого человека. Потом попалась хромая пожилая женщина, за ней — мужик без ноги. Когда я увидел ребенка на костылях, понял: это не к добру.

Перед концертом Илья попросил ведущего: «Выйди и спроси: «Друзья, кто из вас знает программу «Городок»?»

Когда зал начнет аплодировать, кричать, поднимется лес рук, ты скажешь: «Так вот, встречайте». Понял, Коль?» Коля вышел и произнес положенный текст. В зале поднялись лишь две руки. Увидев это, Илюша сказал: «П...!» Улыбнулся и шагнул на сцену...

В целом все прошло неплохо, без неожиданностей. Коллеги отработанными номерами взяли положенные аплодисменты. На что рассчитывали, то и получили.

Вечером в номере шел дележ заработанного. С моим появлением надо было менять проценты, в которых исчислялся творческий вклад участников в общее дело. Илье полагалось пятьдесят процентов, остальное делили на троих. Теперь ситуация усложнялась. Но Лелик решил ее просто: «С сегодняшнего дня семьдесят пять процентов у нас с Юрой на двоих, двадцать пять — ваши».

Он разом расставил точки над *i* в наших с ним финансовых отношениях: мы все делили пополам, за все годы жизни «Городка» ни разу не выясняли денежные вопросы. Большая редкость, чтобы в телевизионном, концертном бизнесе не было обиженных.

В поездках по стране я узнал об Илюше много нового и интересного. На гастроли я ездил с портпледом. В нем были упакованы тщательно наутюженный костюм для выступлений и рубашки. В сумке — куча приспособлений для чистки обуви, утюг, средства для отпаривания брюк и удаления пятен с одежды, шампунь, пена и гель для волос... Илюша садился в поезд в концертном костюме и в нем же спал. Ни разу не видел, чтобы в купе он разделся. Когда мы выходили на сцену, у меня на видном месте красовалось пятно, брючину пересекала складка, по морде расплывалась аллергическая сыпь, а этот смотрелся как новенький, сволочь! Я всегда завидовал стройной фигуре Лелика и тому, как сидят на нем костюмы.

Правда, его сценический имидж со времени наших первых совместных поездок претерпел некоторые изменения, и как мне кажется, не без моего ненавязчивого участия.

— **Илюша, коричневые туфли, зеленые брюки, светлые носки, синий пиджак и черная рубаха — как, по-твоему, это все называется? — спрашивал я, разглядывая его концертный костюм.**
— **Все вместе — ансамбль!**

— Хорошо, но рубаху ты можешь постирать? Мы десятый концерт за неделю играем!

— Но она же черная, как она может быть грязная? — искренне удивлялся Илюша.

— Она черная, но я замечаю некоторые проблемы.

— А ты видел когда-нибудь декорацию вблизи?

Он был человеком с уникальным чувством юмора. Но этим его уникальные свойства не ограничивались. Никогда не мог понять, откуда у него, окончившего цирковое училище, феноменальная грамотность в письме. Ошибки в тексте Илья видел лучше любого редактора. Когда он сдал в издательство свою половину рукописи книги «До встречи в «Городке», корректор сделал лишь две поправки. Кроме нашей общей книги, Илюша издал вторую — «Жизнь как песня», предисловие к которой написал Жванецкий.

— Ты читал то, что написал Илюша? — спросил меня Михал Михалыч.

— Естественно! Он подарил мне первый экземпляр.

— Очень хорошая книга, это я тебе говорю! — сказал Жванецкий.

А как объяснить его невероятную память на цифры? Тексты Илья запоминал мучительно долго, но телефонной книжкой не пользовался, держа все номера в голове.

Еще он ощущал пространство и умел его преобразовать не хуже профессионального дизайнера. Приобретя совершенно неправильной формы земельный участок, спускавшийся к небольшому озерцу под углом в сорок пять градусов, Илья невероятно красиво и изобретательно его освоил. Ко всему подходил творчески. Даже к выбору подарков. Зная, что я коллекционирую Чаплина, заказал у известного скульптора метровую керамическую фигуру комика, а на день рождения художник с именем сделал по его просьбе мой портрет, в другой раз изобразил все мое семейство...

Мне хотелось, чтобы у Илюши были хорошие дорогие часы, крутая зажигалка. Я делал ему престижные подарки в «новорусском» стиле. А он мне — добрые, придуманные с юмором, имеющие не только материальную, но и художественную ценность. Однажды подарил огромную, даже страшно смотреть, куклу — мою копию, с сигаретой, вставленной в расщелину между двумя передними зубами. Както я сказал Илье: «Видишь, если мне руки отрежут, все равно смогу курить, сигарета в самый раз помещается». А он, оказывается, запомнил...

Я постоянно чувствовал, что Илюха думает обо мне и заботится как о родном. Купив землю за городом, первым делом зарезервировал соседний участок. А когда (еще во времена работы у Набутова) в мою машину врезался таксист, Лелик отдал мне свою.

«Юрик, выйди, — услышал в тот день я голос Олейникова в телефонной трубке. Спускаюсь на улицу и вижу Иру с Илюшей рядом с их «Запорожцем» с проржавевшей выхлопной трубой. — Теперь это твое авто, извини, другого нету».

Надо было видеть, как мы с длинным Леликом, согнутые коленки которого упирались в подбородок, мчались по Питеру на этом рычащем танке! Сам он никогда не водил машину. Однажды я пытался его научить:

— Илья, берусь за тебя всерьез.

Мы подъехали к площадке перед спорткомплексом, где упражнялись начинающие водители.

Я посадил его за руль минивэна с автоматической коробкой и... через десять секунд понял: если хочу, чтобы мы остались партнерами, пора заканчивать.

— Илюша, столб! — кричал я.

— Вижу, — отвечал Илюша, продолжая невозмутимо ехать вперед.

Он был клинически не приспособлен для вождения. Лелик — пассажир, человек, которого нужно возить, что и делала всю жизнь его жена. Ира водит машину потрясающе — корректно, по-настоящему хорошо. А Илюша... Однажды мы подъезжали к Аничкову мосту. Скорость — километров шестьдесят.

— Высадишь меня за мостом, — говорит Илюша и открывает дверь на полном ходу.

— Ты чего, больной? — кричу ему. — Что творишь-то?!

— Ну, Аничков же мост...

В 1993 году Илюша пришел посмотреть на меня в «Амадеусе». Это была единственная постановка, на которую я мог позвать знакомых. Правда, играли мы уже нечасто. После спектакля я вышел с высоко поднятой головой: пригласил друга не на какой-то «Смех-шок», а на постановку Товстоногова! Но Лелик, поморгав с минуту, выдал:

— Ну, что сказать... Валить тебе отсюда надо.

— Больше ничего?

— Это вывод, — ободрил он. — Остальное — по дороге.

По сути, Илья озвучил то, что я и сам чувствовал. Мне давно хотелось работать вдвоем, чтобы «Городок» стал не при-

работком, а основным делом. Илья не раз подначивал: «Ну что, так и будешь снимать «Городок», а потом возвращаться в БДТ, чтобы сказать «Кушать подано»? До проходной театра будешь одним, после нее — другим? Это невозможно, это же шизофрения, Юрик. Надо жить в ладу с собой».

«Запомни, — сказал он мне, когда мы возвращались с «Амадеуса», — театр начинается с вешалки, но заканчивается заявлением об уходе. Иди и пиши».

Человеку, который привык, что все решают за него, уйти в самостоятельное плавание непросто. Но рядом был Илья, уверенный в себе, надежный, немногословный, и в его глазах явно читалось: если что — не брошу.

Повод хлопнуть дверью не заставил себя ждать — вывесили очередное распределение ролей в спектакле по Достоевскому. Моя крошечная роль начиналась с ремарки «Входит Обноскин с гитарой». Гитара меня и добила. Я уже выходил и с балалайкой, и с гитарой, и с аккордеоном. Написали бы «с виолончелью» — может, еще подумал бы, а так... Помахав БДТ ручкой, тут же позвонил Илье.

— Лелик, я написал заявление об уходе.

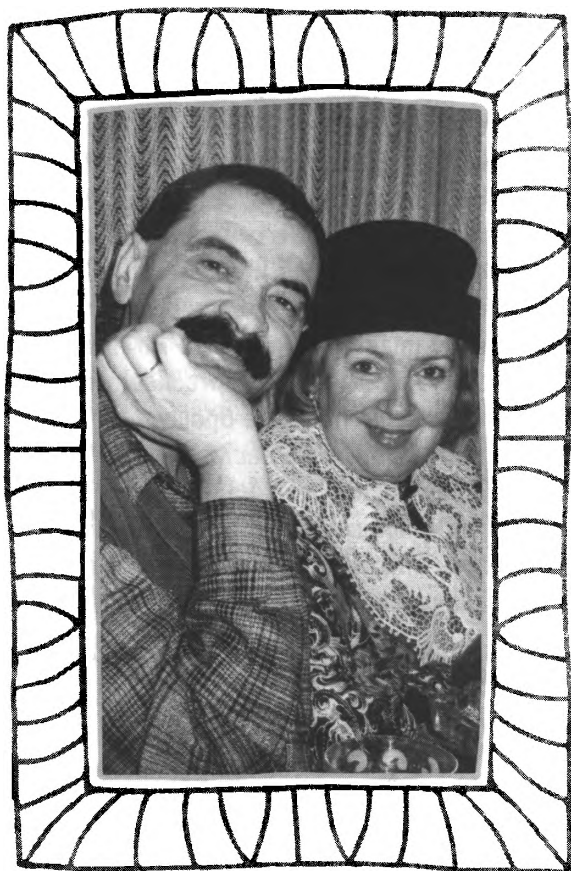
— Молобздец! — ответил он.

Илья всегда в решающие минуты поддерживал меня, давая понять, что на него можно положиться. Мы практически не конфликтовали. Лишь раз поссорились по идиотскому поводу. Было это в Израиле, где мы снимали одну из лучших «Скрытых камер», состоявшуюся благодаря знакомствам и связям Лелика. Сидим в гостиничном номере, и Илья, покурив, вдруг говорит:

— А с какого х... студия «Позитив ТВ» представляет Юрия Стоянова и Илью Олейникова? (С этих слов начиналась наша передача.)

— В смысле? — не понял я.

Мой Илюша и моя мама

— А с какого х... студия «Позитив ТВ» не представляет в правильном порядке: Илью Олейникова и Юрия Стоянова? Я сел.

— Илюш, ты меня сейчас страшно разочаровал, чудовищно. Прямо руки опустились, я даже работать не хочу.

— Почему? Потому что так представляет студия?

— Нет. Потому что мне нечего ответить. Потому что для тебя это так страшно важно.

Наши имена самостоятельно расставил монтажер, делавший заставку «Городка». На экране мы пробивали головами афиши с собственными фамилиями и через них вылезали в кадр. Я даже не задумывался никогда, кто из нас за кем. Ведь внутри же полнейший паритет!

— А почему должно быть иначе? Ну, скажи сам.

Что он мне на это ответит? «Я важнее, главнее, известнее...»? Что?

— Потому что я на десять лет дольше тебя говно ел. Я в «Городок» через десять лет большего говна, чем ты, пришел.

Мы заснули, не разговаривая. На следующий день он с утра принес выпивку. «Прости», — сказал Илюша, часто-часто заморгал и поцеловал меня.

Когда он со мной соглашался, он не говорил, что я прав, он начинал чаще подмигивать. Это служило барометром, по которому я пытался определять его настроение.

Но я все же переделал начало, и с тех пор и до последних его дней студия «Позитив ТВ» всегда представляла сначала Илью Олейникова, а потом Юрия Стоянова. Илюша мог быть неправым, но не было случая, чтобы он этого не признал. Меня тоже заносило. Но я не извинялся, а стремился обратить человека в свою веру, заставить его сказать: ты прав. В этом смысле мы с Илюхой разные люди.

Больше ни в чем я не чувствовал разделявших нас десяти лет. Я был главным на площадке, а он — в жизни. Илья отнюдь не был сладким и удобным для всех, готовым прийти на помощь каждому. Нет.

Он был правильный еврейский парень, строго разделявший «своих» и «чужих». Свои — это семья, друзья и партнер. Я был членом его семьи, независимо от того, сколько мы вместе выпили чаю.

Не так и много. За двадцать лет раза три встретили Новый год и отметили два дня рождения. Если родственника посадят в тюрьму, он не перестает быть родственником, для Ильи это непреложная истина. Когда что-то случалось, он вставал среди ночи, чтобы помочь, даже если накануне мы погрызлись.

Наша грызня, это надо четко понимать, всегда носила только творческий характер: какую историю и как играть. Никогда в жизни не было человеческого повода поругаться. Я знал, что могу на Илью абсолютно положиться. Говорю так не потому, что его больше нет...

Однажды зимой у нас вышла смешная история. В зоне, где отстаиваются поезда, нам выделили для съемок вагончик. Я играл плохого железнодорожника, который «наезжает» на интеллигентного пассажира с чемоданчиком — Илюшу. Пока мы репетировали, мимо проходил настоящий железнодорожник, огромный битюг с молотком в руках. Он не понял, что идет съемка, и кинулся на меня, слава богу, отбросив молоток. Мне палец в рот не клади. Я стал с ним серьезно толкаться, время от времени попадая противнику в «тыкву», но и мне досталось. Тут на выручку ринулся абсолютно не умеющий драться Илюша. Размахивая чемоданчиком, он налетел на моего обидчика в своих невероятно скользких туфлях, на которые уже не раз успел пожаловаться в процессе съемок. Падая на снег и поднимаясь, он норовил огреть железнодорожника чемоданом и кричал: «Б...ь, эти туфли! Я не могу его хорошо ударить! Юрик, ты понимаешь, я не могу его хорошо е...нуть! Туфли, туфли!»

Тут появился осветитель с огромным штативом наперевес, и железнодорожник сдался, а узнав в нас артистов, и повинулся. Рассказов, какая была драка, хватило на неделю!

Илюша обеспечивал мне полную презумпцию невиновности перед остальными людьми. Ни разу не слышал, чтобы он сказал про меня худое, и другим никогда этого не позволял бы. Периодически находились коллеги, желающие накрутить его. Они давили на больное, рассказывая ему, какой он великий, гениальный, потрясающий, и заканчивали примерно так: «Илюш, тебе не надоело быть полузащитником, пасы подавать, чтобы другой забивал голы? Тебе оно надо — подносить снаряды, чтобы кто-то палил из пушки?»

Илюша проходил такие испытания достойно. Но я, зная его как облупленного, замечал тень печали на челе. Вот он вернулся из Москвы. Мне достаточно было взгляда, чтобы понять: Лелик пообщался с «доброжелателями». «Илюша, что у нас не так?» — я, изувер и иезуит, выворачивал его наизнанку. А почему так делал? В кадр должны входить влюбленные друг в друга люди. Группа, понимая, что съемки задержатся часа на два, растворялась, оставляя нас одних. Я садился напротив него и начинал: «Ну, расскажи, Илюша, с кем пообщался в столичном ресторане, кто тебе говнеца подлил в стаканчик?»

Съемки действительно откладывались, но потом продолжались в ином качестве. Потому что в итоге мы целовались и шли играть.

Конечно, я все знал про него, а он про меня. С кем еще делиться? Илюша — свидетель моего развода и моего романа. Он, как умел, меня прикрывал, хотя генетически не мог врать. Только молчать, отвернуться и ничего не говорить, чем моментально подставлял. Но ради меня ему пришлось однажды преодолеть врожденную честность: «Почему я вернулся один? Попали на разные рейсы. В эконом-клас-

се не было мест, в бизнесе только по отдельности, я полетел сразу в Петербург, а этот дурак через Москву, где нелетная погода».

Что он нес, я знаю в пересказе, но Илюша вытаскивал меня из серьезных ситуаций, при этом оставаясь в хороших отношениях с моими бывшими женами. «Если ты кого-то разлюбил, — говорил он, — это не значит, что я должен перестать здороваться».

В отличие от меня Олейников женился раз и навсегда. Он был абсолютно чокнутый семьянин. Стоило Илье позвонить Денису или Ире, а тем не взять трубку — все, съемки прекращались. Лелик бросал работу и названивал им каждые пять минут, пока не добивался цели.

— Ира, где ты?

— В церкви.

— **Очень прошу навсегда запомнить, что, кроме Бога, у тебя есть еще я.**

Если бы она не ответила, пришлось бы заканчивать съемки, отменять концерт. Он терял способность работать, становился зацикленным человеком с потерянными взглядом: «Я звонил уже три раза, там никого нет...»

У него была традиционная еврейская черта — ожидание худшего. Но зато как потом приятно расслабиться, зная: ничего плохого не произошло.

Олейниковы долго ютились в той самой крохотной «двушке» на бывшей окраине. Денис уже пел, дуэт «Чай вдвоем» выиграл «Ялту», а они продолжали жить все там же. Когда решили все-таки продать квартиру, новую купили в пяти минутах ходьбы от меня, в Яковлевском переулке. К их дому вела жуткая, как после бомбежки, дорога. Как-то Илюша, встретив на концерте губернатора Петербурга Вла-

димира Яковлева, не преминул сказать: «Мне стыдно жить в Яковлевском переулке. Он носит имя действующего руководителя города, а к дому не подъехать».

За неделю улицу реконструировали. Почти полгода, пока в их новой, но снова маленькой квартире делали ремонт, Олейниковы жили у меня. Мы очень разные в быту, в пристрастиях, в темпераментах, хотя и родились в один день. Кто-то из знакомых выгравировал на подарке: «Они сошлись, лед и пламень...» Но в важных, принципиальных вещах мы были, простите за банальность, единомышленниками.

В последние годы Илюха стал очень спокойным, и наши отношения потеплели. Внутреннее соперничество ушло абсолютно. Мы никогда не обсуждали, что такое дружба и в чем она должна проявляться. Но во имя ее Лелик однажды согласился даже сбрить усы.

Меня задолбало исполнять женские роли. «Все, — говорю, — давай брейся, тоже будешь баб играть». И Илюша сбрил. Когда я увидел это страшное зрелище, сказал: «Илюша, я готов изображать женщин всю оставшуюся жизнь. Был неправ. Извини».

Мы реализовались в «Городке», проект уже много лет плавно скользил по накатанным рельсам, доведенная до совершенства технология производства свелась к шести съемочным дням в месяц. Илье перевалило за пятьдесят, он честно и профессионально относился к нашему детищу. Но ему этого казалось мало, он хотел двигаться дальше. Пару раз ляпнул в интервью, что «Городок» — лузер, и получил от меня сполна. Он клялся, что виноваты журналисты, извратившие его слова. Думаю, так и было, и на самом деле Илюха сказал что-то типа: «Ну, конечно, иногда устаешь... Это давно превратилось из творчества в работу». Но я все равно устроил разбор полетов. «Запиши себе над кроватью, — сказал я. — «Счастье поэта должно быть всеобщим,

а несчастье — глубоко законспирированным. Михаил Светлов». Все, что касается передачи, у нас потрясающе!»

Я твердо верю, что так и было до последнего дня.

Но Илюха рвался реализоваться и вне нашей пары, стремился послать миру сигнал о собственной состоятельности. Он стал сниматься в кино. Безумно органичный, абсолютно не наигранный, очень смешной и трогательный с этим своим тиком, грустным взглядом, он гораздо больше подходил для кинематографа, чем я, невнятный и расплывчатый. Лелик хотел, чтобы мы снимались вместе, а я сказал:

— В тупых комедиях не буду.

— А в чем мы должны сняться?

— Представь: ты немолодой солдат, ополченец, тебя призвали, ты в окопе, а я чуть помладше, какой-нибудь учитель. На нас идут танки. Тебя убивают, а я сижу над тобой и плачу... Я не знаю, что это должно быть, Илюш.

— Юрик, этого не будет никогда. Мы с тобой из «Городка»!

— Значит, подождем лучших времен.

Но Илюша ждать не хотел и снимался. И писал еще музыку. Для него это были элементы самореализации. Задуманный им мюзикл «Пророк» не сумел раскрутиться, что свергло Лелика в жесточайшую депрессию.

Все началось с поездки в Штаты в конце девяностых. У Ильи там множество друзей: пол-Кишинева плюс родственники. Илюша ходил на Бродвей на «Чикаго». Ушел потрясенным и решил написать свой мюзикл.

Те, кто был знаком с Леликом, знают: он всегда писал песни. Их исполняли Надежда Бабкина, Эдита Пьеха. Он сочинял эстрадную лирику. Люди бегали от Илюши, если в помещении оказывалось пианино. Он заставлял слушать свои творения. Это началось еще до знакомства со мной.

Меня он напрягал редко, зная, что я люблю другую музыку и к попсе и шансону отношусь сдержанно.

Так что его не вдруг осенило: дай-ка, сочиню мюзикл! Свободное время он проводил у рояля, играл, не зная нот. И Дениса не зря потянуло в музыку, она постоянно звучала дома у Олейниковых.

Именно Денис подарил отцу компьютер, выдававший партитуру сыгранной мелодии. Мне нравились джазовые и рокерские куски. А попсовые — нет: «Илюх, ну это чистой воды «Сан-Ремо-67»! А этот «Сопот» тебе зачем?»

Тем не менее он написал много талантливой музыки. Хотя сюжет, который Илья положил в основу мюзикла, меня смущал. Действующими лицами были Пророк, Старик, Голос и так далее. И все это вместе в подзаголовке именовалось «Притчей о блудном веке».

«Попытайся, — говорил я, — рассказать простую и яркую историю, а не высокопарную, да еще и с потаенным смыслом. Тогда есть шанс, что получится шлягер». Но Илюша нуждался в поддерживающих словах и слышал только их. Он хотел, чтобы мне понравилась его музыка. И я, признаюсь, этим пользовался: когда было надо, хвалил, а если хотел уколоть — ругал.

Это были отношения двух мужиков. Разве один рассчитывал, что другой умрет? Мы жили обычной жизнью, не думая, что потом придется вспоминать ее в мемуарах. Поэтому она разная была. Вот и вся правда...

Набирал артистов и репетировал Илюха в Минске. Там дешевле и выгоднее. Я приехал туда, увидел вокруг него много людей. Спросил:

— Илюшенька, а бизнес-проект у вашей истории есть?

— Да, посмотри.

Это была красиво отпечатанная книжка, где мюзиклу Ильи гарантировались пятитысячные залы, в которых надо играть пять раз в неделю круглый год.

— Илюша, а где эти многотысячные дворцы? — уточнил я.

— Ну... везде. Уже все договорено.

Он был так одержим созданием мюзикла, что экономическая составляющая перестала его интересовать. Илья доверился чужим людям, воспользовавшимся его наивностью и горячей верой. Во имя постановки он продал квартиры, в которые вкладывал сбережения в конце девяностых.

Мюзикл делали, равняясь на самую высокую планку, заказали бродвейского уровня декорации, невероятно красивые костюмы... Поверьте, мне есть с чем сравнивать. Оборудование закупали с нуля. Главные роли играли Илья и Коля, его коллега по эстрадной «четверке». Лелику советовали взять звезд, называли фамилии Боярского, Басилашвили... Саша Абдулов вроде бы хотел помочь, но заболел.

Илюша ни на чем не экономил. Он хотел, чтобы рванула «бомба». Я не могу выступать критиком в этой истории. Мюзикл был слишком дорог близкому мне человеку. По сравнению с вложенными деньгами, личными жертвами, эмоциональными затратами мое мнение не имеет значения. Но я видел: происходит что-то не то. И как обычно, не мог сформулировать...

Мюзикл не пошел. Теперь понимаю: рядом с Илюшей не было сильного продюсера, единомышленников, искренне переживавших за общее дело. Не может все вытянуть один человек, даже с женой. Постановка мюзикла — серьезный бизнес, развитие которого в нашей стране затормозил трагический шлейф «Норд-Оста». Слово «мюзикл» у нас ассоциируется с трагедией.

Но я считал себя не вправе влезать в ситуацию с постановкой, отговаривать, давать советы, потому что видел: «Пророк» стал для Ильи делом жизни, он попросту не услышал бы меня.

А дальше... Я пришел на спектакль. Мне очень многое понравилось. Вопросы к либретто по-прежнему были. Ну и что? У меня и к Островскому есть вопросы. Это нормально. И не в качестве истории была причина, по которой мюзикл забуксовал. Огромная машина требовала бесконечных вливаний, ежедневных спектаклей, затратной рекламы. Замкнутый круг невозможно было разомкнуть без профессионального продюсирования, к которому Илья не имел отношения.

Когда он принял решение закрыть мюзикл, на него было смотреть. Илюша выносил и произвел на свет это дитя. Он связывал с ним надежды, он любил его. А дитя оказалось нежизнеспособно, и он, его создатель, никак не мог на это повлиять... Мужика такое не может не подкосить. Он стал угрюмым и подавленным.

— Илюшенька, — спрашивал я, — а как же с костюмами, декорациями?

— Да там они все валяются, на складе.

В последние годы я предлагал:

— Может, попробовать переосмыслить все на камерном уровне?

— Не хочу об этом говорить, — отвечал Илья.

Не то чтобы он не хотел обсуждать тему со мной. Ему вообще было больно говорить о мюзикле.

Для кого-то Илья — человек, написавший мюзикл «Пророк». Но для меня и, надеюсь, для большинства он — человек с грустной улыбкой, уникальный артист и выдающийся партнер, в паре с которым мы создали безаналоговую, беспрецедентную, веселую и грустную энциклопедию россий-

ской жизни, охватывавшую два десятилетия. Всего полгода «Городок» не дожид до юбилея...

Работать с Ильей после «Пророка» было непросто. Он изменился, стал жестко относиться к тому, что делал.

— Как я выгляжу?! Отвратительно!

— Что ты говоришь ерунду?! — возражал я. — Ты выглядишь замечательно.

Спектр похвал в мой адрес тоже ужаслся до минимума.

— Илюш, как я играл?

Он делал тяжелый выдох, уставшее лицо:

— Запомни, ты уже давно не можешь играть плохо.

Эту фразу я слышал последние десять лет существования «Городка».

— Есть замечания? — на всякий случай спрашивал я.

— Нет. И не будет.

Он очень старался себя преодолеть. Искал спасения в кадре, опять заговорил, как для него важен «Городок». Но шести съемочных дней было мало, чтобы вытащить его. Ему требовалось работать тридцать дней в месяц. А как, если за время, что он занимался мюзиклом, мы попрощались с эстрадой? Я очень жалел об этом. Мне и сейчас кажется, что в нашей паре таились богатейшие эстрадные резервы. Илья соглашался на участие в комедиях — лишь бы работать, работать, работать... Свои роли он всегда играл честно и, кстати, писал замечательную музыку к фильмам. Уж какие получались фильмы — вопрос к режиссерам.

А потом выяснилось, что он болен. Они с Ирой съездили отдохнуть в Египет. Вернулись, мы приступили к съемкам. Сюжет играли смешной: женщина прячет любовника в шкаф, потому что возвращается муж. Мне больше всего понравилось в этой истории, что события происходят буднично, привычно и неторопливо. Любовник надевает тапочки, идет к шкафу, где у него уже давно знакомое, обжитое

место, стоит стул. «Фонарик, — говорит он, — и книжку мою дай». Она протягивает ему фонарик и книжку. «Что, горшок было трудно вынести с прошлого раза?» — кричит он ей.

И вдруг после нескольких дублей, когда понадобилось повысить голос, Илюша начал сипеть. Голос уходил из него буквально на глазах.

«Господи, зачем я заставил его орать!» — ругал я себя. Илюша раньше не терял голоса. Он у него был не мощный, но крепкий.

«Ну вот, съездил на курорт, поменял климат», — ворчал я.

Как человек опытный, перечислил таблетки, которые могут помочь, водитель съездил в аптеку, привез. На следующий день голос не восстановился. В последнем сюжете Илюша еле-еле сипел. Он очень переживал. Я вызвал фониатра, чтобы проверить связки. Они оказались абсолютно рабочими. И меня это испугало... Голос не вернулся ни ко второй, ни к третьей передаче.

— Что делать? — спросил Илюша с тревогой.

— Все просто, — ответил я как ни в чем не бывало, — будем озвучивать. У тебя появится палитра голосов, ты увидишь, какой ты потрясающий артист, не просто замечательный, а великий. У тебя каждый герой будет разный.

На озвучание Лелика мы пригласили моего друга из БДТ — потрясающего актера, народного артиста Геннадия Богачева. Он известный мастер дубляжа, его уникальным голосом говорят многие звезды американских фильмов. Илья послушал, ему понравилось, и он успокоился.

А дальше начались обследования. Фониатр, смотревшая Илью, заподозрила микроинсульт. Это не подтвердилось. Но и осиплость не проходила. Наконец в начале лета обнаружилась опухоль в легких... Я поговорил с лечащим врачом. «Ему надо обязательно работать, — сказал он. (Сам бы

я никогда не взял на себя такую ответственность.) — Не сомневайтесь, это необходимо ему для самоощущения. Он должен чувствовать свою нужность, востребованность».

Я считаю, что «Городок» продлил Илье жизнь. Шесть месяцев тяжелобольной человек снимался, несмотря ни на что.

Я его озвучивал, подбирал парики и клеил усы после процедур химиотерапии. За все время ни от одного врача или медсестры в «желтую» прессу или Интернет не попало ни единого снимка, где больной человек в пижаме лежит под капельницей.

В наших разговорах слова «опухоль» и «рак» не произносились. Мы это называли «некое образование». Лечение было успешным, если верить врачам, но очень тяжелым.

Через какие муки прошел Илья, с какой болью боролся, чего ему стоило сниматься, знаю только я и те, кто были на площадке.

От химиотерапии у него началась мучительная икота. Илюша икал сутками напролет. Мы придумали персонаж с сильным заиканием.

— Икай на здоровье, — говорил я.

— Юрик, но это же ужасно! — переживал Илюша.

— Это очень смешно, икай.

Лелик приходил на съемки, опираясь на руку водителя. Ему было страшно тяжело, но у меня даже мысли не было, что он не выкарабкается. За двадцать четыре года нашего знакомства Илья лишь однажды простудился и раз у него болело колено.

Онкологии он боялся всю жизнь. А кто ее не боится? Знаете, как говорят врачи:

*Кинокомпания «20-й век до нашей эры»
представляет фильм «ПАРА Юрского периода»*

- От чего умер пациент?
- Инсульт.
- Значит, он не успел дожить до своего рака.

Из нашего лексикона все слова, связанные с этой болезнью, были исключены. Илюша шел на поправку, лечащий врач говорил, что опухоль удалось разрушить. К последней передаче начал потихоньку появляться голос! Но под воздействием химиотерапии облучений иммунитет оказался на нуле.

Двадцать седьмого октября мы снимали сюжет в центре Питера. Илюша был простужен. Из носа у него лилось нескончаемым потоком, как из неисправного крана. На третий день лучше ему не стало. «Илюх, мне не нравится твоя простуда, — сказал я. — Давай завязывать со съемками».

В квартире, где мы снимали, было тепло, и вдруг Олейников говорит:

- Мне страшно холодно.
 - Илюш, ну как холодно? Тут жара!
 - Дайте что-то теплое.
- Его одели теплее.
- Мне очень холодно.

Я закрыл форточку, отправил ребят на обед. Спросил у хозяйки квартиры:

- У вас есть термометр?

Она принесла. Илюша лег, я укрыл его одеялом. Через пять минут достал градусник, он показывал тридцать девять и два. Я сразу распустил группу, Илюшу отвезли домой.

— Умоляю, пожалуйста, вызывайте «Скорую», терапевтов, педиатров — кого угодно. Тебе нельзя так температуру.

Вечером созвонился с Ирой. «Говорила с врачами, они сказали, что принимать», — успокоила она меня. Но утром позвонила уже тревожная: «Юра, он плох. Очень...»

Мы начали обзванивать клиники. В 122-й медсанчасти, где он в итоге оказался, Илюшу решили интубировать — посадили на вентиляцию легких и ввели в состояние искусственного сна, чтобы организм все силы направил на борьбу с болезнью. «Тяжелый, но стабильный», — уверяли врачи. Они говорили, что, кажется, распознали инфекцию и вроде бы подобрали антибиотик. Я постоянно был на связи с Денисом, который проявил себя в этой ситуации очень достойно, по-мужски.

Десятого ноября у меня была творческая встреча со зрителями в Одессе. Там произошла очень странная штука. Мой выход на сцену предварял двухминутный ролик из «Городка», потом его сменяли фрагменты фильмов, где я снимался. Я спокойно стоял за кулисами с сигаретой, зная, что у меня

еще как минимум минута времени. Ролик про «Городок» заканчивался заставкой, где мы с Илюшей ударяемся лбами: бах! На этом месте экран вдруг погас...

Что такое?! Пять раз проверили — все работало. Я выбросил сигарету, вышел на сцену, извинился, попросил перезапустить. Не получилось, я отшутился и начал встречу.

После концерта оборудование заработало.

Назавтра в четыре утра я получил эсэмэску от Дениса: «Папа умер».

Илюша ушел как настоящий партнер, дав мне провести встречу. И дальше помнил обо мне. На следующий день после похорон я играл спектакль во МХАТе, после девяти дней снимался для телевидения, а потом снова вышел на сцену. Ради Илюши я бросил бы все, но он ушел так, что я ничего не отменил, никого не подвел. Я всегда это знал: артистов хороших — до хрена, а такого партнера, как он, больше не будет никогда.

Мы не два гениальных актера. Мы были гениальной парой.

Умение произнести два слова делает человека — человеком. Эти слова — «Спасибо» и «Прости».

Умение испытывать чувство вины и благодарности отличает нас от животных. И я хочу сказать моему Партнеру: «Прости меня за то, что недодружили, недоругались, недопели, за то, что мало были вместе, и за многое другое... мы знаем с тобой — за что. И спасибо тебе за то, что ты изменил мою жизнь, перевернул ее, научил верить в себя, научил зарабатывать деньги, за то, что терпел мой несносный характер, за то, что относился ко мне то как к сыну, то как к брату, но никогда — как к постороннему...

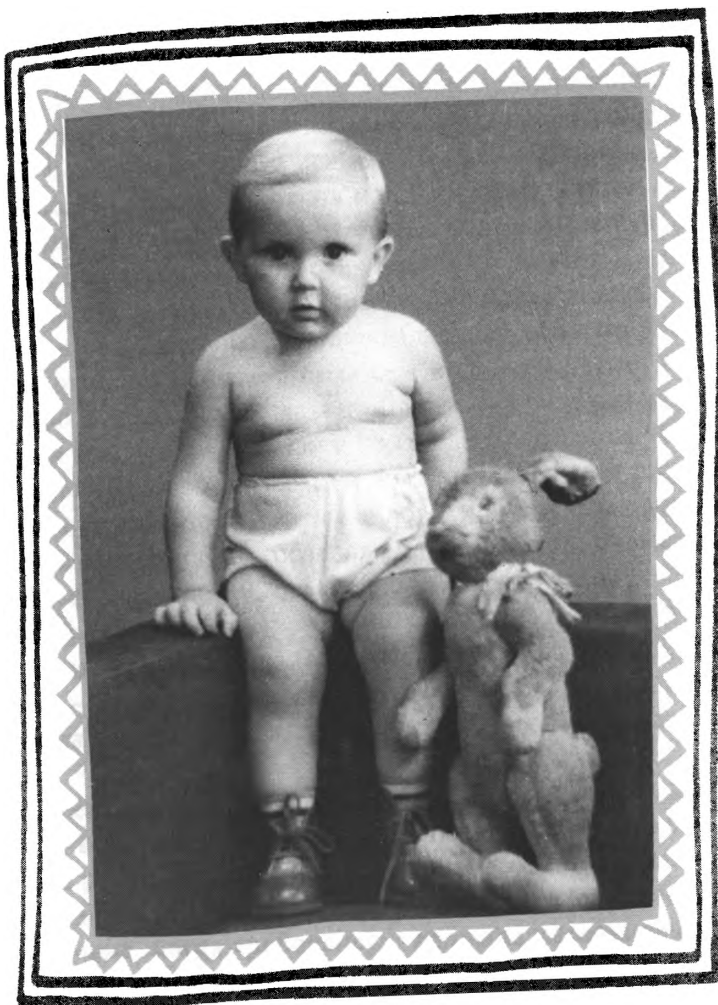
Ты когда-то сказал мне, что я буду жить очень долго. Я постараюсь. И буду всегда рассказывать о тебе. Чтобы тебя помнили, обязательно помнили!

За неделю до твоего ухода я попросил тебя — Лелик, не подведи меня! Но тебя не стало. И это был единственный раз, когда ты меня подвел... Когда мы были вместе — я смеялся, когда ты умер — я плакал. Сейчас я смеюсь и плачу, вспоминая тебя. Ты часто снишься мне. И чем дальше, тем чаще. Наше партнерство продолжается. Но теперь оно стало делом только нас двоих, нашим личным делом...

Вечная тебе память, Друг и Партнер!»

Детство. Десять-ноль
в пользу Олейникова

Моя первая мыльная опера

Не сговариваясь с Олейниковым, я родился в тот же день, что и он, — 10 июля. Илье в этот день исполнилось десять лет. И когда на сладенькое Илюша поедал традиционный для южного праздничного стола «Наполеон» с компотом, я, наверное, жутко орал в роддоме.

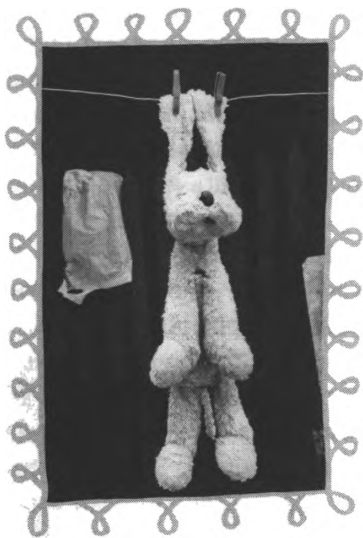
Я помню себя с того времени, когда наша семья жила в Бородине. Прошу не путать мое Бородино с местом исторической баталии. Здесь никогда не бывали Наполеон, Кутузов, Багратион, Милорадович и др. Да и Михаил Юрьевич Лермонтов, сочиняя свое знаменитое стихотворение, не имел в виду деревню Бородино Одесской области. (Недалеко от моего Бородина была еще и станция Париж, и это не про нее Хемингуэй сказал: «Париж — это праздник, который всегда с тобой». Там и по сей день находится исправительный лагерь для женщин. Вероятно, советские топонимики считали, что все женские пороки имеют французские корни, и потому благословили строительство Парижа за колючей проволокой, где вместо Эйфелевой башни стояла вышка с охранником.)

В нашем Бородине была больничка, в которой мой отец — выпускник мединститута — проходил практику, и была сельская школа, где учительствовала моя мама.

Отец, как говорят в Одессе, «работал в органах», то есть был гинекологом. Но поскольку в Бородине рожали и болели реже, чем требовало его звание, он лечил всех подряд от всех болезней, а мама, когда требовалось, держала керосиновую лампу в операционной...

Телевизионная секунда состоит из двадцати пяти кадров, а киношная — из двадцати четырех. И мне, человеку, которого всю жизнь игнорировал кинематограф за «неопределенную внешность», ужасно нравилось, что в моем запахе телевизионщика всегда будет на один кадр больше, чем

*Жил-был у мальчика серенький
зайчик, жил-был у зайчика
беленький мальчик. И вот что
мальчик сделал с зайчиком.*

в кино. Так вот. Моей памятью «отснято» приблизительно двести пятьдесят кадров (или десять секунд) из бородинского детства...

Кусок душистого мыла на рамокойнике безумно притягивает к себе. Рука тянется к мылу. Ни один фрукт не пахнет так вкусно... Начинаю есть мыло. Вкус не соответствует запаху, все равно ем... Приходит папа. Руки намылить нечем. У меня изо рта торчит обмылок... Далее со мной происходит

то, что бывает со взрослыми дядями и с папой, когда они выпивают очень много сухого вина. После этого они обычно говорили: «Полегчало», — и продолжали пить вино. А мне не полегчало... Отец где-то слышал байку, что злые люди делают мыло в том числе и из собачьего жира. В какую-то секунду ему начисто отказали эрудиция и высшее медицинское образование. Если отбросить всю технологическую цепочку мыловарения, получалось, что я — съел собаку!

Самолет санитарной авиации доставил меня в Одессу... С тех пор я не ем мыло и обожаю собак. И еще: мое детство все-таки не было голодным.

МАМА

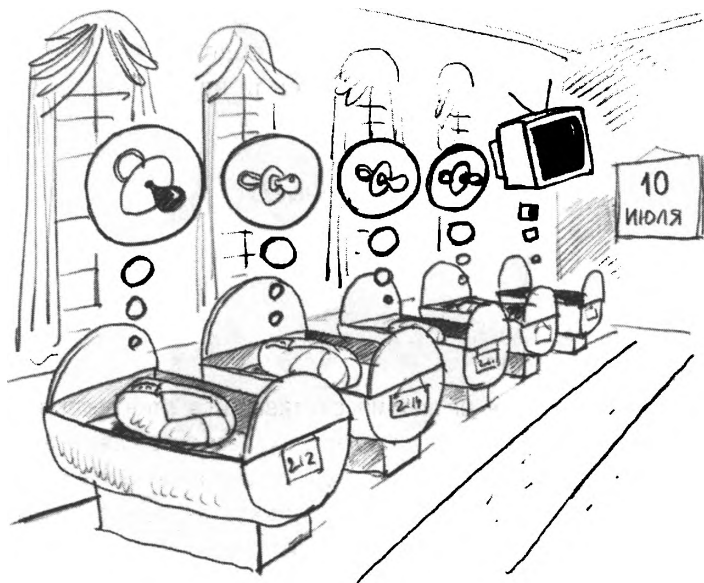

Есть Одесса Бабеля — это район Молдаванки, есть Одесса Паустовского — это Большой Фонтан и центр города, есть Одесса Катаева — это Пересыпь.

И вот мы возвращаемся из Бородина в Одессу, где наш район — Пересыпь — остается таким же, как во времена, описанные в повести «Белеет парус одинокий».

Частный домишко из ракушечника, две комнаты — двадцать восемь квадратных метров, кухня — четыре метра, отопление — печное.

«Удобства» — зимой во дворе, летом — в море. (До моря — метров триста.) Проживали в доме — дед Юра, баба Женя, тетя Варя (папина сестра), мама, папа и я. И была у нас корова Майка. Огромная, коричневая с белыми подпалинами. Очень добрая и умная. Я с ней любил разговаривать. Она давала двадцать литров молока в сутки и поила пол-улицы.

И вот Никита Сергеевич Хрущев в 1960 году (перед самым своим дембелем) издает указ, запрещающий содержать сельскохозяйственных животных в городской черте. Майку нужно было сдать государству. Это я позже узнал про постановление партии и правительства, а тогда казалось, что лично товарищ Хрущев ворует лично у меня мою корову. Впрочем, все это, так сказать, — фон, на котором «отснято» еще несколько кадров из моего детства.

Отдать корову нужно было под расписку на железнодорожной станции в полукилометре от нашего дома. Женская часть семейства рыдала, а мужчины шли небритые, как на похоронах. Из других дворов выводили свиней и коз.

Поскольку Никита Сергеевич сам спровоцировал некоторую свободу слова в стране, то проклинали его громко, всей улицей и сразу на трех языках — русском, украинском и болгарском.

Коров загоняли в товарные вагоны. А ночью над Пересыпью раздавалось жуткое мычание. Это плакали от боли недоенные коровы. К ним никого не подпускали — ни покормить, ни подоить. Теперь они были не частные, а государственные.

Я спрашиваю деда Юру:

— Что такое — государственные?

— Ничьи, — отвечает он.

Папа

Мой папа очень не любил считавшийся прогрессивным в свое время фильм «Председатель». Там есть сцена, когда председатель колхоза (замечательно сыгранный Михаилом Ульяновым) решает, кого из выпускников деревенской школы отпустить в город на учебу, а кого — нет.

Мой папа с внуком Алешей

— Подонок! — говорил папа. Позже я понял — почему.

Отец кончил школу села Благоево в 1949 году с золотой медалью. Паспорта колхозников, по заведенному тогда порядку, хранились в сейфе у председателя, и он высочайше решал, кому выдать паспорт, а кому нет. Николай Георгиевич Стоянов мечтал стать врачом, а председатель мечтал сделать его скотником. Папа удрал в Одессу и устроился на маслозавод. В сапогах, которые были на три размера больше, еле передвигая ноги, он выносил через проходную отшелушенные семечки. Ими и питался, пока председателю не дали взятку и паспорт не выслали в город.

Родители моего отца могли себе позволить дать образование ему одному, и он, ощущая свой долг перед семьей, учился и за себя, и за своих сестер. Как губка впитывал все, что могла дать ему Одесса: не пропускал ни одного симфонического концерта в филармонии, ни одной выставки в музее и все время читал, читал... Строил себя.

Папа очень следил и за своим внешним видом, и за своим здоровьем. Если бы ему предложили продолжить знаме-

Мой папа с сыном Юрой (со мной)

нитую чеховскую фразу о том, что в «человеке все должно быть прекрасно», он бы сказал: «...и обувь, и брюки, и рубашка, и галстук». Или же: «...и печень, и поджелудочная железа, и двенадцатиперстная кишка».

При всей своей аккуратности он вечно что-то искал в своем письменном столе или в шкафу и вечно не находил. Он мог уйти на работу весь чистенький, отутюженный и — с деревянной вешалкой-плечиками, болтающейся сзади на хлястике плаща.

На защиту своей диссертации он вышел из подъезда в новом костюме, при галстуке и в домашних шлепанцах.

Каждое утро папа делал зарядку. Всю жизнь, кроме тех особых случаев, когда он подрывал свое здоровье известным в России способом. При этом он никогда не говорил: «У меня похмелье». Он всегда говорил: «Сыночка, у меня тяжелейшая посталкогольная интоксикация».

Уникальный документ. Дневник моего отца. За январь и февраль 1954 года он побывал на 16 концертах классической музыки. Это дневник не студента консерватории. Стоянов Николай Георгиевич был тогда студентом 4 курса Медицинского института

Когда мне было десять лет, папа уже продумал мою дальнейшую жизнь на четверть века вперед.

— Ты закончишь школу, тебе еще не будет семнадцати, значит, поступать в мединститут можешь два года подряд, —

ПАПА

говорил он с легким одесским акцентом. — Хотя, японский городской, почему ты должен поступать подряд два года?! Какой-то мордovorот из Татурина поступает сразу, потому что у него есть направление от председулькина колхоза!

Неужели я не заслужил, чтобы мой сын пошел по моим стопам?.. Понимаешь, сыночка, это очень плохо, что я доцент мединститута. Детей преподавателей не принимают. Вот если бы я работал говновозом, у них не было бы никаких вопросов! Хорошо. Мы сделаем иначе. Ты поступаешь в Днепропетровский мединститут. Через два года переводишься в Одессу. Через четыре года заканчиваешь. Потом — ординатура, потом — клинординатура, потом — аспирантура. (Может быть, я путаю: сначала клинординатура, потом — ординатура.) К моменту поступления в аспирантуру я уже соберу тебе почти все материалы для диссертации. Все! В двадцать семь лет ты уже кандидат наук! Главное — это не жениться до окончания аспирантуры. Не лыбься, пожалуйста!..

Папа был упрямым человеком. И я был упрямым человеком. И вышло все не по папиному велению, а по моему хотению. Вместо Одесского медицинского был Московский театральный. Вместо ординатуры — Большой драматический театр в Ленинграде. Вместо клинординатуры — армия. Вместо аспирантуры — массовка в театре и песенки под гитару за восемь рублей. И женился я не в двадцать семь, а в девятнадцать. И вместо диссертации подарил отцу двух внуков, первого из которых он принимал сам как гинеколог. А потом внуков у него отобрали, потому что я развелся. А потом вообще лишили возможности видаться с ними, потому что я вторично женился.

А потом... отец умер, так и не увидев меня состоявшимся артистом, а ведь для него это было, может быть, важнее, чем для меня самого.

Папа был одним из самых известных в городе врачей. Когда всем его коллегам стало ясно, что он *уходит* (так говорят в этих случаях врачи), то его кабинет в родильном доме № 7 был переоборудован под палату, где за отцом уха-

живали сестры-акушерки. Он уходил из жизни в том доме, где стольким помог появиться на этот свет. Я ночевал рядом с ним на полу. За неделю до его смерти я вынужден был слетать на несколько дней в Питер (мы снимали один из первых «Городков»). Когда я вернулся, он смог сказать только одну фразу:

— Зачем ты прилетел? А как же там твое телевидение?

Эти его почти последние слова очень много для меня значат...

Я мог бы теперь показать ему весь мир, которого он не видел, подарить ему хорошую машину, которой у него не было, поселить в красивом доме, в котором он не жил, и прислать ему самые лучшие кремы для обуви, которыми он обожал натирать свои ботинки.

У меня так и не получается сыграть смешного врача. Что-то мешает. Что-то, что сильнее желания рассмешить...

Болгары

Моя мать — русская, отец — болгарин, из тех, что полтора века тому назад поселились на юге России. Их тайком вывозили морем русские моряки, спасая от турецкого ига. В шестнадцать лет я для экзотики решил записаться в паспорте болгаринном. Про таких, как я, в застойные годы говорили: «Полукровка — последняя надежда советской власти».

До 1963 года жили мы на Пересыпи.

Мои родственники по болгарской линии (выходцы из села Благоево) с разрешения властей нарезали себе участок, примыкающий к стене завода «Продмаш». А мои русские родственники работали на этом заводе и жили в ведомственном доме — в километре от болгарских. А я — паразитировал на их географической близости.

— Ну, Юрасик, чем тебя сегодня болгары кормили? — спрашивает меня русская бабушка.

— Ой, плохо дело у болгар, бабушка Тамара, — отвечаю. — Все на работе, на базар никто не пошел. Два яичка всмятку покушал, и все.

— А бабушка Тамара тебе котлетки сделала с домашней лапшой!

Возвращаюсь домой к болгарам. Болгарская бабушка Женя спрашивает:

— Баба Тамара тебя кормила?

— Нет.

— А что делала?

— Поила. Компот дала, и все.

— От кацапы, да еба мамка!

Я думаю, это болгарское выражение не нуждается в переводе.

В отместку бабе Тамаре меня кормят ихнией — курицей с картошкой и луком, тушенными в томате.

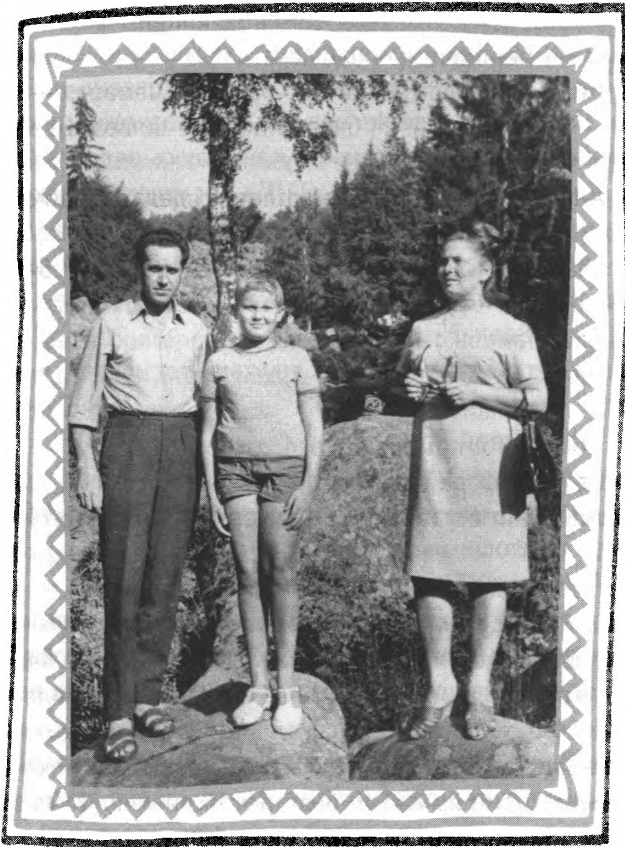
Благодаря моим пересыпским Монтеки и Капулетти я постоянно прибавлял в весе. И мать запретила меня кормить в ее отсутствие. Я нашел выход. Болгарским родичам я пел на кухне болгарские песни, а русским показывал смешные истории из жизни болгарской диаспоры. За это те и другие подкармливали меня исподтишка.

Однажды мой вес едва не стал причиной трагедии. Я нечаянно чуть не убил собственного двоюродного брата Вовку.

Девичья фамилия его мамы — моей тетки и крестной — Стоянова, и у его отца фамилия — Стоянов. Однофамильцы. В загсе, когда они регистрировались, одна идиотка спросила:

— Варвара Георгиевна, вы останетесь на своей фамилии или возьмете фамилию мужа?..

Красивые у меня родители, а вот мальчик девочкам не нравился. Поэтому срочно и надолго ушел в большой спорт

Брат Вовка — чистокровный болгарин. И кличка у него была — Болгарин. Разница в возрасте у нас — шесть лет (я старше).

Непредумышленное убийство могло состояться в конце 1-й Ильичевской улицы, недалеко от нашего дома. Была там

огромная глубокая яма, в которую стекали отходы из коллективных дворов. Яма была огорожена невысоким заборчиком. На нем-то и сидели в жаркий июльский полдень мой пятилетний Болгарин и еще четыре пацана. Подхожу к ним и со словами «Привет, дистрофики!» усаживаюсь рядом на забор. После сухого треска и крика «Ой!!!» последовало секундное ощущение невесомости, и небо оказалось уже не над головой, а перед глазами. Я вскочил. Смотрю: малышня валяется кто где. Пересчитал — три человека. А было четыре.

— А где Вовка?

Сашка Тюльбезов, Вовкин дружок, посмотрел в яму и сказал:

— Утонул твой Болгарин!

Мы склонились над ямой. Никого!

Один маленький паникер (не помню его имени) побежал по улице с истошным криком:

— А Жирный Болгарина убил!

В это время из фекальных вод, как поплавок, вынырнул Вовка с капустным листом на голове. Первые его слова были:

— Ну все, Юрочка, идет рассказ! Идет про тебя рассказ папке!

Дядю Ваню, его папу, я побаивался. Иногда казалось, что под горячую руку может и ломиком по голове тукнуть. Но на любого дядю Ваню есть мой папа, который начнет искать топор. А у моего папы есть его папа, который этот топор обязательно найдет! Болгары, одним словом.

Я говорю Вовке:

— Спокойно, Болгарин, счас мы тебя вытащим. Я тебе велик подарю!

Спасали мы его, как альпиниста из расщелины. Поскольку яма была глубокой, пришлось Сашке Тюльбезову в нее свеситься и схватить Вовку за руки, а я держал Сашку за ноги. Сандалии у него были на вырост — на два размера

больше. Естественно, он из них выскользнул и повторил полет Болгарина. А я остался наверху с сандалиями в руках... Так как велосипед у меня был один, второму малому я пообещал марки.

У этой истории счастливый финал. Засранцев с трудом, но все-таки отмыли. Меня никто не заложил. Правда, Болгарин какое-то время меня шантажировал. Чуть что ему не понравится, он мне подмигивал и говорил:

— Идет рассказ!

Мы, дети болгарского двора, очень любили, когда приходил с работы дядя Миша — муж тети Любы, еще одной папиной сестры.

Дядя Миша трудился на мясокомбинате. С работы он всегда возвращался толще, чем уходил. И даже в жаркие дни носил пиджак.

На кухне дяде Мише помогали раздеться. Он топтался вокруг собственной оси, и с него, как с катушки, падала лента молочных сосисок. Под майкой дядя Миша носил специально сшитый пояс с карманами для мяса и печени. От того, что он работал постоянно с сырым мясом, у него иногда возникало рожистое воспаление на руке. Тогда он брал больничный, и семья переходила на постную пищу. Какая-то бабка с соседней улицы за кусок говядины заговаривала дяди Мишину болячку, и дом опять становился на довольствие мясокомбината.

Ах, как готовила бабушка Женя!

Рождественский стол. Перечисляю: ихния из курочки, тушеная капуста с грибочками, фасолица с жареным лучком, икра из синеньких, икра из кабачков (это из закруток), голубчики величиной с детский мизинец. Квашеные капустные листья для голубцов продают на Привозе, а мяско, я вас

Мои болгары. Бабушка Женя с братьями. 1930 г.

умоляю, не надо пропускать через мясорубку, его надо рубить ножичком долго и мелко. По-болгарски! Что там еще? Естественно, много-много брынзы (и свежей, и выдержанной). Не обходилось и без продуктов ассимиляции — дунайской селедочки, тюлечки, колбаски и чего-нибудь еще чисто одесского.

Но самое главное — на сладенькое — БАННИЦА. На приготовление — день. Пресное тесто раскатывают до толщины бумаги. Слой теста. Растопленным маслицем его сверху. Потом творожок. И сахарным песком из ладошки. И все. И так двадцать пять слоев. И потом в духовку.

Покажите мне человека, который сумеет сегодня сделать настоящую банницу, — и я изменю национальность!

Баба Женя моя. Сколько народу она выкормила, вынянчила и вырастила! Почти не умела читать и писать. Могла

быть властной и непреклонной. Любила, когда я кривлялся, и не разрешала моей шустрой двоюродной сестре Светке идти по улице впереди меня: «Бо он — мужчина!» Пережила и мужа, и сына. И тихо ушла к своему Богу, в которого скромно и непоказно верила всю жизнь...

Живут мои болгары в Одессе. Живут небогато. Рабочие, таксисты, учителя и врачи. И нет среди них больших начальников, нет бизнесменов. Никогда они не были за границей. Даже в стране, на языке которой говорят по сей день.

Что посадит болгарин на земле, если у него будет один квадратный метр? Он посадит куст винограда и красный перец.

Они растут на нашей даче в Одессе, в районе Большого Фонтана, в память о самом главном болгарине в моей жизни — папе.

Юра Стоянов
в школе и дома

Если бы мне нужно было снять фильм по оригинальному сценарию, я бы начал с короткометражки. Но поскольку начинать мне уже несколько поздновато, дарю эту историю коллегам. Это кусок моего детства. Название у этого фильма может быть только одно:

Дорогой Юра!

И вот почему.

Было мне тогда лет 10. Уже три года мы жили в районе блочных и панельных пятиэтажек. Я уже успел привыкнуть к тому, что вода бывает не только в колодце — она может еще и течь из крана, самих же кранов бывает два, и из второго льется горячая!

Я вовсю наслаждался благами хрущевской цивилизации, разучился сидеть орлом на унитазах, стал играть в шашки и разгадывать кроссворды. Я становился Городским!

Я дружил с сыном нашей дворничихи, звали его Игорь. Он был неплохой пацан, но слегка подловатый. Игорь не был похож на мать, а кто был его отец, оставалось тайной. Соседи говорили, что дворничиха нагуляла сына в тюрьме, когда служила там надзирательницей. Судя по некоторым поступкам Игоря, его отец должен был сидеть в одиночке, в карцере, в блоке для убийц.

Дело было осенью. Рядом с нашим двором строилась очередная пятиэтажка, и по выходным, когда строители отдыхали, она становилась местом наших игр и баталий. У стены нового дома, метрах в десяти от нее, была довольно высокая насыпь. С крыши свисали толстые веревки, которыми рабочие поднимали в ведрах песок и цемент. Мы отцепляли ведро, завязывали толстый узел, становились на

Одноклассницы мои...

него и, держась обеими руками за веревку, с насыпи летели прямо на стенку. Круто было! Подлетаешь к дому, выставляешь вперед ногу, отталкиваешься и снова летишь! Не знаю, что там однажды генетически сработало в Игоревой башке, но он незаметно накрутил мне веревку по часовой стрелке, и, когда я прыгнул, она начала раскручиваться в обратную сторону. Я летел на дом и вращался, как юла, и состыковал-

ся со стеной аккурат темечком. Звук был такой, как будто раскололся огромный орех, я потерял сознание и рухнул. Через какое-то время я очнулся от... запаха. Лучком на меня дунуло, я и оклемался. Нависший надо мной рот Игоря прошептал:

— Молчи, сука! Ни-ко-му! Не то я папке скажу.

— ???

— Ну, когда он выйдет.

Я пришел домой и написал письмо в «Пионерскую правду»: о том, что есть в нашем дворе такой сын дворничихи и неизвестного убийцы — Игорь, который сделал со мной то-то и то-то. Поскольку я уже тогда упражнялся в стихосложении, я закончил стихами, которых сейчас не помню. По-моему, чтобы понравиться и вызвать сострадание, а заодно привязаться к названию газеты, я написал что-то про гипотетическую смерть пионера. То есть мою.

Я сочинял и плакал. Я окропил это письмо слезами боли от удара, чувства несправедливости и страха. Тогда же, утирая сопли, я отметил, что когда тебе хреново, стихи сочиняются легче.

Прошла капризная, как все одесское, зима. Игорь, когда мы встречались, говорил одну и ту же фразу: «Привет от папки», — и шел дальше. Он уходил, а обида оставалась... И вот сижу я как-то на уроке, и в класс без стука входит учитель истории в старших классах Игорь Михайлович Ревич.

— Стоянова можно? — говорит.

Классная отвечает:

— Можно.

Вечно перепуганный историк ведет меня по коридору за руку — я до сих пор помню эту влажную руку, которая трясется. Он идет и бормочет: «Ничего-ничего... ничего-ничего...» Помолчит немного и опять: «Ничего-ничего...» Меня заводят в кабинет директора. Сидит директор в полевой

офицерской форме, с портупеей. (Это был 68-й год. В связи с событиями в Чехословакии тогда всех резервистов призывали на военные сборы, а мы, мальчишки, бегали на железнодорожную станцию и смотрели, как мимо шли поезда с танками и пушками на платформах, и кричали солдатам: «Побивайте их там всех!» Так уж было...) По бокам от него, за молчаливым траурным столом, как на поминках — сидят педагоги. И моя бедная мама сидит — заместитель директора по воспитательной работе. И у директора в руках дрожит чашечка и ударяет о блюдце. Тишина и этот звук дребезжащей чашки, и все молча смотрят на меня! Он достает какое-то письмо и протягивает его в мою сторону, и оно плывет по рукам учителей ко мне. Они быстро передают его друг другу, как будто боятся, что на нем останутся отпечатки пальцев. На конверте написано: «Орган ЦК ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина», и три больших ордена красуются — Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции, и указан адресат: «Ученику 4-го «А» класса средней шк. № 27 города Одессы Стоянову Юрию». Директор говорит:

— Юра, я не вскрывал этот конверт. Не мог бы ты при нас его открыть и прочитать, что там написано... Вслух.

Я открываю конверт и читаю... Потом с годами я фантазировал себе, что какой-то дядечка, который работал когда-то в «Новом мире» или в «Иностранной литературе», опубликовал там какой-нибудь отрывок из Солженицына — ему не простили, запихнули в отдел писем детской газеты «Пионерская правда»... и вот этот тихий, спившийся интеллигент-диссидент пьет портвейн и пишет мне письмо:

«Дорогой Юра! Ты написал нам о том, что тебя обидел сын дворничихи. Ты написал письмо. Спасибо, что ПОДПИСАЛСЯ! А знаешь ли ты, дорогой Юра, что у таких писем в нашей стране страшная и трагическая история? А знаешь

ли ты, Юра, сколько миллионов людей после вот таких вот писем были расстреляны и сгнили в лагерях? А их дети — твои ровесники росли в детских домах за колючей проволокой.

Юра! Тебе 10 лет. Надеюсь, ты здоровый и крепкий парень. Да подойди ты к этому Игорю и врежь ему хорошенько! А если он сильнее тебя, возьми кирпич и дай ему по го-

Мужчины 10 А класса

лове! И никогда в жизни больше не пиши, ни в одну газету, ни в одну организацию! Твоя «Пионерская правда». Дальше шла подпись сотрудника отдела писем. Я так думаю, что к концу письма автора окончательно развезло.

В кабинете директора тогда все облегченно выдохнули. Они поняли, что пронесло, что никакой комиссии не будет

в школе — ни ЦК ВЛКСМ, ни какой-либо другой; что я ни на кого не наступал. Кроме Игоря.

После школы я пришел в наш двор, взял на стройке полкирпича (все-таки половину кирпича, а не целый!) и врезал сзади по голове этому Игорю. У него потекла кровь, а я дер-

*Ученик 27 средней школы города Одессы Стоянов Юрий
с завучем по воспитательной работе Стояновой Евгенией*

жал перед собой на вытянутой руке мою индulgенцию — письмо из «Пионерской правды»! Выскочила дворничиха. Она несла сына на руках, как на революционных картинах, и вопила, гэкая на южный манер: «Интеллихенты Ихоря убили! Интеллихенты Ихоря убили!!!» Слава богу, Игоря не

убили. Кирпич прошел по касательной. Царапина. А вот родители мои выпороли меня так, что я засомневался, что они ИНТЕЛЛИХЕНТЫ.

Много лет прошло, но письмо это я запомнил на всю жизнь. «Дорогой Юра!» — так оно начиналось...

Урок рисования

Я очень плохо рисую. В сегодняшней своей работе особенно остро ощущаю это неумение. А ведь мог научиться, мог. Я был в третьем классе, когда у меня отбили всякую охоту к рисованию.

— Дети, послушайте тему домашнего задания, — говорит наша учительница Олимпиада Николаевна. — Тема такая: «Рабочее место моего папы». Рисунки сдадите завтра. Я разрешаю, чтобы ваши папы вам помогли.

Я решил обойтись без отцовской помощи. Пришел домой, достал с полки толстый, богато иллюстрированный том, изданный на иностранном языке, и нашел фотографию, где было запечатлено нечто, напоминающее мне рабочее место моего папы.

Я не раз бывал у него на работе и имел представление о том, как выглядит это самое рабочее место. На кухне я нашел папиросную бумагу, которую бабушка обычно кладет на противень и смазывает жирными гусиными перьями, чтобы испечь банницу. Эту прозрачную бумагу я положил на фотографию и аккуратно прорисовал ее карандашом. Получилось — один к одному. Черно-белую заготовку я произвольно раскрасил цветными карандашами и внизу подписал чернилами: «Рабочее место моего папы — Стоянова Николая Георгиевича». Я был уверен, что пятерка за домашнее задание у меня в кармане.

А назавтра был большой скандал. Олимпиада Николаевна не стала вызывать моего отца, ограничилась матерью, которая работала в моей же школе. Я стоял за дверью директорского кабинета и слышал, как наш директор Владимир Георгиевич Демидов все время повторял: «Конечно, это ужасно», — и начинал хохотать.

Помню и слова моей мамы, прогрессивного педагога, проходившего практику у самого Сухомлинского:

— Плохо не то, что он это нарисовал, а плохо то, что он это срисовал. Значит, нет ни памяти, ни фантазии.

— Понимаешь, Женя, — обратилась Олимпиада Николаевна к маме, — ладно бы он срисовал просто рабочее место, так он же изобразил и самого папу, что называется, в деле.

...В нашей трехкомнатной хрущевской «распашонке» отцовский кабинет служил и моей комнатой. У папы была библиотека (одна из лучших в городе) по его медицинской специальности. Несколько тысяч книг.

Когда я засыпал, мой взгляд невольно останавливался на какой-нибудь массивной монографии вроде «Пол, брак, семья», а когда я просыпался, то видел перед собой либо «Рак шейки матки», либо «Кесарево сечение».

Тиль Уленшпигель, д'Артаньян и граф Монте-Кристо не были героями моего детства. Моим героем был человек в белом халате, шапочке и марлевой маске, в бахилах, с огромными щипцами в руках.

Я всегда гордился профессией своего отца. Ведь если бы не было на свете акушеров и гинекологов, то не было бы ни меня самого, ни всего третьего «А» класса 27-й одесской средней школы, ни даже Олимпиады Николаевны, так и не научившей меня рисовать.

Большая перемена

На двух лавках рядом с эбонитовым столом для игры в домино сутками сидели домохозяйки дома № 17 по улице Измайльской и обсуждали все и вся.

Они знали, что сегодня будет на обед у Басарских — наконец-то мясное (!), что к Гендеку приехал внук — кацап из Москвы, что Дмитрашко из 37-й квартиры, как всегда, трезвый, а эти из 12-й, у которых нет детей, как всегда, под газом, что Хромой, сволочь, устроился рубщиком мяса на Новом базаре, что Иванов — не обязательно русская фамилия (посмотрите на жильцов 21-й квартиры) и что Стояновы купили телевизор (интересно, на какие такие деньги?).

Прибежав на большой перемене домой, чтобы перекусить, с балкона пятого этажа нашего дома я наблюдал за торжественным вносом телевизора в подъезд. Телевизор не был упакован, и я увидел, что это цветной телевизор. Почему? Потому что у него был цветной экран.

Я закричал на весь двор:

— Папа купил цветной телевизор!

Настоящие цветные телевизоры появились лет через пять, но кто-то из сидящих на скамейке снисходительно заметил: «Большое дело!», что в переводе с одесского на русский означает: «Ну и что?»

Чудо с экраном в 36 сантиметров по диагонали называлось «Рубин-102». В нем, кроме самого телевизора, был еще и радиоприемник.

Может быть, вы помните эти целлулоидные с цветными полосами вставки в экран? Они-то и должны были имитировать цветность.

Когда телевизор включили в сеть, на экране появился диктор. У него было синее лицо, зеленая шея и трехцветный костюм.

Эта женщина хотела сбросить меня с 5 этажа!

Очень красиво. Но родителям не понравилось, и отец убрал с экрана прозрачный лист со всеми цветами радуги. Я устроил жуткую истерику и выдал все, на что способен обиженный семилетний одесский мальчик.

Не помню, что я тогда орал, но явно ляпнул что-то лишнее, может быть, даже нецензурное. Ничем иным не могу

объяснить поступок моей мамы, педагога со стажем, которая вытащила меня на балкон и закричала:

— Если ты не заткнешься, я выброшу тебя с пятого этажа! Я тебя убью!

Я посмотрел вниз. Внизу стояла тетя Фаня по кличке «Би-би-си», а рядом какала овчарка из 15-го дома. Падать на них мне не хотелось, и я завопил: — Мамочка, не убивай меня, ты еще будешь мною гордиться!

С тех пор сменилось три поколения телевизоров, появились внуки у щенков той овчарки, в продукты жизнедеятельности которой я мог быть сброшен, сам я работаю на телевидении. И мне кажется, на этом самом телевидении я только и работаю для того, чтобы тетя Фаня «Би-би-си» говорила мне при встрече:

— Она таки может тобою гордиться.
«Она» — это мама.

Урок физкультуры и труда

Жирный кабан
Залез в чемодан.
Чемодан провалился,
Жирный убился.

Эти вирши мне доводилось часто слышать в свой адрес. Я, плод кулинарного соперничества двух моих бабушек, гастрономическое поле битвы между конкурирующими болгарскими и русскими кланами, их заслужил. Родственники научили меня интеллигентному ответу: «Я не жирный, а упитанный».

В нашем дворе, конечно же, пели песни. Порой на политическую тему.

Например:

Куба, отдай наш хлеб!
И заberi свой сахар!
Куба, Хрущева на свете уж нет.
Куба, пошла ты на...

По вечерам звучала лирика:

А я ли тебя не любил?
А я ли тобой не гордился?
Следы твоих ног целовал
И чуть на тебя не молился!

Вот это «чуть» мне безумно нравилось. Это очень одесски. То есть уже так сильно любил, что еще немного — и начал бы молиться. Но не начал. Просто целовал следы ног.

Поскольку Одесса — город многонациональный, то в межэтнических конфликтах последним аргументом часто становился не кулак, а слово:

Жид — жид — жид — жид
По веревочке бежит,
У него хвост дрожит...

Или:

Шел хохол,
Наложил на пол.

Ответ:

Шел кацап,
зубами — цап!

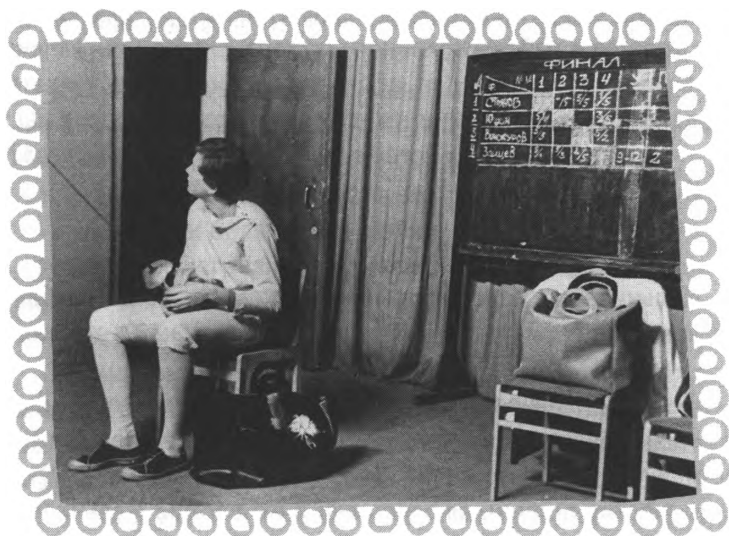

Или: «А Гагарин — не болгарин!» И так далее.

Но ко мне чаще всего были обращены стихи про этого, который залез в чемодан. И я решил худеть. Я записался в секцию фехтования. Оружие — сабля. Тренер — Аркадий Самойлович Бурдан. Имя-отчество и фамилия тренера внушили доверие моему папе: «Значит, не какой-нибудь там мордovorot». Аркадий Самойлович, несмотря на фамилию, оказался настоящим извергом. Он издевался над нами по шесть часов в день. При этом обращался исключительно на «вы».

— Стоянов, вы должны понять: при ваших габаритах по вашей роже я точно не промажу!

Надо отдать должное Аркадию Самойловичу. Четыре года тренировок — ежедневных кроссов, беготни в сорокакилограммовом жилете, бои с воображаемым противником и, не дай бог, с самим Аркадием Самойловичем — сделали свое

Фехтовальщик. Мне 16 лет

дело. Я начал сокращаться в ширину и вытягиваться в высоту. Школу я закончил с такими параметрами: рост — 183, вес — 70 кг.

Я — человек увлекающийся. И фехтование было огромной частью моей пацанячьей жизни. Папа даже говорил в пылу, что если мне вскроют черепную коробку, то там обнаружат только мятую фехтовальную перчатку.

Как-то на уроке по трудовому воспитанию, когда учитель вышел из мастерской, я показывал однокласснику Сереге Мельниченко какие-то фехтовальные приемчики на напильниках.

Нашего мастера по слесарному делу звали Феликс (отчества не помню). Кличка — Челюсти, потому что у него во рту было тридцать два железных зуба. Вообще железо было его любимым материалом. Он собирал по дороге в школу ржавый металлолом и заставлял нас делать из него всякие полезные, с его точки зрения, вещи: механизм для сгибания протеза в районе коленного сустава, силуэты писающих мальчиков из жести для обозначения мужского туалета, капканы для мышеловок и так далее. Как-то он спросил нас:

— А что бы вы сами хотели сегодня сделать из железа?

И Мельниченко ответил:

— Зубы.

— Почему?

Мельниченко, передразнивая Феликса (тот, когда улыбался, кокетливо прикрывал железный рот ладошкой), ответил:

— Потому что красиво!

Феликс подошел к нему с видом застенчивого убийцы и вежливо попросил выложить на верстак все содержимое портфеля. Серега вывалил все, что было. Феликс собрал ученические причиндалы в стопку и ею вломил Мельниченко по темечку. На Серегину беду, в этот день по расписанию был урок черчения. Так что огромный деревянный пенал

пришелся на основание пирамиды, которой его припечатал Феликс. Серега так испугался, что, по-моему, даже не понял, больно ему или нет. А Феликс вдруг устроил какую-то жуткую уркаганскую истерику:

— Мочить вас буду, козлы вонючие! Мама, падлой буду!

Мы все драпанули из мастерской, потому что до нас стало доходить, где Феликс приобрел навыки работы по металлу. Мы так сдрейфили, что никому не рассказали о ЧП.

Со временем все как-то поутихло и подзабылось и бдительность наша притупилась. И вот показываю я Сереге фехтовальные удары с помощью напильников и учу его брать защиту. Искры летят во все стороны. В это время в мастерскую вошел Феликс. Серега первым заметил его и инстинктивно прикрыл голову руками, как бы говоря этим: «Товарищ учитель, а вы меня уже били, помните?» Феликс взял меня за шиворот, подвел к дверям и ногой дал мне пенделя по мягкому месту. Я вылетел в коридор и совсем не больно приземлился. Вижу — по паркету двигаются знакомые каблучки. Идет мама с какой-то комиссией и объясняет:

— А здесь у нас проходят уроки трудового воспитания. Опытные педагоги. Прекрасное оборудование...

Я начал корчиться и постанывать:

— А-а-а, как больно, как же мне больно...

Мама, перешагивая через меня, тихо процедила сквозь зубы:

— Встань, клоун, не верю!

Так мне был преподнесен первый урок по мастерству актера. Остальные уроки того, как нужно корчиться, чтобы верили, я получил в Москве, в ГИТИСе (Государственном институте театрального искусства).

Там же я узнал о том, что авторство легендарной фразы «Не верю!» принадлежит не моей маме, а Константину Сергеевичу Станиславскому.

Ленин и Крупская — мои однокурсники

Как хорошо, что есть друзья!
Я к ним могу прийти голодным,
Не будет их прием холодным,
И мы закусим, как князя.
Но если у моих друзей
Мы не найдем и черствой булки —
Вперед! — в соседнем переулке
Живут друзья моих друзей.
Друзья друзей моих друзей —
Друзья, конечно, неплохие,
Они и для меня такие,
Которых не любить нельзя.
Кого же из друзей моих
Люблю я больше, чем других?
Скажу вам честно, не тая:
Всех тех, что влюблены в меня!

О каких таких друзьях, живущих в соседнем переулке, я сочинил эту студенческую песенку на первом курсе? Все мои друзья жили в соседних комнатах на втором этаже общежития.

Очень немосковский был у нас курс. Совсем не блатной. На нашем курсе никто не продолжал актерской династии. Сплошь провинциальные основоположники династии собственной. Было, правда, несколько москвичей — замечательных ребят, которые проводили все свое свободное время с нами.

Адрес нашей общаги — Трифоновская, 45б. Поскольку нравы там царили довольно свободные, то в ходу была такая шутка: «А почему только сорок пять «б», если б... там значительно больше?»

Всем курсом мы вываливались в девять утра на Трифоновку, а если опаздывали, то разбивались на группы по четыре человека и брали такси. Двадцать пять копеек с носа — и за рубчик нас подвозили по бульварам до Никитских ворот, а там — по Герцена налево уже рукой подать до Собиновского переулка.

Перед занятиями по мастерству актера у нас всегда была часовая пауза, которую мы заполняли весьма оригинально.

Два человека становились на шухер — один на лестнице, второй у дверей — и начинались подпольные практические занятия по истории КПСС в лицах.

Первокурсники. Этюд «Хирурги».

Много лет спустя моего автора Володю Трухнина спросили:

«Как правильно писать — хИрург, или хЕрург?»

Он ответил: «Зависит от того, какой врач!»

В 19 аудитории было свое закулисье и небольшая сцена, на которой мы инсценировали даты календаря. Например: «Ночь перед штурмом Зимнего».

В роли Ленина — Виктор Сухоруков, Крупская — Татьяна Догилева, Керенский — Юрий Стоянов, Лицо от театра — Геннадий Залогин, исполнители массовых сцен (революционные солдаты, матросы и проститутки) — студенты курса.

Мы ни о чем не договаривались заранее. Сценарий импровизировался на ходу.

Витя Сухоруков Ильича играл гениально. Маленький, лысый, с раскосыми глазами, он пародировал все штампы актерской ленинианы от Штрауха и Щукина до Каюрова и Ульянова.

Витяка лежал с Таней Догилевой под одеялом. На авансцену выходило Лицо от театра, и Генка с пафосом говорил в зал:

— В ночь перед штурмом Зимнего Ленину, как никогда, хотелось спать. Ничто человеческое ему было не чуждо.

При этих словах Сухоруков-Ленин начинал домогаться Догилевой-Крупской. Под одеялом шла возня. Догилева кричала:

— Володя, только не сегодня! Завтра наши мальчишки берут Зимний! Тише, товарищ Ульянов, уберите ручонки. Феликс может услышать.

Лицо от театра торжественно-проникновенным голосом прервало эту пикантную разборку под одеялом:

— «Ленин — человек». Как мало на самом деле мы о нем знаем! Ленин — сын, Ленин — муж, Ленин — отец... — Тут Генка Залогин поперхнулся, он понял, что его с точки зрения исторической правды занесло. — Ленин — друг и товарищ! — поправился он.

Сухоруков подхватывал:

— Гусь свинье не товарищ! Плевать я хотел на этого Железного Феликса! На этого ржавого поляка! На этого стукан-

ча! Я хочу тебя! Надежда, я загадал, — вдруг он начинал по-поповски окать, — если ты не отдашься мне, дочь моя, то восстание провалится. Это такая примета.

В это время массовка сама начинала восстание. Драка, крики, стоны... И я в роли Керенского бегаю и кричу:

— Господа, одолжите кто-нибудь лифчик и чулки. Умоляю. Мне по учебнику истории КПСС положено драпать в женском платье!

На авансцене Надежда Константиновна выполняла требования вождя, а Лицо от театра резюмировало:

— Да, сегодня мы перелистнули еще одну неизвестную страничку из жизни Ильича. Он был суверен. Эта распространенная человеческая слабость была присуща и ему — великому человеку. И кто из летописцев знает: не пойдя Надежда Константиновна ему навстречу, чем бы обернулась для истории эта примета?!

Таким образом, когда в аудиторию входили наши учителя — Всеволод Порфирьевич Остальский, Евгения Николаевна Козырева и любимый мой, поистине гениальный педагог Владимир Наумович Леверт, — мы уже были хорошо «размяты» с актерской точки зрения.

Всеволод Порфиорович Остальский. Умный, добрый, толстый, смешной. Все время говорил:

— Вы все — мои дети. Здесь нет любимых и нелюбимых. Все вы — мои дети!

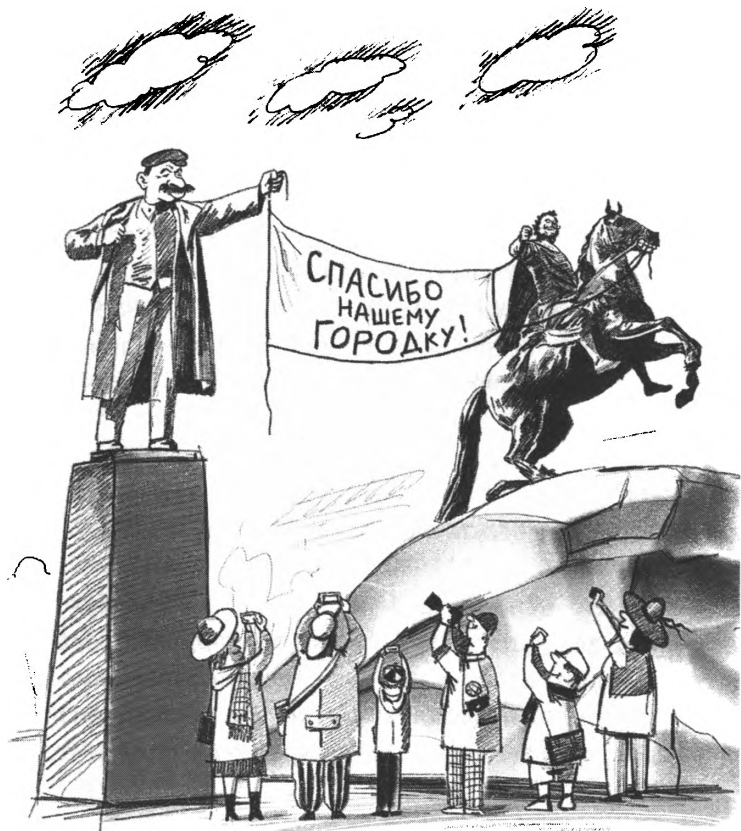
И договорился.

Однажды в три часа ночи к нему пришел мой друг и однокурсник латыш Арик под хорошим газом. Почти на бровях. Арик рос без отца. И когда на пороге появился Остальский в трусах, Арик сказал:

— Всеволод Порфиорович, усыновите меня! Я хочу быть Арием Всеволодовичем... Папа!

Заплакал и упал.

Евгения Николаевна Козырева.

Знаменитая Медея и исполнительница роли матери в кинофильме «Убийство на улице Данте». Красавица с огромными глазами и невероятным темпераментом. Показывая, как надо играть любовь, могла запросто сломать стул. Внушала мне, что я по амплуа — герой. Не внушила.

Владимир Наумович Левертов. Великий педагог. Сделал меня актером. Проходят годы. Прибывают понемногу профессиональная свобода и какие-то штампы, которые кое-кто называет мастерством. Но если иногда что-то получается у меня искренне и органично в кадре или на сцене, то именно потому, что был в моей жизни именно этот человек.

С появлением педагогов в аудитории замолкал шум «Октябрьского переворота» и начинались «петельки-крючочки», «верю — не верю» и так далее.

Недавнего исполнителя роли Ленина Витю Сухорукова двадцать минут подряд заставляли продевать воображаемую нитку в ушко воображаемой иголки, а Таню Догилеву — делать бесконечный этюд по физическому самочувствию на тему: «Что такое — холодно?»

Мы же с Залогиным обычно забивались в угол, потому что азы профессии нам давались с трудом...

Никто из нас не читал тогда Солженицына. Импровизируя на тему Октября, мы просто валяли дурака, и, слава богу, на нас не стучали куда следует. А если бы стукнули и если бы Витька Сухоруков не учился продевать нитку в иголку, то, может, и не сыграл бы он Ленина в фильме «Комедия осо-

бого режима» по Довлатову. И Татьяна Догилева не стала бы знаменитой актрисой. И, возможно, Илья Олейников делал бы «Городок» с кем-нибудь другим...

Как давно все это было...

В юности.

В 1974 году.

...А в 1975-м я переехал из общежития на частную квартиру стоимостью тридцать рублей в месяц, включая коммунальные услуги. К этому же времени относится начало моего увлечения любительским собаководством. В выходные дни я пропадал на Птичьем рынке недалеко от Таганской площади. Чего там только не продавали! Купить можно было все, что шевелится, бегают и плавает на земном шаре. Я околачивался преимущественно в собачьих рядах. Всех собак мне было жалко.

Первого моего пса мне продали как той-терьера. Щенок не рос, остался двадцатисантиметровый в холке, не лаял, а мяукал, и язык не поворачивался назвать его кобелем.

Через два месяца он переключался к отцу моей первой жены в Минеральные Воды и там продолжил свою странную породу.

Второго пса мне выдали за «русскую гончую». Три месяца я лечил его от глистов, а потом подарил одному егерю.

Третьим был двухлетний курцхаар, у которого затянулся период полового созревания.

Однажды я пришел из института домой и застал жену сидящей на шкафу. Внизу лаял пес, и глаз у него был какой-то очень весенний.

Курцхаара я отвез обратно на Птичий рынок и подарил двум школьницам из Подмосквья, дав еще и денег на электричку. Как они доехали до дома, не знаю.

А это — Пончик. Мой нынешний лучший друг человека

Так что благотворительность я понимал очень по-своему: помоги собаке и подари ее другому.

Все же если я пропускал занятия, староста курса Юра Богданов объяснял педагогам мое отсутствие так:

- Он болен.
- Чем?

*1978 год. Владимир Наумович Леверттов и я.
Спасибо ему за профессию!*

— Любовь к животным.

...Четырнадцать лет у меня жил Тиль — беспородный пес, обаятельное существо с человеческим взглядом, которое я называл «карликовым ньюфаундлендом». Из всех команд он понимал только одну: «Сделай зайньку». Выполняя ее, он садился на задницу и ждал куска колбасы. С этим трюком Тиль и кочевал из одного выпуска «Городка» в другой.

Как я был героем Советского Союза

В армию меня призвали в 1979 году. Служил чуть больше года. Вот как это все происходило.

Товарищи солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры и генералы нашего Городка!

В «Городке» у нас было довольно много историй про армию. Ни один военный человек ни разу не обиделся на нас. По крайней мере, в глаза никто не высказывал никаких претензий. Передача у нас не злая, простодушная. И вообще «Городок» оценивается по очень простой шкале: «смешно — несмешно». И я, и Илья, оба мы отслужили срочную службу. Поэтому все армейские типажи, знакомые вам по «Городку», — все они взяты нами, как говорится, с натуры. Все они родом из нашей молодости, и у большинства есть реальные прототипы. И прапорщик Пилипчук, и товарищ Генерал, и рядовой Узурбаев — наши старые знакомые. И мы с Олейниковым шлем им наш армейский дружеский привет.

Было мне в ту пору аж двадцать два. После окончания московского ГИТИСа работал в Ленинградском Большом драматическом артистом. Человек семейный и при ребенке, жил в общежитии, играл одну главную роль и чуть ли не ежедневно бегал по сцене в бесчисленных массовках. Ясно, что как всякому перспективному артисту, мужу и отцу в солдаты мне идти не хотелось. Исполнение почетной обязанности гражданина грозило, как мне тогда казалось, потерей профессии. Только-только Георгий Александрович Товстоно-

гов стал отличать меня при встрече от Юрия Томошевского, моего однокурсника, жившего в том же общежитии и столь же «плотно» занятого в текущем репертуаре, как на тебе — служи Советскому Союзу! Нам, «драматическим», светило по полтора года, а несчастных «балетных», скажем, забривали на два, потому что ни у кого из них не было высшего образования. Среднее специальное, то есть как бы хореографическое ПТУ — да, а высшего — нет. («Балетные» убивались пуще нашего — хореографические экзерсисы с киркой да лопатой еще никого не привели в Большой театр или в ансамбль Моисеева.) Если бы я знал, от какого источника вдохновения я пытался увильнуть!

В начале 1979 года, то есть когда нам грозил осенний призыв, а именно накануне Афганской войны, был недобор солдатского поголовья в армии. Забирали всех подряд. Служить мне предстояло вместе с моим другом и партнером Юркой Томошевским по кличке Томаш. Директор театра пообещал нам, что служба будет «не бей лежачего», блатная, будем отбывать свое в ансамбле Ленинградского военного округа, у Кунаева. «Пойдете, куда вам скажут в военкомате, — сказал директор, — где-то распишетесь в бумажке, а вечером в театр, на работу. Вы остаетесь в репертуаре, заменять вас некем. Я обо всем договорился с вояками». Так говорил директор.

На городском сборном пункте рассортировали нас по командам с какими-то секретными мистическими кодами. Выкрикивает, например, дембель: «Команда шестьсот шестьдесят шестая Г, на выход», — и двадцать перепуганных архитекторов или клубных работников уходят в неизвестном направлении. (В тот день призывались только те, у кого высшее образование.) А Томаш мой все время чего-то шухерит, гоношится, крутится возле прапорщиков, и я понимаю, что дорожки наши могут разойтись. Наверное, он, гад, ду-

маю я, в другом ансамбле служить будет. В еще более блажном и халявном. Не знал ни я тогда, ни Юра Томошевский, что на ближайший месяц нашим ансамблем станет школа сержантов в полку имени Ленинского комсомола и что танцевать мы с ним будем в кирзе на плацу, а декламировать — в Ленинской комнате на политзанятиях. Ошибочка вышла у директора Академического Большого драматического театра имени Алексея Максимовича Горького. (Звали директора — Володя Вакуленко. Спасибо ему!..) Посадили нас человек десять в автобус с черными занавесками. Ког-

17 апреля 1978 года. Ленинград, набережная реки Фонтанки, 65, у служебного входа в Большой драматический театр.

Десять минут назад закончился показ всего нашего выпускного курса художественному совету театра, и Г.А. Товстоногов зачислил в труппу меня и Юрку Томошевского (справа). Как все радуются за нас!

(Через много лет мы, с разницей в один год, расстанемся с театром.)

В 1978 году Георгий Александрович пригласил меня в БДТ. Короткие переговоры он завершил цитатой из Диккенса: «Надеюсь, что наше знакомство будет длительным, как сказал джентльмен, обращаясь к пятифунтовому билету». Знакомство было действительно длительным — пятнадцать лет. Но если считать меня «пятифунтовым билетом», то будущее показало, что Джентльмен меня переоценил и несколько завысил цену. Мои восторги ничего не добавляют к портрету великого режиссера, но я навсегда запомню огонек его вечной сигареты, блуждающий по темному зрительному залу, и несколько добрых слов, обращенных ко мне...

да мы пересекали Невский проспект, прапорщик зашторил окна.

— Далее маршрут следования вам знать не положено.

Ехали два часа. И приехали куда-то затемно. Мы с Томашем стоим под плакатом «Служу Советскому Союзу!». Подходит к нам солдатик, весь грязный, худющий, кашляет:

— Пацаны, нет ли у вас че-нибудь такого, шоб и вам не жалко было, и нам пригодилось?

Я понял, что с харчем и бытом у них тут хреново. Отвели нас в казарму. Дневальный, стоящий у тумбочки, отдал нам честь. Очень странно. Мы ведь с Томашем оба в костюмах. Как-никак в ансамбль шли служить! Кроме того, однокурсник мой был с хорошего бодуна и до сих пор не оклемался. Подошел к нам лейтенант, на вид моложе нас, и говорит:

— Счас рота с пробежки вернется, и я вас размещу, а утром переоденетесь.

Никогда не забуду, как возвращалась эта рота с пробежки. Дверь в казарму была узкая. С жуткой скоростью по одному влетали в эту дверь новобранцы и механически отдавали честь тумбочке (мы с офицером стояли за колонной, а дневальный куда-то отошел). Солдатики все потные, запыхавшиеся, на одно лицо, каждый, как робот, отдает честь тумбочке и — бегом в казарму. Когда мимо нас пробежало человек семьдесят, я услышал за спиной какие-то странные звуки. Поворачиваюсь. И что же я вижу? Стоит мой Томаш, лицо бледно-зеленого цвета, руки трясутся, глаза навывкате, язык на подбородке, а задом он раскачивает с такой скоростью, как будто крутит хула-хуп. Картина Босха. Или еще кого-нибудь. Одним словом, «Ужасы нашего городка». В довершение всего у Томаша подкашиваются ноги, и он со всей силой наворачивается на цементный пол. Ну, думаю, гад, косит по всем законам эпилепсии. Гениально косит! Но что самое гнусное — косит в одиночку. Предатель. Я к нему на-

Наверное я один в истории советского вооружения, у которого воинская специальность — артист клубов и библиотек

клонился и шепчу на ухо: «А как же я? Ты, клоун?!» И тут он начал меня душить, и душить по-настоящему. Только тогда до меня дошло, что я несколько переоценил талант моего однокурсника и что дело серьезное. Лейтенант отгасил Томаша от меня, куда-то позвонил. Прибежали два санитары с носилками. Томаш к тому времени устаканился. Застыл в какой-то скрюченной позе и стал похож на полярника, много лет пролежавшего в вечной мерзлоте и обнаруженного челюскинцами...

Причину этого странного припадка позже объяснил врач.

Неделю пить горькую, весь день ничего не есть, два часа трястись в темном автобусе и вместо ансамбля Кунаева оказаться в казарме, где мимо

тебя пронеслось семьдесят человек, отдающих честь тумбочке, — вот тебе и вся причина поехавшей крыши...

Унесли Томаша — надежду и опору мою на ближайшие полтора года. Остался я один. Подходит ко мне доброжелательный такой дядька — старшина, пожал руку и говорит:

— Побудь последнюю ночь гражданским. Сам найди себе койку. Рота еще формируется, перекантуйся одну ночь.

Вхожу в казарму. Горит тусклая синяя лампочка. Почти ничего не видно, но слышно, что рота уже дрыхнет — сопит, храпит и бредит во сне. А один несчастный бормочет довольно громко:

— Наташа, не надо! Наташа, не надо!

Что же такого, думаю, должна была проделать с парнем Наташа, что он и во сне просит: «Не надо!»

Пробираюсь между нарами. На некоторых сдвоенных кроватях спят по три человека. Постельное белье не у всех. Кое-кто просто на матрасе и с одеяльцем поверх. Где же мне пристроиться? Тут вижу я в полутьме, в самом торце казармы, особняком стоящую кровать. Делаю шаг и спотыкаюсь. Оказывается, кровать стоит на небольшом возвышении, вроде как на помосте. Я тихонько раздеваюсь, вещи аккуратно, по-домашнему кладу на табурет и буравчиком ввинчиваюсь под одеяло. Хорошо-то как, господа! Может, последнюю ночь сплю по-человечески. Подушка — пуховая, простыня — накрахмаленная, спокойной ночи, Юрик! И вдруг — вспышка света. Зажглись все лампы. Стоит старшина, держит в руках мои шмотки и орет:

— Куда же ты, падло, на кровать героя улегся?

Я ничего не понимаю, начинаю вертеть башкой. Вижу только перепуганные лица проснувшихся солдат. Тогда старшина уточняет:

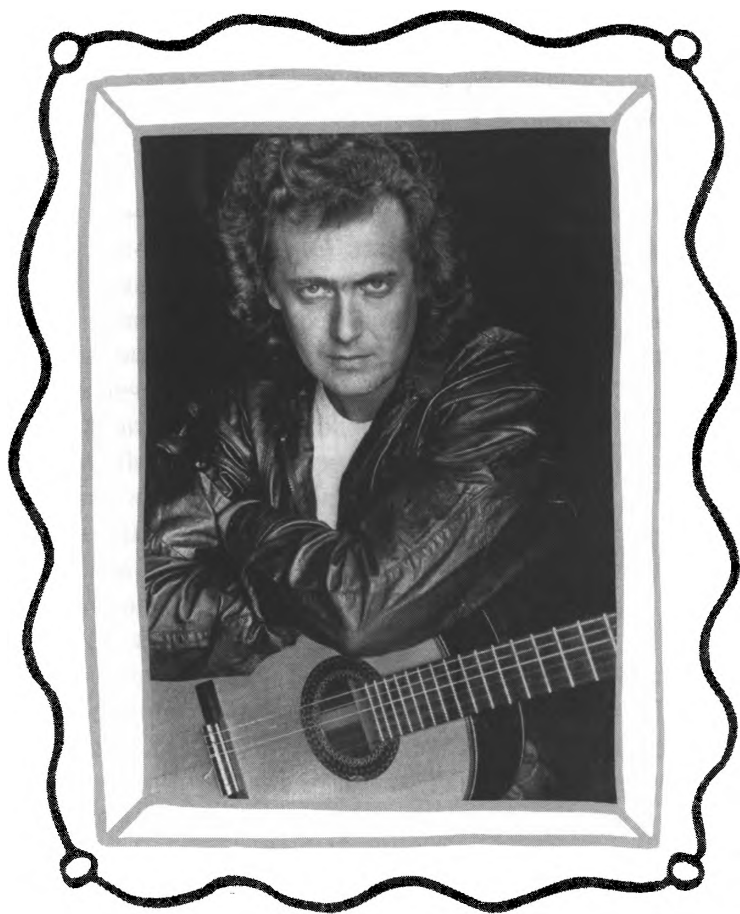
— Поверни свое хлебало назад!

Поворачиваю голову и вижу — рядом с кроватью стоит свежепокрашенный бюст, а под ним табличка. Читаю: «Герой Советского Союза В. Николаев — навечно зачислен в список роты».

Так за первый день службы я успел потерять своего будущего однополчанина и осквернить ложе героя...

Мы едем, едем, едем...

Заповеди выездного артиста

Мы едем, едем, едем
В далекие края —
Хорошие артисты,
На первый взгляд — друзья!

Эту немного переиначенную, детскую песенку любил напевать народный артист России Юра Демич, направляясь с родным БДТ в очередную поездку.

Многие доперестроечные годы важнейшим стимулом и двигателем прогресса были в театре гастроли. Зарубежные, конечно. И я счастлив, что благодаря БДТ побывал в Германии, Польше, Швейцарии, Индии, Японии и даже на Тайване. Побывал в ту пору, когда о таких поездках простые смертные могли лишь робко мечтать.

Есть такой анекдот: действие происходит в Южно-Африканской Республике, тогда — в стране апартеида. Едет междугородный автобус. Пассажиры — вперемешку белые и чернокожие. Один черный задремал и положил голову на плечо белому соседу. Белый его пихнул. Черный ответил. Началась потасовка. В драку ввязался весь автобус. Все вывалились в саванну и мочалят друг друга на природе. Белые — черных. Черные — белых. Вдруг один гуманист воздел руки к небу и заорал:

— Люди, остановитесь! — Народ прислушался. — Будьте людьми! До каких пор мы будем делить друг друга на белых и черных?! Давайте объединимся по новому принципу: мы все будем зеленые. Мы будем бороться за охрану окружающей среды. Долой расизм!

Не будет больше ни черных, ни белых, будут только зеленые. Сейчас мы все войдем в автобус и мирно рассядемся... темно-зеленые — на задние сиденья, светло-зеленые — на передние.

...Однажды я, молодой и шустрый, вскочил в автобус (дело было как раз на гастролях) и уселся на свое любимое с детства место — сразу за водителем. Заведующая труппой, милая, очаровательная женщина, смущаясь, объяснила мне:

— Юрочка, здесь уже есть кому сидеть. Вы еще просто не в курсе. Ваше место в конце автобуса. Не обижайтесь!

Так и расселись мы однажды и навсегда в нашем театральном автобусе: светло-зеленые — впереди, темно-зеленые — сзади. И мне было хорошо, уютно и весело рядом с темно-зелеными...

За восемнадцать лет работы в театре я сумел усвоить восемь заповедей выездного актера. Вот они:

- 1) Хорошо изучи свой аппетит накануне поездки, прислушивайся к желудку, составь рацион. Представь себе, что ты космонавт или что уходишь в автономное плавание на подводной лодке.
- 2) Главное, что ты должен знать о будущей стране пребывания, — это какое напряжение у них в сети.
- 3) Нож, отвертка и изолента помогут тебе внедриться в любую розетку без переходника.
- 4) Поскольку тебе предстоит питаться концентратами и консервами, содержащими консервант, не забудь о пачке слабительного и пачке соды.
- 5) Захвати с собой продукты питания, отбивающие аппетит.

- 6) Запасись жевательной резинкой или дезодорантом для рта. Понадобятся уже через неделю.
- 7) Не забудь о концертном костюме. Может состояться шефский концерт в посольстве. Там обычно кормят.
- 8) Не стесняйся брать с собой много продуктов. Не комплексуй перед именитыми старшими товарищами. Запомни: в чемодане любого артиста, будь он даже народным СССР, то же, что и в твоём.

Итак, чемодан упакован. В путь.

Наши в городе

Первыми моими гастролями могла стать поездка в Болгарию в 1982 году. Мне, болгарину по отцу, очень хотелось там побывать. Комсомольское собрание накануне выезда проходило быстро и формально. Но когда дошли до фамилии Стоянов, пришла заведующая отделом кадров и начала допрашивать меня: почему я развелся с женой. Дело, скорее всего, было не в разводе. Вероятно, у товарищей возникли опасения, что в Софии многочисленная и любвеобильная болгарская родня уговорит меня остаться на исторической родине моего отца. Но поскольку еще не прошло года со дня развода, в Болгарию я не поехал. Первой моей «заграницей» стала Польша 1983 года.

Варшава. Гостиница «Интерконтиненталь» — пятизвездочная. Фантастика! Номер на двоих. Сосед — Саша Романцов. В цокольном этаже бассейн и сауна. Бесплатно. Из окна номера видны красивая площадь и Старо Место. На

брусчатке площади тысячи огромных горящих свечей образуют крест. На этом месте выступал Папа Римский Иоанн Павел Второй, поляк. Напротив отеля — оперный театр, в котором нам работать.

Польша в 1983 году жила по карточкам. Непокойное было время. Набирала силу «Солидарность», на улицах мелькали антисоветские лозунги.

Наше Министерство культуры решило на свой манер укрепить дух поляков и прислало им в качестве идеологической поддержки спектакль о Ленине, в котором помимо вождя революции фигурировал и особо «почитаемый» поляками Железный Феликс — Дзержинский.

В этом спектакле, называвшемся «Перечитывая заново», я играл ответственную роль секретаря Ленина и произносил одну-единственную фразу: «Владимир Ильич, к вам пришел какой-то часовщик». (С этой «хохмой» я побываю еще в нескольких странах светлой памяти Варшавского договора.) Классическая роль из разряда «Кушать подано» так меня достала, что я разразился песенкой, которую назвал «Монолог секретаря В. И. Ленина».

Однажды на банкете по случаю пятидесятилетия Кирилла Лаврова, игравшего в том спектакле вождя, я спел ее для юбиляра, появившись в гимнастерке, сапогах и... в парике лакея Сальери (роль Моцарта в «Амадеусе» я получил не сразу — сначала учился подавать камзол).

Вот эта песенка:

Пусть у нас расписаны все роли
Где-то на пятнадцать лет вперед,
Все равно я еду на гастроли
И вхожу по трапу в самолет.
Я — не Лир, не Гамлет, не Каренин,
На ролях не притупил язык.
«Извините, к вам, товарищ Ленин,

Там пришел какой-то часовщик». Что дала ты, новая эпоха, Юному актеру на кулич? Быть лакеем все же очень плохо, Даже если твой партнер — Ильич. От Москвы до Сочи и Тюмени Шепот мой перерастает в крик: «Извините, к вам, товарищ Ленин, Там пришел какой-то часовщик!» Все наоборот в моей карьере — Нет ни повышений, ни чинов. Нынче я лакеем у Сальери, Но теперь совсем уже без слов! И когда встаю я на колени, Нацепив напудренный парик, Я хочу, чтоб к вам, товарищ Ленин, Приходил почаще часовщик!

Юбиляр и его гости очень смеялись...

Однако вернемся в Варшаву, где идет наш первый гастрольный спектакль. По трансляции слышно, что зрителей в зале много. Что странно. И тревожно как-то. Меня лично особенно беспокоит массовый проход артистов через партер в финале второго акта, когда мы идем с винтовками, пулеметами, транспарантами вдоль рядов.

Привыкший оценивать ситуацию по-одесски, то есть всегда предполагая худшее, я опасаясь сюрпризов при близком контакте с публикой.

Покидание мужественно затапливаемых в первом акте кораблей, с моей точки зрения, также может быть чревато получением подножки от представителей братского народа.

*Владислав Игнатьевич Стржельчик и Людмила Павловна Шувалова.
Муж и жена. «Стрижи» — так их называли в театре.*

Ленина, как я уже говорил, играл Кирилл Юрьевич Лавров, а инженера Забелина — Владислав Игнатьевич Стржельчик. Я, секретарь вождя, должен ввести Стржельчика в кремлевский кабинет.

В это время шла сцена с часовщиком, которого в очередь играли Олег Борисов и Николай Трофимов, потрясающие актеры. Это была единственная смешная сцена в спектакле (благодаря часовщику, разумеется). Стржельчик стоит буквой «Г» за кулисами, подсматривает в зал. Я — рядышком. А в зале смех. Прием — совсем как дома. И все реакции зрителей — такие же живые. Как будто спектакль идет в Ленинграде.

Стржельчик волнуется, крестится по-католически. Естественно, ведь в его жилах течет польская кровь! Стою я рядом с великим актером, молчу. И решил «прогнуться», «подшестерить», завязать беседу. Говорю аристократической спине:

— Владислав Игнатъевич, какая хорошая реакция в зале! Как здорово поляки знают русский язык, правда?

Стржельчик повернулся ко мне и «пропел» своим удивительным голосом:

— Какие *поляки*? Идиот! Это же *наших* солдат нагнали! — и пошел на сцену под привычный шквал родных оваций.

Когда зажегся свет в финале, я убедился в правоте его слов. Действительно, нагнали полный зал солдат и офицеров из группы советских войск в Польше. Весь варшавский гарнизон «перечитал заново» биографию человека, которо-

Народный артист СССР В.И. Стржельчик — мой добрый Сальери

го через десять лет мы изобразим в нашем «Городке» и которого Олейников сыграет смешно и почти без грима.

Это была моя первая и последняя доперестроечная «за-граница».

Олег Басилашвили — потомок Афанасия Никитина

В 1988 году, в начале перестройки, мы поехали на гастроли в Индию. Руководителем поездки назначен какой-то член обкома обновляемой Горбачевым партии. Перед отлетом в тропики — пилюли и прививки под лопатку, после которых актеры старшего поколения еле передвигают ноги. Слабость и недомогание, однако, не мешают всем нам производить закупки мелким оптом — шампанского, сильно пахнущей парфюмерии, заводных игрушек (в городе были скуплены все железные курочки-рябы), дешевой оптики, наручных часов в стиле «а вот у моего дедушки были часы!» и других отечественных товаров для *забодания*. То есть для продажи и обмена.

Народная артистка СССР Валентина Павловна Ковель разъясняет:

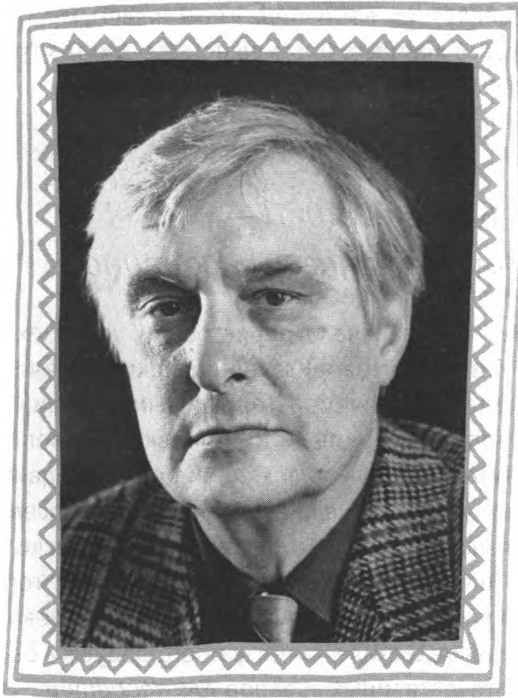
— Из Индии нужно везти только кожу и камни, камни и кожу! Меха в Индии — говно! Киплинга надо читать!

Валентина Павловна. Всегда в хорошем настроении, яркая, умная, подвижная, безумно смешная и на сцене, и в жизни. Модница.

Не знаю, как остальные, а я сразу решил слушаться во всем Валентину Павловну и «ударить» по коже и камням.

Бомбей. Отель «Оберой». Олег Валерьянович Басилашвили — главный этимолог театра, то есть человек, способный объяснить происхождение любого слова.

*Народный артист СССР О.В. Башилавили.
Мой любимый артист*

Вопрос:

— Олег Валерьянович, а почему отель называется «Оберой»?

Ответ:

— Когда Афанасий Никитин совершал «хождение за три моря», пришел он в Бомбей. Надо как-то расположиться, обустроиться. Сам видишь, как они живут — четыре палки, сверху тряпка, и дом готов. Афанасию Никитину так не пристало. Он говорит Прошке, слуге: «Будем избу ставить, рой яму под фундамент». — «Одну яму рыть-то, ваше благородно-

дие? Или две?» — «Чего там, — отвечает Никитин, — оберой!» Так был заложен отель «Оберой». Основатель — Афанасий Никитин. Вот так.

Вопрос:

— Олег Валерьянович, а почему город называется Бомбеем?

Пауза. Ответ:

— Град сей называется Бомбеем вот почему. Сошел Афанасий Никитин здесь на берег...

— Да, да... это я уже знаю.

— Не перебивай! Местные выскочили ему навстречу. Приветствуют, кланяются. И показалось Афанасию, что недостаточно аборигены прогибаются перед ним — русским первооткрывателем. И он заорал ихнему вождю: «Лбом бей!» Вождь упал на колени и давай лбом о ракушки. А поскольку индусы плохо выговаривают букву «л», то вождь повторял вслед за Афанасием: «Бом бей, бом бей...» Вот и получилось вместо «лбом бей» — «Бомбей». Спасибо Афанасию Никитину!

— Олег Валерьянович, а Австралия — это тоже благодаря Афанасию Никитину?

— Не совсем.

— Как так?

— Тут дело в генетическом благородстве русского человека. В один и тот же день с Афанасием Никитиным высадился на материк австрийский маршал хер Австрал. И когда царь, указывая на карту, спросил Афанасия: «Ты открыл землю сию?», Афанасий ответил: «Не совсем, государь, землю сию открыли Австрал и я!» Вот и получилось — Австралия. Так и нанесли на карту.

Ну и так далее...

Олег Басилашвили был одним из моих любимейших артистов еще задолго до того, как я попал в БДТ. Избавить-

*Олег Басилашвили — самый смешной и несчастный Хлестаков
всех времен и народов*

ся от подражания ему мне стоило больших трудов. Как-то, еще учась в институте, я увидел его в роли Хлестакова и на следующий день угробил наш дипломный спектакль «Много шума из ничего», потому что пытался повторить все внеш-

ние приемы, ужимки и манки чужой, гениально сыгранной роли. Владимир Наумович Леверт — режиссер диплома — резюмировал:

— Олегу Басилашвили посвящается наш сегодняшний провал!

Олег Валерьянович один из самых эрудированных артистов, с которыми мне посчастливилось дружить. Он обладает замечательными и довольно редкими для актера качествами — полным отсутствием снобизма, заносчивости и высокомерия. И еще — он артист, постоянно сомневающийся в себе, изводящий и себя, и своих партнеров вечным недоверием к кажущемуся успеху...

Сказать, что Бомбей — город контрастов, — значит не сказать ничего. Бомбей — город невероятных, чудовищных контрастов. Здесь не бедность соседствует с богатством, а нищета. Середины нет. Самое страшное — невероятная грязь. Грязь, так сказать, с большой буквы, везде и всюду. Плюс экзотические болезни и инфекции, не переносимые европейцами. Воду туристам рекомендуют кипятить не менее тридцати минут. За это время она почти вся выкипает, а на стенках чайника остаются белые сталактиты и сталагмиты. Когда я вернулся в Ленинград и показал свой чайник жене, она буквально потеряла дар речи. Этот чайник, а также спирт и одеколон, которыми приходилось постоянно дезинфицировать руки, спасли мне жизнь.

Во время утреннего морского отлива тысячи индусов, стоящих на обнажившемся дне, медленно-медленно собирают в плетеные корзины ил. Говорят, это хорошее удобрение. Другие тысячи индусов на набережной, возле шикарного отеля, в котором расположилась наша труппа, бегают, прыгают, ползают вокруг тебя, идущего с бутылкой шампанского на забодание, и просят милостыню. Страшное зрели-

ще. К тебе тянутся руки (у кого их две — это хорошо), покрытые язвами, и требуют денег.

— Нету, ребята, денег. Нету... пока! Ноу мани, ноу! — кричали мы с моим другом Володей Козловым, пробираясь сквозь толпу нищих и калек.

Миновав тех и других, забегаем за угол и начинаем протирать руки одеколоном. Бежим дальше. Ага, вот эта улица, вот этот дом — начинается район магазинчиков, лавок и торговых рядов.

Бегают мальчишки, заподозрившие в нас русских, и кричат (хотите — верьте, хотите — нет):

— Вова, купи х...ню! Вова, купи х...ню!

То, что они предлагают купить, другим словом, впрочем, и не назовешь.

Иду и думаю, что же это был за *Вова*, который все это скупал? Но тут подъехал целый экскурсионный автобус этих наших *Вов* и начался обмен нашей... на ихнюю... Вечером Олег Валерьянович Басилашвили высказал свою догадку происхождения этого рекламного лозунга. Его версия на сей раз оказалась не связанной с Афанасием Никитиным:

— Это же самое распространенное выражение у моряков и туристов! Заходят, к примеру, двое наших в лавку. Один другого спрашивает: «Ну, че, будем покупать?» А второй в ответ: «Да ну, х...я!» Вот индусы и думают: что же это за ... такая, которую русские все время ищут?!

...Подходят к нам два местных джентльмена. Не ползают, не хромают, руки-ноги на месте — и на том спасибо. Предлагают купить шампанское. На ловца, как говорится, и зверь бежит. Дают, по-моему, по 15 рупий за бутылку. Пошел торг. Ну, думаю, сейчас моему придется раскошелиться. Дело в том, что родители прислали мне из Одессы две бутылки

самого дорогого и дефицитного по тем временам «Голден шампейн» — «Золотого шампанского», которое разливалось не в зеленую, как обычно, а в прозрачную тару. Для красоты. Ребятам я его не показывал, чтобы не возникало предложений насчет дегустации. Отвожу индуса в сторону и говорю:

— Счас я тебе покажу такое, чего ты здесь никогда не видывал. Голден шампейн! Андестенд? Понимаешь? — И достаю свои бутылки.

Он их как увидел, так замахал руками:

— Ноу, ноу! Голден — ноу! Грин бутылка давай!

— Стояшкин, чего там у тебя? — кричат коллеги.

— Нормально все, — отвечаю и продолжаю разборку с индусом: — Зачем тебе в зеленой бутылке? В прозрачной — дороже, лучше. Это взри экспенсив шампань, понимаешь? Но я тебе, скупая твоя морда, отдам его по цене зеленой бутылки — грин бутылки, понимаешь? Хрен с тобой!

Бизнес не состоялся. Ребятам, которые идут уже налегке и при деньгах, я сказал, что индус мало денег предложил и что лучше мы это шампанское выжрем, протерев предварительно бутылочку платочком, смоченным в еще непроданном, или необмененном, или неподаренном одеколоне. Что мы и сделали по пути в гостиницу.

Через неделю я узнал, для чего нужно индусам советское шампанское.

Наши друзья из торгпредства повезли нас на приличную ювелирную фабричку, к своим знакомым. Делают там все по-настоящему, «без дерибаса». Когда я рассказал хозяину про белую бутылку от «золотого шампанского», он долго смеялся, а потом все объяснил. Оказывается,

индусы вообще не пьют шампанское. Его они просто выливают в сортир.

Им нужна именно бутылка. И именно зеленая бу-

тылка. И эту зеленую бутылку, которая им нужна, они разбивают. Потому что от зеленой бутылки им нужно только зеленое доньшко. Из него гранят «изумруд», вставляют в оправу и втюхивают тем же русским.

Так что, как говорится, от нас пришло — к нам и вернется.

Главные события индийских гастролей развернулись в Дели, но прежде чем рассказать о них — маленькое отступление в жанре «черной лирики», посвященное нашему пребыванию в Калькутте.

...О, Калькутта, я запомню тебя навсегда! Особенно фуршет на пароходике, шедшем по Гангу.

Несет свои мутные воды священная река в Индийский океан. Плыдем вверх по течению с фужерами в руках. Халява, сэр! На набережной прямо в воду сходят каменные ступени. Молящиеся в реке совершают омовение и... пьют воду, которую мы кипятим тридцать минут. Уже за городом на берегу кое-где виднеются костры. Это отправляют в последний путь усопших. Их здесь не предают земле, а по обычаю, сжигают... А на пароходике весело. Звучит очередной тост за советско-индийскую дружбу. Поднимаем фужеры... и тут я вижу нечто такое, после чего еще долго не мог ни пить, ни есть. Плывет по реке труп. На нем сидит огромный то ли гриф, то ли орел и поклевывает. Дальше — хуже. Еще труп, и еще, и еще... И на каждом — по пернатому... Оказывается,

в бедных семьях не хватает денег на бревна для достойного костра. Поэтому они исполняют обряд сжигания формально и отправляют родственников в вечное плавание. И вот плывут они мимо участников фестиваля Дней советской культуры в Индии...

О, Калькутта, спасибо тебе за то, что ты подарила нам с Володей Козловым шестиногого друга! Мы нашли его на дне сковородки с тушенкой в ванной комнате нашего номера. Десятисантиметровый таракан! Мы поселили его в банке и назвали Кузей, в честь руководителя поездки. И питался он не хуже своего тезки (во всяком случае, теми же продуктами). И еще, Калькутта, я благодарен тебе за то, что здесь меня нашла чужая слава. Весь город был оклеен плакатами с физиономией местной кинозвезды, смазливого актера, на которого я был безумно похож. Под смех моих друзей я раздавал автографы мальчишкам и грелся в лучах его славы. И если со мной когда-нибудь что-нибудь случится — пусть знает Олейников, что где-то в Калькутте живет мой двойник.

А теперь прощай, Калькутта! Мы улетаем в Дели. Там, в столице, развернутся главные события.

Человек меняет кожу

«Неужели это тот самый, прославленный, легендарный БДТ? — спросишь ты, читатель, пролистав эти страницы. — Неужели эти актеры только и делали, что хохмили и таскали чемоданы со снедью в одну сторону и с барахлом — в другую?» Нет, конечно. Но писать о том, как они замечательно играли и играют, — дело театральных критиков. Я же буду рассказывать о том, о чем обычно рассказывают актеры, сидя после спектакля в хорошей компании. Потому что я сам актер. А насчет чемоданов замечу: за свой труд и талант наши актеры всегда получали очень мало. А теперь — еще меньше. Им так же трудно, как и большинству людей в нашей стране. Им тоже приходится выживать. И к тому же они просто обязаны «держат форму»: ведь актеры всегда на виду.

Заботы об этой самой форме не оставляли нас и в Индии. Усвоив от Валентины Павловны Ковель, что тут надо покупать кожу, мы посвящали этому занятию все свободное от спектаклей и экскурсий время.

Скажу сразу: для того чтобы делать покупки в Индии, не мешало бы запастись прибором ночного видения. Идешь мимо лавки — внутри горит свет, все видно. Как толькоходишь — свет гаснет. Хозяин начинает сокрушаться, языком жестов поясняя, что, мол, авария, но сейчас он сам даст свет. Выбегает на улицу и включает дизель, стоящий у входа. Загорается пятнадцативаттная лампочка. Можно торговаться.

— Ай вонг портмоне! — кричит Олег Басилашвили. Кричит, потому что дизель работает, ничего не слышно.

Хозяин в темноте что-то протягивает артисту. Артист нащупывает это нечто и снова кричит:

— Это ко-о-о-жа?

— Ко-о-о-жа! Ко-о-о-жа! — орет в ответ хозяин. — Вери гуд ко-о-о-жа!

Олег Валерьянович подносит портмоне к глазам, вертит его в руках, мнет, нюхает, пытается вывернуть наружу и снова кричит:

— Эт-о-о не ко-о-о-жа!

А индус в ответ радостно, как эхо:

— Не кожа! Вери гуд не ко-о-о-жа!

И так изо дня в день, в каждой лавке.

Я не большой спец в иностранных языках, но такого английского, как в Индии, я, говоря словами Гоголя, «нигде никогда не слыхивал». Послали Маугли в Китай и там научили английскому.

— Уань, тю, сри, — это продавец сосчитал до трех.

— Сенкя, сера, — поблагодарил вас официант.

Но нашего брата они понимать научились...

Про то, как поссорились Владислав Игнатьевич с Раджем Сигхом

Купил Владислав Игнатьевич Стржельчик гарнитур — кольцо, серьги и браслет из драгоценных камней — своей жене, Людмиле Павловне Шуваловой. Красивый жест красивого мужчины в адрес красивой женщины. Когда эта роскошная пара выходила из театра, время, казалось, поворачивало вспять. Как в песне Окуджавы: «Извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...», а рядом дефилируют Стржельчики. Итак, купил Владислав Игнатьевич гарнитур своей жене. Купил в солидном магазине, где не выключают свет при виде покупателя, где не надо орать, где сертификат выдают, не говоря уже о бархатной коробочке. К слову сказать, покупка делалась в присутствии жены и была ею одобрена. Людмила Павловна — режиссер БДТ, поэтому тоже с нами в Индию ездила.

Показала она подарок нашим актрисам. Окружили ее женщины, стали рассматривать цацки. И у каждой, откуда ни возьмись, в глазу по окуляру — рабочему инструменту всех часовщиков и ювелиров. Жуткое зрелище! Начались комментарии и приговоры:

- Люда, смотри, здесь на камне — скол.
- Люда, а вот на оправе — царापина.
- Да... одно слово — Индия.
- Владик сошел с ума!
- А вот здесь вообще камушка не хватает.
- Но в принципе — ничего, симпатичная вещица...

Короче говоря, порадовались за подругу.

Расстроились Стржельчики. Еще бы, истратили на этот гарнитур половину суточных!

В театре в ту пору существовала странная уверенность в том, что я знаю английский. (Им владела моя жена, работавшая в литературной части БДТ, и, вероятно, в труппе полагали, что знание иностранного языка передается мне просто половым путем.)

Познания мои были на уровне «вот сайз? вот прайс?» — то есть «какой размер?» и «сколько стоит?». Наслушавшись в свое время «Голоса Америки», я нахватался интонаций и ловко пародировал ведущих радиoproграмм. Этого хватило для укрепления мифа. Вот почему Владислав Игнатьевич в трудную минуту решил заручиться моей поддержкой:

— Котенок (это было его любимое обращение, и звучало оно в его устах как «коченок»), помоги, родной!

«Родной» — еще одно любимое его обращение.

— Что случилось, Владислав Игнатьич?

— Понимаешь, котенок, хотел сделать Людочке подарок, но одна дрянь в чалме всучила мне говно. Ты прекрасно знаешь английский, мой родной. Помоги.

Говорил Владислав Игнатьевич всегда чуть нараспев, растягивая гласные, и слегка в нос, с французским прононсом. Поэтому даже то слово, которым он обозвал попку, звучало в его устах как нечто аристократическое. Если тема разговора была волнующей, он весь отдавался вдохновению: по-актерски начинал сам себя «заводить», распалить, сгущать краски, идя на поводу у своего недюжинного темперамента. И ты уже не понимал, что это — монолог короля Лира или просьба сходить вместе в магазин.

В данном случае речь все-таки шла о магазине.

— Котенок, мы возьмем моторикшу и поедем к этой сволочи. Я его уничтожу, мой родной! Никаких обменов! Пусть вернет мои деньги! Переведешь на английский все, что я скажу этому говну, котенок! Их испортили русские, пони-

маешь? Наплыв скобарей из Союза! Этот горбачевский фестиваль развратил эту страну, мой родной! При англичанах этого не было, да, котенок?

— Не помню, Владислав Игнатьич.

— Я сейчас пообедаю с Людочкой. Потом я посплю. Потом мы возьмем моторикшу и разнесем эту лавку!

— Можно взять велорикшу, это дешевле.

— Если мы втроем сядем, он сдохнет через десять метров, котенок! Только моторикша, мой родной!

Через два часа, еле уместившись в тесной кабинке моторикши, мы отправились в «Яшма плэйс» — крупный торговый центр.

По дороге я прочитал визитку продавца — Радж Сигх. В руке у меня был чек на ювелирный гарнитур. Цена 3333 рупии. Всю дорогу молчали. Затишье перед бурей. Я все же попросил В. И. предоставить все дело мне, по возможности не вмешиваться и молчать.

— Договорились?

— Конечно, договорились, мой родной!

Входим в небольшой магазин. Из десятков таких павильонов и состоит «Яшма плэйс». У прилавка стоит маленький человек в чалме. Глаза — хитрые, физиономия — злая. Да, думаю, этого голыми руками не возьмешь. Владислав Игнатьевич надел очки, заглянул в визитную карточку.

— Мистер Радж Сигх? — начал он с достоинством английского колонизатора, уважающего местное население.

— Ес, сэра, Радж Сигх. Дружба — Горбачев — перестройка — фестиваль — карашо!

Индус выдал всю порцию своих знаний русского. И сложил ладони на груди в благодарственно-молитвенном жесте.

Не успел я и рта раскрыть, как В.И. напустился на индуса:

— Что же ты делаешь вид, что меня не узнаешь?! А? Люля, как тебе это нравится? Ты меня не помнишь? Это я,

я, я — тот самый русский мудака, которому ты всучил вчера это говно в золотой оправе!

И пошел, и пошел! Никаких тебе «котят» и «моих родных». Этого я больше всего и боялся. Монолог Сальери из финала первого акта спектакля «Амадеус» продолжался:

— Забирай свое цыганское барахло! Где мои деньги? Где мои *мани*?

Радж Сигх пододвинул к себе коробочку с украшениями и спокойно с улыбочкой начал:

— Ноу мани. Мани — ноу. Онли ченч. Онли фор ю ай давай зис!

И протянул нам другую коробочку.

В. И. повернулся ко мне:

— Что он сказал, котенок?

— Сказал, денег не даст. Предлагает это.

И понеслось по новой:

— *Это* ты наденешь на себя, когда в гроб будешь ложиться! И поплывешь в *этом* по Гангу! Понял? Понял? Требую *мани*! *Мани*!

А индус бубнит свое:

— Ноу мани. Онли ченч.

Людмила Павловна, до этого молчавшая, корректно отодвинула мужа рукой:

— Владик, дай я скажу.

Она долго с укоризной смотрела на торговца, давая понять, что потрясена его поведением. Она покачала головой из стороны в сторону, как это делают педагоги с большим стажем работы, и, с паузой после каждого слова, тихо проговорила:

— Как вам не стыдно...

После таких слов, произнесенных с такой интонацией, ученики обычно опускают головы, начинают плакать, и правда всплывает наружу.

А индус только улыбается и разводит руками. Людмила Павловна продолжает:

— Вы же видели, что я вчера была без очков! Что я плохо видела! — И опять коронное: — Как вам не стыдно!

Забыли милые мои соотечественники, что они не в ленинградском Гостином Дворе и что этот тип в чалме никогда не видел ни спектакля «Ханума», ни фильма «Адъютант его превосходительства». А поскольку в роли адъютанта его превосходительства сегодня выступал я, мне пора было выйти на авансцену. Тем более, что я не мог больше выносить издевательства над дорогими мне людьми.

— Хау мач зис? — строго спросил я, указывая на камни преткновения.

Хозяин с интересом посмотрел на меня и радостно выдохнул. Ну как бы дал понять, что наконец появился человек, с которым можно объясниться. Произношение у нас с ним было одинаковое.

— Фор оль пипл ин оль волд зис комплект кост — фо таузен сри хандрид сёти сри. Онли фор май совет френд (дружба — Горбачев — перестройка — фестиваль!) — сри таузен сри хандрид сёти сри!

Владислав Игнатьевич не понял, что многократно произнесенное слово «сри» — это числительное, а не глагол, и решил, что нас в очередной раз обидели.

— Что он там сейчас вякнул, котенок?

— Говорит, что и так продал вам комплект на тыщу дешевле, за три тысячи тридцать три рупии... — И вдруг я сам с пол-оборота завелся и выдал из себя мини-Стржельчика для развивающихся стран.

— Слушай меня внимательно! — начал я фальцетом. — Лисн ми! Это мои фазер и мазер. Мой фазер из грейт рашн артист, а потому ни хрена вот в этом ни андестенд. Моя

мазер — она вообще слепая, — и я показал руками, как слепые ощупывают пространство. — Я их очень люблю! Ай лав их! — Далее весь свой монолог я щедро иллюстрировал жестами. — Поэтому, если ты не отгиваешь мне сри таузен схори хандрид сёти схори рупии, то ай гоу ту совет амбасадор и тебе — п...!

Ошеломленный индус забормотал:

— Ноу амбасадор, ноу — п...!

Не знаю, какое слово из двух убедило торговца больше, думаю, все-таки первое, «амбасадор», то есть посол. Не случайно же все автобусы с русскими подъезжают к одним и тем же магазинам. Значит, есть какой-то взаимный интерес?

— Ноу проблем, — сказал Радж Сигх. — Экскьюз ми! — И протянул мне 3333 рупии.

Когда мы вышли на улицу, душный воздух которой был пропитан специями, приправами, ароматическими благовониями и цветами, Владислав Игнатьевич достал из сумки блок «Мальборо», протянул его мне и сказал:

— Спасибо, котенок. Если бы не твой английский...

Он не смог закончить, потому что у меня начался приступ нервного смеха. Смешинка упала и на Людмилу Павловну, а вслед за ней заразился и Сам...

Едет по Дели моторикша и везет трех истерично смеющихся русских.

Владислава Игнатьевича Стржельчика больше нет с нами.

Я узнал о его кончине, когда был на гастролях в Казахстане. Этот рассказ был написан задолго до смерти артиста, и какое-то время я не мог его перечитывать. Тяжелым грузом лежало на сердце то, что не смог прилететь на похороны, не проводил в последний путь.

Илюша сказал мне:

— Это хорошо, что ты не видел его мертвым. Будешь помнить его только живым.

Таким я его и помню.

Розетки для сушки рук, инвалидная коляска для полета и чай для ухода за обувью

На Тайвань в 1992 году мы летели сложно. Москва — Ташкент — Дубай — Дели — Карачи — Бангкок, пересадка на самолет компании «Тай» — полуторачасовой перелет над океаном и посадка в Тайбэе на островном Китае. Всё вместе — около суток. Над Дели кружили минут сорок. Позже выяснилось: на полосе загорелся наш «Ту-154» из Ташкента...

Уставшие и вымотанные болтанкой, перепутавшие все часовые пояса, мы приземлились в Бангкоке, столице Таиланда... Единственное, что внесло оживление в этот трудный перелет, так это бесконечные пересказы друг другу истории, которая произошла с одним нашим народным артистом еще в Шереметьево. Очевидцев было двое — Володя Козлов и я. Поведали мы ее двум нашим приятелям, способным оценить пикантность ситуации, но театральная почта разнесла эту байку по коллективу за полчаса. А дело было так.

Прошли мы таможенный и пограничный контроль. До вылета еще минут сорок. Кто пивко попивает, кто просто так слоняется. Я сижу, ковыряюсь в видеокамере. Вдруг в кресло рядом со мной падает Володя в приступе нездорового, с трудом подавляемого смеха. Тычет куда-то пальцем и выдавливает из себя:

— Там такое... такое...

— Где?

— В сортире!

Я протянул ему бутылку пепси, он отхлебнул, отдышался:

— Войдешь в сортир — там *наш* слева стоит в предбаннике. Ты только не расколись, не спугни чувака...

Вхожу в туалет. Слева у стены, спиной ко мне стоит *наш* и бубнит что-то себе под нос. Ничего смешного. Рядом

Нар. арт. СССР Николай Николаевич Трофимов, он же — Ник Ник, он же — Кока, он же — Великий немой, он же — просто Великий

с ним, согнувшись, Толя Иксанов — заместитель директора — завязывает шнурок на ботинке. Видно, опоздал я на репризу. А *наш* бормочет одну и ту же фразу:

— Еле работает, твою мать, еле работает...

Толя вышел, а я решил по-бытовому оправдать свой приход и пошел в сторону кабинки. В это время *наш* слегка повернулся, и я все увидел.

Знаете, бывают такие большие черные электророзетки на 380 вольт? В них обычно включают полотеры. Розетка эта прикрыта крышкой на пружине — от любознательных. Так вот, стоит *наш* и сушит руки под этой розеткой — как бы подставляет ладони потокам воздуха. Мы встретились глазами, и *наш* завелся:

— Ты представляешь, международный аэропорт называется! Сарай! Бардак! Она же почти не работает, эта фигня. Е-е-е-л-е-еле! — И он начал щелкать пластмассовой крышкой, будто это тумблер. — Нет, я тебе так скажу: не только этого аэропорта и этого города — этой страны не должно быть на карте!.. Неужели нельзя было повесить табличку: «Извините, еле работает»?! Нужно взять глобус, зарисовать нас белой краской и написать вместо названия страны: «Не работает». И все, и нет нас ни географически, ни политически. И изъять всякие упоминания о нас из всех энциклопедий. — И вдруг очень просто, без пафоса добавил: — Да нет, она почти не работает... ну так — еле-еле...

Он продолжает делать пассы руками под электророзеткой, а я чувствую, что сейчас начну ржать, поэтому направляюсь к выходу. И наш вдруг очень строго и в то же время заботливо спрашивает меня:

— А писать не будешь?

Я, как на плацу в армии, отрапортовал:

— Буду!

Постоял я в кабинке, отдышался и бочком, бочком из туалета — в чрево несуществующего аэропорта несуществующей страны...

До сих пор не дает мне покоя одна мысль: как понимать эти «еле работает» и «почти не работает»? Значит ли это, что розетка пусть чуть-чуть, но работала, хоть немного, но сушила? Вот в чем вопрос!

Пятьдесят лет работает у нас в театре артист Иван Иванович. За неделю до поездки на Тайвань подходит он ко мне и спрашивает:

— Юрка, как ты думаешь, мне палочку брать с собой?

Иван Иванович еще во времена финской кампании ноги простудил, и поэтому без палочки ему трудно. Странно, почему это вдруг накануне гастролей возник вопрос о палочке?

— Иваныч, а вы что, уже выздоровели?

— Какое там выздоровел!

И Иваныч продемонстрировал печальное состояние своих конечностей: прошелся, сильно прихрамывая.

— Тогда не понимаю вопроса.

— Я боюсь, что эти, — он многозначительно показал на небо, — эти скажут: ну его на хрен, этого хромого, здоровых девать некуда. И больше никуда меня не возьмут.

Вообще-то, Иваныч — человек незаменимый. Точнее, не так: Иваныч — человек, которым можно заменить любого актера. Он знает наизусть все роли из репертуара маститых артистов театра. Особенно пристально Иваныч следит за творчеством наших народных — Николая Трофимова и Евгения Лебедева. А поскольку и у того, и у другого иногда возникают проблемы с запоминанием текста, Иван Иваныч всегда на стреме. И если он идет по коридору и бубнит слова чужой роли, значит, сверкнул ему софитик надежды со сцены, значит, кто-то приболел или опаздывает на спектакль. При этом лично я не помню ни одного случая, когда бы постоянная готовность Иваныча к творческому подвигу была реализована в нашем театре. Тем не менее Иваныч, говоря словами персонажа, которого он мечтал сыграть всю жизнь, «пошел другим путем». Нет в Ленинграде— Санкт-Петербурге такой клубной площадки, такого красного уголка, цеха, жэка, где бы Иван Иваныч ни подхалтурил от Ленконцерта. Там-то ему и пригодился репертуар Трофимо-

ва — Лебедева. В общем, на таких, как Иваныч, держится театр, а сам Иваныч держится за палочку...

Я в какие-то минуты бываю очень убедительным оратором. И все, что сам побоялся бы сказать в глаза начальству, выговариваю Иванычу, готовящемуся к поездке на Тайвань:

— Иван Иваныч, как вам не стыдно, елки-палки! Вы прошли две войны от звонка до звонка и боитесь тех, ради кого воевали?! Вы один работаете в театре столько лет, сколько все наше начальство вместе взятое! И вы, как никто другой, имеете право посетить мавзолей генералиссимуса Чан Кайши — практически вашего ровесника!

И полетел Иваныч на Тайвань с палочкой.

В аэропорту Бангкока выяснилось, что нам предстоит здесь кантоваться часов восемь в ожидании самолета на Тайвань. Каждый был предоставлен самому себе, но нас попросили далеко не разбредаться, потому что возможен завтрак за счет штрафованного «Аэрофлота». Иваныч про халявный завтрак не расслышал и исчез за ближайшим киоском. Когда Иваныч был на виду у всех, он поигрывал палочкой, как будто это не подпорка, а так — реквизит заезжего жонглера. На самом деле передвигаться на своих двоих ему было трудно, как никому.

Аэропорт в Бангкоке — это система длинных коридоров, находящихся на разных уровнях. Перепад между ними составляет метр-полтора. Преодолеть этот перепад можно на эскалаторе, а можно пешком по гладкому некрутому пандусу, сделанному так, чтобы удобно было катить тележки и чемоданы на колесиках. И на каждом углу стоят инвалидные коляски. Причем этих колясок в аэропорту больше, чем инвалидов на всем Тайване...

Прошло какое-то время, и представитель «Аэрофлота», сложив руки трубочкой, выкрикнул:

— Артисты, пожалуйста, за мной, в кафе!

Разновозрастная толпа уставших мужчин и женщин тронулась за элегантным молодым человеком и пошла вверх по длинному пандусу — в следующий зал. И вдруг...

Из-за горизонта (говоря телевизионным языком, «из-за границы кадра») появился Иваныч — как будто пророс из верхнего коридора. Иваныч сидел в инвалидной коляске. Под ним находилась труппа БДТ — сорок пар удивленных глаз. На лице Иваныча застыл ужас. Ведь его беспокоило даже наличие у него тросточки, а тут он предстал перед всеми в инвалидной коляске! Стало быть, он уже и ходить не может?! Эта секундная немая сцена, этот стоп-кадр, вероятно, показались Иванычу вечностью. Он не выдержал. Его руки, державшиеся за резиновые колеса, дрогнули, и коляска с артистом покатила вниз. С каждым мгновением набирая скорость, она врезалась в толпу и начала ее рассекать. Кого-то Иваныч сбивал с ног, кого-то успевал оттолкнуть руками. При этом вместо того, чтобы кричать «Поберегись!», он выкрикивал: «Покататься! Покататься!» Это должно было означать следующее: «Я — совершенно здоров, а в коляску сел для того, чтобы *покататься!* Всего-навсего *покататься!*»

Иваныч повторял это слово, пока один из рабочих сцены не поймал злополучную коляску...

И смешно, и грустно.

Обязательно сниму все это когда-нибудь. Желательно — в Бангкоке. По дороге на Тайвань.

И вот мы наконец гуляем по Тайбэю, главному городу Тайваня.

И захотел Ник-Ник (Николай Николаевич Трофимов) купить в Тайбэе черный чай. Подходит он ко мне и просит написать на листке по-английски слово «чай». Я написал «теа», поскольку письменным английским владел еще хуже, чем устным. Бумажку он потерял и, попав в огромный, многоэтажный универсам, стал вспоминать, как пишется этот

самый «чай». И возникло в его воображении некое сочетание букв, которое в звуковом выражении оформилось как странное слово «мэа». Это слово он бережно понес на кончике языка к ближайшему продавцу.

Есть у Ник-Ника в театре прозвище — Великий немой. Дело в том, что, забыв текст своей роли, он гениально компенсирует его отсутствие пластикой и мимикой, как в немом кино. Он умеет создать у партнера и зрителя впечатление, что тот либо чего-нибудь не расслышал, либо сам перепутал слова. В спектакле «Смерть Тарелкина» он должен был спеть такую фразу (в роли Расплюева):

Легче с дьяволом в тарелке,
Все мертвы, а этот жив.

Великий немой выдал:

Легче... тушки-карабушки
тра-та-лай-ла марабу!!!

После этого «марабу» весь театр долго не мог прийти в себя. Будучи феноменально музыкальным человеком, Ник-Ник замечательно уложил свои «тушки-карабушки» в размер забытой фразы. Зритель ничего не заметил...

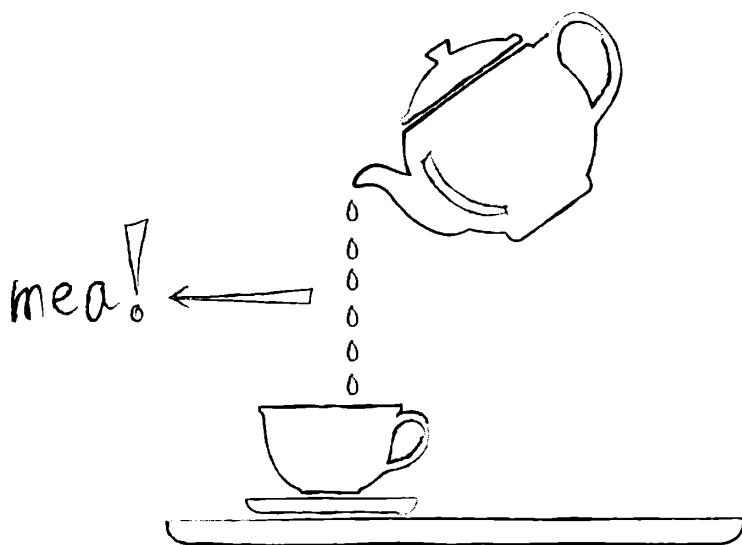
Положившись на свой опыт, Ник-Ник обратился к продавцу. Выяснилось, что слова «мэа» в китайском языке не существует, но есть какие-то сходные по звучанию слова. Служащие шестизэтажного универмага начали водить бедного Ник-Ника по этажам. Все, что напоминает «мэа», было предложено потенциальному покупателю вежливыми китайцами. Ему принесли подарочный набор засушенных гадов, фломастеры, носовые платки и многое другое. Среди прочего был показан и чайный сервиз. «Уже тепло!» — подумал Ник-Ник. Вспомнив то, что я ему написал, он попросил

фломастер — в некотором роде тоже мэа, как выяснилось. Взяв листок бумаги, он изобразил наклоненный чайник, из которого льется струйка прямо в чашку. От струйки он провел стрелочку и нарисовал восклицательный знак.

— Это мэа. Мэ-а!

Китайцы радостно закивали и повезли Трофимова на эскалаторе на цокольный этаж. Там продавались продукты. Ник-Ника подвели к витрине, где были выставлены минеральные и другие воды.

— ...вашу мать! Это не мэа! — закричал Трофимов и в эту секунду на соседних полках увидел упаковки с чаем.

— Вот оно, мэа! Вот оно!

Ник-Ник пожал руки продавцам и помахал им ладошкой, мол, топайте, мэа я нашел, спасибо, до свидания. Китайцы раскланялись и убежали. Осталось выбрать именно черный чай (а не преобладающий здесь зеленый). Но надписи-то

все на китайском и английском языках! И снова пришлось Ник-Нику идти к продавцу.

— Это — мэа, — сказал он, показывая на прилавок, — но мне нужен черный мэа.

Продавец непонимающе закивал головой. Тогда Ник-Ник вспомнил, что обут в ботинки черного цвета. Человек хоть и не молодой, но очень пластичный, он начал вертеть носком ботинка почти у носа продавца, тыкать в ботинок пальцем и приговаривать:

— Это — черный! Черный!

Продавец взял Трофимова под руку и повез на шестой этаж. Естественно, что после этюда под названием «играю черный цвет», показанного Великим немым, его привезли в обувной отдел и подвели к полке, где стояли только черные туфли.

Банзай Хирохито! (Да здравствует Хирохито!)

Почти документальная актерская повесть.
Некоторые имена изменены.

«...принять неприемлемое, стерпеть нестерпимое...»

*(Из обращения к народу
императора Хирохито
в связи с капитуляцией Японии
во Второй мировой войне)*

Утром 15 сентября 1988 года Хирохито Сёва — 124-й император Японии, ровесник века, человек, обладавший огромной сакральной властью и почитаемый японцами как божество, проснулся и почувствовал себя очень хреново. Несмотря на всю божественность своего происхождения...

В Ленинграде в это время был уже вечер, и артисты БДТ сдавали заведующему постановочной частью деревянные ящички с продуктами долгого хранения. Театр готовился к гастролям в Японию. Ящички потом будут спрятаны в контейнеры с декорациями. 50 человек — 50 счастливых — должны были поехать на гастроли в Страну восходящего солнца, и потому ровно 50 ящичков нужно было схоронить среди костюмов, реквизита и мебели.

Не все ящички оказались одинакового размера и веса.

— Володя! — обращается один заслуженный артист к завпосту. — А с какого хера вон те 8 ящичков больше, чем остальные?

— А с такого, Петя, что ты еще заслуженный, а это продукты народных!

И Петя, поняв, что «ящичком еще не вышел», отходит в сторону. Действительно, дирекцией накануне было озвучено: «Народные артисты СССР и РСФСР имеют право отправить 20 кг круп и консервов, заслуженные — 15, а все остальные — по 10». Все норовили засунуть в ящик еще и маленькую лабораторную электроплитку для школьных опытов по химии (в данном случае — для опытов над своим желудком). Сырокопченую колбасу (ее тогда называли просто твердой), сухари, концентрированные супы, чай, сахар

Спектакль «Амадеус»

и прочую бакалею распихивали по чемоданам с личными вещами на свой страх и риск...

«Абсурд какой-то! Зачем все это?!» — спросит молодой читатель. Объясняю. В Японии традиционно самые высокие суточные для иностранцев. Нам обещали в местной валюте эквивалент 75 долларов в день! Умножьте на 40. Неплохо для 1988-го? Никто из советских артистов никогда не рассматривал эти деньги как предназначенные для питания. Никто и никогда! По возвращении с гастролей самые предприимчивые превращали каждый потраченный за границей на закупку дефицита доллар в 15 рублей — на сленге того времени это звучало как «подъем одного к 15». Для этого нужно было перепродать все, что было куплено в Японии.

Моя зарплата, например, была тогда аж 140 рублей в месяц. Таким образом, за 40 дней гастролей я мог заработать столько же, сколько за 27 лет службы в лучшем тогда театре страны!

А питаться приходилось «из чемодана». Мы были подлинными марксистами и на собственной шкуре испытывали правоту формулы «деньги — товар — деньги»!

В 1983 году — за шесть лет до описываемых событий — театр уже был на гастролях в Японии. Я помню день их возвращения на Родину. По коридорам осторожно передвигались исхудавшие люди. В любой системе физических единиц удельный вес равен произведению плотности вещества на ускорение свободного падения. Поскольку все похудели приблизительно наполовину, то их тела действительно тяготели к свободному падению...

В тот день внутри прославленного БДТ работал выездной пункт таможни. Граница СССР сузилась до размеров не-

большой сцены, как бы образуя государство в государстве. По периметру сцены была натянута лента с надписью «Стоп! Проход воспрещен!», и шесть таможенников оформляли привезенные нашими артистами из Японии в еще нищую тогда страну — телевизоры, магнитофоны, ковры, холодильники и прочие сокровища! Все это было выгружено здесь, прямо на сцене, как декорации какого-то странного, фантастического спектакля про будущее. В зал никого не пускали, и мы — те, кто не ездил за границу, — с завистью наблюдали за происходящим с колосников, то есть из-под самой крыши театра. Там внизу, в тишине слышался только звук вскрываемых картонных коробок, скрип упаковочного пенопласта, удары печатей по бланкам с таможенными декларациями и чей-то шепот. И вдруг рядом кто-то сказал:

— Сейчас бы туда РГД-5 с запалом на три и две десятых секунды зафигачить!

Я обернулся и увидел Виталика, который служил срочную сапером и дело свое помнил...

Родословная японского императорского дома Сумэраги, к которому принадлежал и Хирохито, восходит, по свидетельству древних исторических хроник «Кодзики» и «Нихонги», прямоком к богине солнца Аматэрасу. К вечеру 15 сентября 1988 года Аматэрасу, похоже, начала проигрывать в схватке за жизнь императора богине Дзигокудаю, олицетворяющей японский загробный мир. Начальнику управления императорского двора Японии не оставалось ничего, кроме как выйти к журналистам, толпившимся у дворца сёгунов, и объявить им, что Хризантемовый трон зашатался.

Эта новость моментально была растиражирована всеми мировыми СМИ и долетела до набережной реки Фонтанки, до дома 65, где находился мой театр. До начала гастролей оставалось 7 дней...

Утром в дирекцию БДТ дозвонился представитель принимающей японской стороны и объявил о том, что гастроли на грани срыва! По японскому протоколу в случае тяжелой болезни императора в стране запрещается любая реклама зрелищных и развлекательных мероприятий, а если, не дай бог, император умрет, то запрещаются и сами мероприятия и страна погружается в многодневный траур.

Театр запаниковал. Все помнили, как начинались предыдущие гастроли в Японию. 1 сентября 1983 года, пока актеры плыли из Находки в Токио на пароме, в небе западнее острова Сахалин советским истребителем-перехватчиком был сбит южнокорейский «Боинг-747». Все 246 пассажиров, находившихся на борту, погибли.

Море сильно штормило, и когда измученные морской болезнью артисты уже подплывали к берегу, то первое, что они увидели на причале, было огромное пылающее чучело генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова.

Генсека подожгли манифестанты, которые потом пикетировали все спектакли театра в Токио. Те гастроли тоже хотели закончить, не начиная, но каким-то чудом они состоялись. И вот теперь, когда все чемоданы уже запакованы, все сухари подсчитаны и расписан весь скудный актерский рацион на 40 дней, — все опять под угрозой срыва! Но благодаря то ли коллективной мольбе актеров, мысленно транслируемой в сторону Японии, то ли конкретной костюмерше Леночке Царик, заказавшей православную молитву «о здравии раба Божьего Хирохито» во Владимирском соборе, состояние здоровья императора из «угрожающего» перешло в «стабильно тяжелое», и гастроли были разрешены!!!

Из аэропорта Шереметьево мы должны были вылетать двумя аэрофлотовскими бортами «ИЛ-62» с разницей в один час. Но переволновавшийся накануне замдиректора театра что-то там напутал, и первый самолет унес большую часть труппы исключительно в экономическом классе. Причем лучшую, главную ее часть. Всех народных, заслуженных и просто ведущих артистов разместили на узких креслах, где их колени врезались в спину впередисидящего. А перелет длился 10 часов. Вторым рейсом полетели всего 12 человек. И я в их числе. Нас было 4 артиста и 8 рабочих сцены. И вот мы-то и летели бизнес-классом! Никогда в жизни до этого мы не ели и не пили того, что нам предложил «Аэрофлот»! Я узнал, что какая-то розовая фигня в бутылке называется «кампари» и что пить его нужно исключительно с апельсиновым соком, а виски можно разбавлять колой в пропорции 1:2, как, впрочем, и бакарди, что водка с томатным соком — это «Блади Мэри», что маленькие корзинки с черной икрой — это тарталетки, а кусочки ветчины, проткнутые зубочисткой, — это канапе. Все это происходило как будто не с нами! И казалось, что в любую секунду кто-нибудь вышвырнет нас из бизнес-класса со словами «Совсем, суки, страх потеряли! Не по чину жрете!» — и мы поначалу с опаской рефлексивно оглядывались. С 1985 года все (!) продукты питания отоваривались в наших магазинах только по карточкам, и нормы отпуска были минимальными. Водка, мыло, стиральный порошок и сигареты были тоже по карточкам. А мы тут жируем!

В последнем ряду нашего салона еще летели два шикарно одетых парня. Оба русские. Мои ровесники. Они громко смеялись, травили анекдоты, выпивали, вели себя с незнакомой мне свободой и раскованностью и как-то прекрасно-вызывающе. Я не знаю, какой такой удивительной организации принадлежали эти гости из будущего, но ни олигархов, ни тем более их отпрысков тогда еще не было.

Так что приходилось только догадываться. То ли дипломаты, то ли под прикрытием дипломатов, бог их знает...

Когда мы прилетели в Токио, то были изрядно подшофе. Нас встретили осуждающие лица коллег, и одна пожилая актриса срывающимся голосом громко выкрикнула:

— Вы что себе позволяете?! — как будто это мы вытурили ее пинками из бизнес-класса в эконом и вдобавок выжрали все, что ей причиталось...

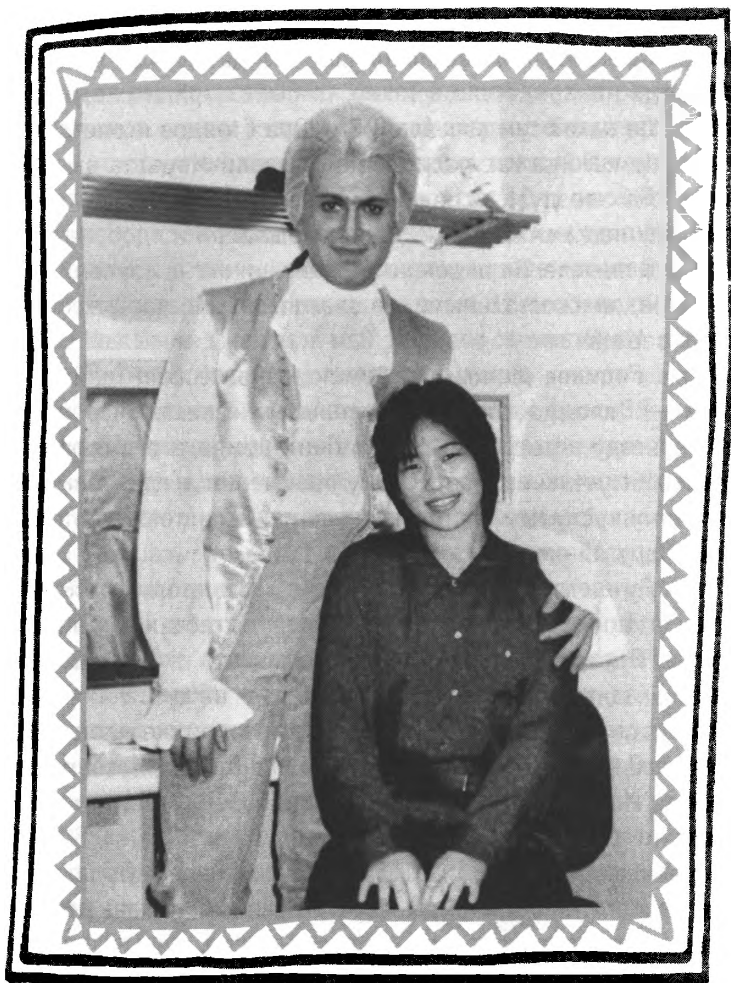
Через несколько часов нас отвезли на площадку театра в Иокогаме и раздали нам наши же посылки самим себе с Родины. Моим соседом по комнате был мой товарищ — Володя Козлов, замечательный артист. Он родился в 1941 году в уже осажденном Ленинграде, а его голодное детство научило его трепетному отношению к еде. К выброшенному куску хлеба он относился как к святотатству и как никто другой имел на это право.

— Лучшего специалиста по теме «Как прожить 40 дней с десятью килограммами хавки», чем я, тебе не найти, — сказал Володя, распаковывая свой ящик. — Запомни! Теперь у нас, как на зоне: все продукты — общие.

Володя Козлов принадлежал к привилегированной части театра. Он был занят в легендарном спектакле «История лошади». Играл то ли коня, то ли жеребца — не это важно. А важно то, что, будучи членом сценического табуна, Володя выезжал за границу минимум три раза в году! Правда, не так надолго. А ведь когда Марк Розовский только репетировал этот спектакль еще на Малой сцене, многие шли на невероятные ухищрения, чтобы свалить с постановки. Прошло несколько лет и, перефразируя Маркса, можно сказать, что не было такого преступления, на которое не решился бы артист ради участия в «Истории лошади»!

Меня взяли на гастроли со спектаклем «Амадеус», где я играл Моцарта, а Владислав Стржельчик — Сальери.

На гастролях в Японии в 1989 году у меня первый и последний раз в жизни была отдельная гримерная комната и личный костюмер. Точнее, костюмерша. Из местных. Наивные японцы полагали, что роль Моцарта может играть только «звезда». Все наши народные артисты на этом спектакле в Токио переодевались в общей комнате на десять человек.

Когда японский импресарио задал нашей дирекции вопрос: «А Моцарта у вас исполняет звезда?» — то услышал в ответ:

— Да какая там «звезда»! Его Юра Стоянов играет.

— То есть на гастроли в Токио в роли Моцарта вы привезете НЕ звезду?! — не унимался японец.

Тогда наши смекнули и быстро нашлись:

— В смысле, он рядом со Стржельчиком не совсем звезда, а рядом с остальными — звезда, как не звезда, очень даже звезда!

Так меня временно, на 40 суток назначили звездой.

А вот японцы отнеслись к нашему «звездному» статусу серьезно. В огромной гримерной комнате размещались только Стржельчик и я. К нам двоим непонятно для чего были прикреплены японские студенты-ассистенты, которые все время кланялись по поводу и без, путались под ногами и без конца улыбались. У одного из них отец был хозяином ресторана, и он на каждый спектакль таскал нам пакеты с японской едой. Благодаря ему я узнал, что такое СУШИ, задолго до того, как вся Россия помешалась на кусочках сырой рыбы с рисом. В соседней гримерной такой же площадью, как наша, располагались остальные 20 артистов, независимо от звания и статуса. Без всяких ассистентов. И бонус в виде суши им перепал только от нас...

Накануне гастролей я слетал в Одессу навестить родителей. И там один знакомый капитан дальнего плавания дал мне, как выяснилось позже, бесценный совет:

— Юрчик, ты возьми с собой в Токио как можно больше пятнадцатикопеечных монет!

— Зачем?

— У них там все автоматы с едой, водой и сигаретами работают от монеты в 100 иен. Это, грубо го-

воя, доллар. И наши 15 копеек один в один подходят! Бери, не пожалеешь! Потом спасибо дяде Толику скажешь!

В то время от монеты достоинством 15 копеек работали у нас все телефоны-автоматы междугородной связи. Я пошел на переговорный пункт и разменял там 15 рублей.

— На все! — сказал я.

Получилось 100 монет. «Спасибо» дяде Толику я мысленно произнес в Японии ровно 100 раз! Автоматы заглатывали наши монетки и выдавали взамен горячие супы и пельмени, рис и лапшу с морепродуктами, соки, воду, пиво, сигареты и даже маленькие бутылочки подогретого саке. По дипломатическим коридорам бродила легенда, что когда чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза Николай Николаевич Соловьев возвращался на родину, японцы сделали ему подарочек с намеком: вручили на прощание большой и тяжелый мешок с 15-копечными монетами. Уважаемый Николай Николаевич, 100 из них — мои...

Принимала нас местная публика потрясающе! Когда я в роли Моцарта умирал на сцене, в зале стояли такой вой и рыдания, как на деревенских похоронах, озвученных профессиональными плакальщицами. А после спектакля токийские девчонки с визгом налетали на меня и рвали на мне рубаху, а потом просили оставить автограф на ее лоскутах. Они искренне радовались тому, что Моцарт все-таки не умер и для них спектакль заканчивался не в зале, а на улице у служебного входа в театр. Они целовали меня, хлопали в ладошки и кричали:

— Моцарта! Моцарта!

Правда, так было! Не вру! Больше в моей жизни такого не было никогда!

Мы жили на 15 и 16-м этажах 30-этажной гостиницы. Понять, что русские уже вернулись домой, можно было уже на первом этаже у стойки рецепции. По запаху. На лабораторных плитках во всех наших номерах варились гречневая каша и перловка, перемешанные с тушенкой. Как-то Володя куда-то засунул коробок с солью, и я пошел в соседний номер к Женьке Солякову. Постучал.

— Кто там?

— Жека, это я, Юра.

— Один?

— Один.

— Точно?

— Ну точно, точно. Открывай, не бойся — я не голодный!

— А там открыто, заходи.

Вхожу. В номере холод собачий. Окно, что ли, открыто? Конец октября уже как-никак. Да нет, закрыто окно. Оказывается, это кондиционер, выставленный на минимальную температуру, дует на всю катушку! Жека сидит на диване, укутанный в одеяло, дрожит, а к кондиционеру на проволоке подвешены полторы палки копченой колбасы!

— Холодильника же у них нету! — клацая зубами, объясняет Жека, поймавший мой взгляд.

— А когда ты в театр уходишь, чё с колбасой делаешь? — спрашиваю.

— Набираю в холле льда из автомата, оборачиваю колбасу вощеной бумагой и в целлофановом пакете вместе со льдом прячу под матрас. Технология!..

Если все мы одновременно врубали в сеть свои плитки и кипятильники, свет в гостинице начинал мигать на всех тридцати этажах.

В это время в космосе летал советский «Союз ТМ-6» с космонавтами Владимиром Ляховым, Валерием Поляковым и гражданином Афганистана Абдулом Ахад Момандом на борту. И я представлял себе, как они пролетают над Японией и Ляхов спрашивает Полякова:

— Валера! А что там в Токио опять мигает, что за иллюминация?

А Поляков отвечает:

— Все нормально, Вова. Наши ужинают.

Каждый день у постели больного императора Хирохито находилась вся его семья: супруга — 85-летняя императрица Кодзюн и семеро детей — пятеро дочерей и два сына. За стенами дворца, расположенного в знаменитом районе Тиёда, дежурили десятки журналистов и были установлены телекамеры ведущих японских каналов. В этой толпе легко можно было различить и два-три европейских лица. Это были сотрудники знаменитого ленинградского театра, ежедневно делегируемые руководством, чтобы быть в курсе состояния здоровья его величества. Они желали выздоровления Хирохито не меньше, чем его семья и подданные. Ежедневно после обеда на воротах дворца вывешивался бюллетень состояния здоровья императора. Это был непонятный для нас набор иероглифов и цифр. Когда наши ходки возвращались от дворца, на них все набрасывались:

— Ну как он там?!

— Да ничего же нельзя понять! — отвечали они. — Но одна цифра в бюллетене была обведена красным цветом! — они выдерживали паузу и очень значительно добавляли: — Это цифра... пятнадцать!!!

— Пятнадцать — это хорошо или плохо? — нервно спрашивали мы друг друга.

И тогда Владислав Игнатьевич Стржельчик подводил итог:

— Если пятнадцать — это САХАР, то это очень херово, практически — это п...! Пакуйте чемоданы! — и удалялся по коридору отеля.

А ведь суточные нам выдавали не все сразу, а издевательски — дозированно. Раз в неделю. Может быть, бедный Хирохито и рад бы отмучиться побыстрее, но нашими надеждами удерживался на этом свете, замедляя свой переход к любимым богам из-за горстки советских артистов, чьи суточные напрямую зависели от его жизни или смерти...

Через 20 дней нашего пребывания в Японии наступило время затаривания, то есть покупок. Промежуточный этап. Половина денег уже была в кармане и, как говорил Василий Макарович Шукшин, «ляжку жгла». В день приезда в Токио, на общем собрании коллектива, которое состоялось в гостинице, нам представили нашего куратора — «режиссера в штатском», как тогда говорили. Он был офицером КГБ, оформленным на время поездки как сотрудник театра. Виктор (так его звали) разбил нас на четверки и назначил старших. Выход в город разрешался только по 4 человека, минимум по 3, но уже с разрешения старшего четверки. Витя оказался нормальным парнем и не демонизировал роль своего ведомства в этих гастролях. Он смотрел сквозь пальцы на то, что мы забили на эти четверки и свободно шлялись по городу по два человека. Он просто намекнул: «Пацаны! Главное — не по одному!»

Витя связался со своими коллегами в посольстве и торгпредстве и выяснил, где и почему нужно оптово закупать в Токио. И те, кто прислушался к нему, в дальнейшем не прогадали. Это именно он посоветовал мне покупать не видеомэгафоны и прочий электронный ширпотреб, а «врезать по-крупному» и взять на продажу электровя-

зальную машину с программным обеспечением. В этой машинке был установлен блок, куда вставлялись перфокарты с рисунком вязки, и она автоматически выдавала готовое изделие.

— Бери, Моцарт, не прогадаешь! — говорил Витя. — В стране начинается НЭП. Знаешь, что это такое?

— Да. Я даже знаю, чем это заканчивается.

— Нет, Моцарт, это надолго. Очень надолго. Иначе я бы не вписывался.

Эту вязальную машину купил у меня потом сын народного артиста Вадима Яковлева. Он был зачинателем кооперативного движения в Ленинграде и отвалил мне без всякого торга 20 000 рублей. А Витя «надыбал» ее в Токио за 750 долларов!

Менее прогрессивная часть труппы, не примкнувшая к Виктору, скупала все в магазине у Ежика. Хозяина звали — Йоши, но наши говорили — Ёжик, и ему нравилось. Он неплохо щебетал по-русски, поскольку специализировался на продаже техники советским дипломатам, артистам, спортсменам и морякам. Он втюхивал все, что втыкалось в розетку, давал большие скидки и сам занимался отправкой контейнеров в Союз...

Но были среди нас и те, кто еще до прилета в Японию уже точно знали, что нужно везти обратно. Они работали «под заказ». Это были четыре человека из оркестра БДТ. У этой группы была общая кличка — «Санитары Европы». Имелось в виду, что они подчищали все, на что другие бы даже внимания не обратили. Среди них был один изгой — пожилой картавый контрабасист Саша Галкин. «Санитары» никогда не брали его с собой, и он, бедный, слонялся по коридорам гостиницы, хватал всех за рукава и приставал с одним и тем же вопросом:

— Что бгать?! Что бгать?!

— Саша, откуда мы знаем, что брать? — отвечали ему. — Купи контрабас!

В театре он топтался из угла в угол, обхватив голову руками, и уже сам себе задавал этот трагический вопрос:

— Что бгать?! Что бгать?

Музыканты уходили «на охоту» рано утром. Они шли быстро и целенаправленно, никому не давая возможности их окликнуть. Возвращались уже перед спектаклем с загадочным выражением лиц. Этакая надменная жалость сквозила в их взглядах на нас, и казалось, что они — хранители какой-то тайны, что они Посвященные! Вроде бы такие же, как мы, ан нет — не такие! Знают, знают они заветное, им одним известное местечко, где зарыты золотые! Но как говорится, «Бог — не Тимошка, видит немножко!».

Однажды барабанщик Володя за 5 минут до отъезда на спектакль втащил в автобус большой и очень тяжелый чемодан. Он развалился в кресле, протер пот со лба, отдышался и сказал:

— Всё! Я отстрелялся!

Я спросил его, что в чемодане.

— В чемодане? Счастье! — ответил он. Вопреки своей обычной манере, Володя разоткровенничался и тихо, чтобы никто не слышал, продолжал: — Один кооператор, магнат (!), сделал мне заказик. У него несколько цехов по пошиву всякого барахла. Швейные машинки — старые, иголки все время ломаются и искривляются. Кривая иголка — кривой шов, петляние нитки в строчке... и как результат — невозможность выдать вещь за фирменную. Игла с большим ушком идет для отделочной строчки, игла с крылышками — для декоративного шва! Я изучил вопрос! Я по иголкам сейчас — лучший! Интересно?

— Не очень.

— М-да... В этом чемодане у меня — 25 килограммов иголок для швейных машин! Купил практически на все бабки! Все, могу гулять!!! Вот так, Юрок! Учись!

И Володя действительно больше ничего не покупал. И он не участвовал больше в этих почти шпионских вылазках в город. Он перестал изображать из себя масона и остаток гастролей провел как свободный и счастливый человек. Даже погусарил слегка напоследок с участием спиртного и местной переводчицы!

Потом мы вернулись в Ленинград. Народ начал отъедаться и потихоньку приходить в себя. На первом же спектакле, где был задействован оркестр, обнаружили, что барабанщик не пришел. Дома его не нашли и заменили кем-то из приглашенных. Я спросил инспектора оркестра:

— Где Вовик?

— Там все не просто! — ответил он. — Там все очень не просто!

Выяснилось, что европейская система размеров игл для швейных машин отличается от американской и азиатской. И Вовик оказался далеко не «лучшим по иголкам». Он что-то перепутал в размерах, привез не то, что заказывали, и был послан кооператором на три буквы вместе с чемоданом. Реализовать 25 килограммов иголок для японских машинок было абсолютно нереально! Оставалось ждать, когда в России введут план Маршалла, либо напиток. И Вовик выбрал второе. Он ушел «в штопор» на несколько недель, а выходил из него тяжело и с последствиями для себя и окружающих, о чем есть записи в травматологическом пункте Петроградского района...

«А что-нибудь помимо проблем с едой и конвертации доллара в йену мне запомнилось?» — спрашиваю я себя... Запомнилось, запомнилось... Помимо общих впечатлений от японской цивилизации, к которой совершенно невозможно

себя подготовить, меня потрясли два личных, маленьких открытия.

Когда мы топали по токийским тротуарам, нас все время раздражала какая-то странная ребристо-пупырчатая плитка, узкой полосой проложенная посредине пешеходной части. Везде, где только можно. Мы все время спотыкались об нее и поминали недобрым словом тех, кто ее укладывал. А главное — непонятно, зачем и для кого? И вот однажды я увидел незрячего японца, который уверенной походкой шел по этой плитке. На его ногах были тонкие мокасины, и иногда где-нибудь у перехода он на секунду замедлял шаг, нащупывал ногой какие-то одному ему понятные изменения в рельефе плитки и шел дальше. Без традиционной для слепых трости! Он как будто задавал своей ступней вопрос городу: «А что здесь у нас слева?» — и город отвечал ему на его языке. Отвечал вот этими пупырышками, или выемками, или бороздками на плитке... Потом это изобретение стали использовать во многих странах. Оно называется — тактильная плитка. Но впервые я увидел это именно в Токио, где потратили миллиарды иен на то, чтобы несколько тысяч обделенных природой людей не чувствовали себя ущербными. Оказывается, и камень может согревать...

После концерта в советском посольстве мы подружились с одной семейной парой из консульства. Ребята спросили меня, что бы я хотел увидеть в Токио. И я сказал, что хочу побывать на какой-нибудь фирме или где-нибудь вроде наших НИИ, хочу просто посмотреть, как люди работают. «А может, в хороший ресторанчик?» Но я сглотнул слюну и гордо повторил: «Нет, на фирму!» Вице-консул удивился, но организовал мне такую экскурсию. В каком-то конструкторском бюро (уже не помню ни названия, ни чем они занимались) коптели люди над кульманами, не отрываясь от чертежей. В конце большой комнаты у окна сидел странный

человек и все время что-то бубнил. Они работали, а он, глядя в окно, говорил, говорил... Он был то ли аутистом, то ли носителем синдрома Дауна, не знаю точно. Он слегка покачивался и вдруг стал очень эмоционально жестикулировать, указывая на окно. Я спросил:

— Что он говорит? Переведите, пожалуйста!

И мой сопровождающий начал переводить:

— Он рассказывает сотрудникам, которые не могут оторвать голову от чертежей, про то, что происходит на улице. Вот, говорит, женщина идет с коляской, а колесо спущено. Некому подкачать... Говорит, что поднялся ветер, а пыли нет. Это значит, что улицу сегодня хорошо поливали. Говорит, что уже 12 часов, а ученики соседнего лицея не вышли на ежедневную пробежку. Наверное, учитель физкультуры заболел... А знаешь, Юра, как называется его должность?

— А у него что, есть должность?!

— Конечно! Во многих уважаемых японских фирмах есть такая должность, и она предусмотрена штатным расписанием. Так и называется — «Человек у окна»!

Я был потрясен:

— Да ладно?!

— Серьезно говорю! И на должность эту берут, как правило, людей, которых принято считать умственно неполноценными. И они каждый день приходят сидеть или стоять у окна и рассказывать людям про жизнь, которая протекает там, на улице, мимо них! И это — работа! Понимаешь, Юра, РА-БО-ТА! «Человек у окна». Нормально?!

— Для Японии, наверное, да...

Пройдет время — и эта история, которая долго не будет отпускать меня, послужит поводом для создания любимого моего фильма «Человек у окна». Сценарий напишет для меня мой друг Илюша Тилькин. Но это будет не скоро. Через 20 лет...

Наши гастроли подходили к концу. Мешочки с сухарями опустели, гречка и перловка заканчивались, а тушенкой уже дней пять не пахло на этажах гостиницы. Народ прилично исхудал. Количество дырок, просверленных в брючном ремне, в моем случае равнялось трем. И вот нам объявляют о долгожданном банкете, который устраивают японцы по случаю окончания гастролей! Одному богу известно, как мы доиграли «Амадеуса», как дотерпели! В тихих сценах было реально слышно, как урчало в животах у «придворных австрийского императора»...

Нас привезли в какой-то роскошный зал с мраморными полами и без всякого намека на японскую специфику. Зал был не очень большим, и мы все с трудом в нем уместились. Вдоль стен стояли столы с выпивкой и орешками. Никакой закуси! Типа — европейский фуршет. Виски, водка, джин, вино, sake, а к ним — фундук, кешью, арахис и миндаль. И все! Правда, спиртного и орехов было навалом. Изголодавшиеся артисты поняли, что компенсировать дефицит белков, жиров и витаминов придется виски и орешками. В зале не было ни одного японца. Все свои. Стесняться некого. И мы набросились на столы. Спиртное мгновенно ударило по потерявшему навык организму, а орехи быстро заполнили и раздули наши животы. И вот,

когда в рот уже ничего не лезло, вдруг открылась невидимая за портьерой дверь, и в ней появились японские продюсеры. Они пригласили нас в следующий зал, где, собственно, и будет проходить банкет. А это была... ну, так — прелюдия!

Бедный Саша Галкин прокартавил:

— Гебята! Что же вы с нами делаете?! Нельзя же так, гебята!

Столы в банкетном зале ломились от фантастической еды, все шедевры японской кухни были представлены на них. Вот уж воистину: «Видит око, да зуб неймет!» В наших желудках место для этих изысков было уже занято четырьмя видами орехов. Мой сосед по номеру Володя сказал мне:

— Я никогда себе этого не прощу. Понимаешь, никогда! — и тяжелой походкой двинулся на столы с японскими изысками, как на амбразуру...

Что было, то было: нужно признаться, что все мы, независимо от званий и положения в театре, набрались в тот день одинаково сильно! Все целовались, обнимались, фраза «Старик, ты гений!» стала расхожей. Играла музыка. Пили за все. За всех скопом и за каждого в отдельности... И вдруг раздался жуткий звук! Как будто молотом ударили в огромный гонг. Я стоял рядом с великим Олегом Басилашвили и пытался делать вид, что я трезвый. А он не пытался. Источник звука был непонятен. Мы выдвигали разные версии. Где-то в конце переполненного зала что-то кричала женщина, мимо забегали люди. Я старался не смотреть на движущиеся предметы, потому что начинала кружиться голова. А потом мимо нас на носилках какие-то незнакомые японцы пронесли что-то забинтованное. Почему-то — зелеными бинтами. Причем забинтованное полностью, как мумия. Оно улыбалось и делало один и тот же механический жест, каким обычно генсеки приветствуют народ с трибуны Мавзолея.

— Что это было? — спросил я Олега Валерьяновича.

— Я так думаю, что это принесли большую японскую куклу — традиционный национальный подарок, — стараясь быть членораздельным, ответил он.

— Кому подарок?

— Нам! — Олег Басилашвили обвел руками зал. — Театру!

— Одну на всех?

— Да, это коллективный подарок!

Через пару минут выяснилось, что это секретарь партийной организации театра Толя совсем потерял ориентацию в пространстве и во времени и навернулся навзничь затылком о мраморный пол. Приехала «Скорая», и его забинтовали всего. А когда несли через зал, он пытался дать всем понять, что все в порядке, что, мол, партия с вами, отдыхайте, товарищи!!!

Был бы он трезвым — не знаю, чем бы все закончилось, а так — отделался в результате двумя швами на голове!

Под занавес банкета японцы подарили каждому из нас красиво упакованную чайную чашечку из тончайшего фарфора.

Кто-то из наших прокомментировал:

— А когда МХАТ был на гастролях, то каждому подарили по видеомангнитофону!

И кто-то добавил:

— Я, конечно, очень люблю фарфор, но деньги я люблю больше.

Вперед вышел директор БДТ. Наступило время ответного жеста. Наши рабочие принесли тульский самовар, набор матрешек и огромный альбом, который держали два человека. Альбом назывался «Полы Эрмитажа»! Про экспозицию Эрмитажа, наверное, не сумели ничего достать, поэтому привезли японцам фолиант про разные виды напольных покрытий великого музея. Они же любознательные, пусть изучают. Наш директор был человеком грузным, с большим животом и короткой шеей. Свою благодарственную речь он, в прошлом несостоявшийся артист, закончил словами:

— ...и вам, наши дорогие японские друзья, наш традиционный (!) низкЫЙ (!) славянскЫЙ (!) поклон! — Положил руку на грудь и слегка, совсем чуть-чуть наклонил голову, насколько позволяли шея и живот...

«Хирохито» в переводе на русский означает — «процветание и добродетель». Японский император действительно принес в наши дома процветание и проявил неслыханную добродетель по отношению к пятидесяти артистам незнакомого ему театра из воевавшей с ним когда-то страны! Он умер через месяц после нашего отлета из Токио в возрасте 89 лет.

Да здравствует Хирохито!

Хирохито, банзай!!!

Как я был
Дедом Морозом

В 1981 году моя зарплата в БДТ была 132 рубля. 120 — оклад и 12 рублей — академических (за то, что работал в академическом театре). За вычетом подоходного и алиментов чистыми выходило 70 с хвостиком. Не похикуешь... Накануне Нового года наш местком оповестил всех, что можно сдавать подарки для детей, а театральный Дед Мороз развезет их по домам и вручит детям такого-то числа. Выделили машину, назначили Снегурочку, а Деда Мороза искали среди поющих.

И выбор пал на меня! На следующий день в кассе можно было получить 80 рублей! Такими деньгами обычно премировали за главную роль! Поскольку главные роли мне не светили, я был счастлив от этой своевременной халтуры. Я подошел к вопросу ответственно. В театральной библиотеке я обложился сценариями утренников, методическими пособиями и сборниками стихов для детей.

Мой сосед по гримерке Валерка, который несколько лет подряд был месткомовским Дедом Морозом, напутствовал меня:

- Знаешь, что главное у Деда Мороза?
- Подарки? — сдаю я экзамен.
- Нет.
- Борода-усы-посох?
- Нет.
- А что?
- Печень!

Валерку разжаловали за то, что на прошлогодних поздравлялках он сломался на последнем ребенке. Он приехал к нему после восьми часов разъездов по детям. Есте-

ственно, уже совсем тепленький. Там же поздравления идут взаимные. Везде наливали. А этот малый все время оттягивал Валеркину бороду на резинке и отпускал ее. Борода больно «стреляла» по щеке. Рядом еще стояла сестренка этого пацана и громко читала стихи о дружбе. И когда Миша (так звали ребенка) в очередной раз потянул на себя бороду, Валерик сказал:

— Так! Ты, девочка, продолжай читать стихи... а тебя, мальчик, я сейчас урою на х...!! — и погнался на нетвердых ногах за Мишей, стараясь достать его своим посохом.

Фамилия мальчика была Розенцвейг. На следующий день Валерику выдали всего 20 рублей и обвинили в антисемитизме.

Я решил для себя, что:

1) Нужно поверить, что я и есть на самом деле Дед Мороз. Дети доверчивы, но очень чувствуют фальшь. Врать нужно по-честному!

2) Нужно изменить голос и сделать его таким «сказочным» и все время вкраплять стишки и всякие необычные старинные слова типа — ядерный мороз, ярило, булат, гой еси, егоза, касатик и всякие другие. В общем, нужно удивить.

3) Не снимать варежки, чтобы не гримировать руки.

И наконец, четвертое и самое главное — не пить!

Снегурочкой у нас была Марина. Симпатичная женщина, но когда она сама себе сделала грим моей внучки... ну, как бы это сказать? Хоть святых выноси! Заядлая курильщица, она еще и разговаривала высоким (типа — детским) голосом, когда примеряла на себя образ. Короче — Гоголь, «Вий»!

30 декабря загрузили подарки в наш театральный «рафик», и мы поехали по адресам. Минут через пять, на углу Невского и Марата, Марина попросила водителя остановить-

ся. Чувствую, она хочет мне что-то сказать, но мнется, не решается. Водитель Коля заерзал:

— Ну, мы скоро поедем-то? Четырнадцать адресов!

Маринка закурила.

— Сейчас, Колюня. Сейчас поедете.

Я говорю:

— Марина, я не понял, что значит «поедете»? А ты?!

— Юронька, в общем, так. Я же с моим дебилом полгода назад развелась. Сегодня он обещал с Машкой посидеть и не пришел, тварь! Сейчас она с соседкой, но только до двенадцати. Ох... И деньги мне нужны, и домой надо, Юронька...

Коля говорит:

— Я ничего не слышал. Я — никому! Я сам разведенный...

Марина посмотрела на меня, а в глазах ее читалось: «Вот ты же, Юра, тоже развелся, своих детей бросил, а чужих едешь поздравлять. Какое уж тут сочувствие...»

— Езжай домой, Мариша! — говорю.

— А родители спросят: «Где Снегурочка?»

— А я скажу, что мы разделились, иначе не успеть по всем адресам.

И Коля буркнул:

— Я ничего не слышал... У меня у самого там...

Марина достала из сумки курточку, надела поверх сарафана, поцеловала меня, погладила Колю по плечу, вышла из машины и побежала в сторону метро. А мы покатили.

В автобусе пахло мандаринами, орехами и новыми игрушками. Приезжаем по первому адресу. Беру подписанный подарок, кладу в мешок. Напяливаю на себя парик, бо-роду, приклеиваю сандарачным клеем усы. Пошел.

Звоню в дверь. Все древнерусские слова забыл сразу. Но помню, что мальчика зовут Дмитрий Исаев. Дверь открыла наша костюмерша Юлечка и запричитала нараспев:

— Ой! А кто же это к нам приехал?! А сани Дедушка Мороз у парадной оставил? Осторожно, Дедушка, не заморозь Димочку! — и вдруг мне, шепотом, очень по-деловому: — Юра, извини, он в туалете заперся.

Подходим к туалету. Юля молча показывает мне на дверь, и дальше мы с ней без слов, только жестами и мимикой изъясняемся, но перевести можно так:

— И что делать?

— Начинай!

— Как?

— Так. Пой, общайся. Он все равно не выйдет. Бесполезно!

И я вместо того, чтобы сбачать что-нибудь по теме, вдруг говорю:

— Вот, Дима... а если папа придет и тоже в туалет захочет, что будем делать?

Из туалета ответили:

— Не придет!

Юля посмотрела на меня как на больного и покрутила пальцем у виска. Господи! Как же я мог забыть, что у Юли внебрачный сын от Владислава Игнатьевича Стржельчика! В театре на эту тему вообще было наложено табу, но что-то у меня не связалось, не срослось в голове. Я без разрешения машинально закурил. Жестами извинился перед Юлей. Она держала в руке пепельницу передо мной, а я сменил тему:

— Димочка! Если тебе там удобно, ты не выходи! Но мне же нужно тебе подарки вручить от мамы и...

Юля с мольбой посмотрела на меня.

— ...и от Дедушки Мороза! — выдохнул я. — Но подарки нужно заслужить. Что ты можешь сделать? Спеть, прочитать стишок, станцевать?

— Танцевать не буду. Здесь места мало, — отозвался Дима, — могу сыграть.

— На чем, Димочка?!

— На скрипке.

— А ты там со скрипкой?!

Юля утвердительно кивнула, как будто речь шла о чем-то, само собой разумеющемся.

— Ну давай, дружочек, — сказал я.

За дверью послышалась возня, звук клацающих футлярных замочков, свист канифоли по смычку, а потом очень громкое:

— Вивальди. Концерт соль мажор, первая часть. Исполняет Дмитрий Исаев.

Играл Дима не формально, не делал одолжения, а Юля в такт покачивала головой, как будто ее сын сдавал экзамен и был на сцене, а не в сортире!..

Дима Исаев, дорогой, ты помнишь этот концерт? Ты, снявшийся в пятидесяти фильмах и сериалах, ты гордишься своим папой, так некстати помянутым мною в тот день? Он был великим артистом, Дима! Об этом знают все. О том, каким он был отцом, знаешь только ты. Это ваше семейное дело. Не мне судить. Кому-кому, а уж не мне — это точно! А ты помнишь этого несчастного Деда Мороза?! Это был я, Дима. Я возвращаю тебе это воспоминание...

Поехали мы дальше. Поздравлять... Водитель Коля ходил со мной, его все наши знали. Он проскальзывал в дверь после меня и перекусывал на кухне, пока я развлекал детей. После четвертого визита Коля сказал:

— Ты завязывай все время спрашивать — «где папа?», «где папа?». Ты же видишь, каждый второй без папы. Как на войне, прости господи!

И я перестал задавать детям этот опасный вопрос и бодро спросил одну девочку — где мама? И она мне спокойно ответила, деловито перебирая подарки, подготовленные бабушкой:

— А мама повесилась.

Оказалось, что это дочка нашей реквизиторши, которая действительно наложила на себя руки полгода назад. А меня вот не предупредили.

Вымотанные, уставшие и трезвые, мы торопились, чтобы успеть к шести часам в наш подшефный детский дом. Я там никогда не был раньше. Коля взял огромный мешок с подарками и сказал:

— Я тебе помогу, а ты сразу начинай — с порога играй. Они там всегда готовятся, волнуются и все такое.

Вошли. Одна из воспитательниц бодро заиграла на аккордеоне «Елочку», и я под музыку начал выдавать все свои новогодние заготовки. А дети совсем маленькие, ну совсем. Ну годика по три-четыре максимум. И я понял, что надо как-то попроще. И вообще, неплохо бы мне представиться, а то я их сразу стихами озадачил. «А они вообще говорить-то уже умеют?» — подумал я и громко, раскатистым баском спросил:

— Дети, а вы знаете, кто я?

— Знаем! — раздалось в ответ.

— А кто я?

И они громко, все, почти хором ответили:

«ПАПА!» — и побежали ко мне...

Коля вышел из детдома первым, закурил на ходу, сел в «рафик» и громко хлопнул дверью. А я проплакался на морозе, протер снегом лицо и вернулся к детям доигрывать свою роль. Роль Деда Мороза. Он же — Папа.

От А до Я за три года

*Кирилл Набутов — основатель и руководитель легендарного
«Адамова яблока»*

В 1991 году, весной, мы с Олейниковым пришли на ленинградское телевидение. Илья решил сразу обратиться к Кириллу Набутову — лучшему ведущему лучшей программы того времени на 5-м канале «Адамово яблоко. Передача для мужчин», сокращенно — «А.Я.» Дело оставалось за малым: решить, в каком качестве нам предложить себя Набутову. О том, что такое телевидение, я тогда имел представление лишь как зритель. И подобно большинству зрителей считал телевидение искусством весьма поверхностным, а подобно большинству артистов относился к нему только как к средству раскрутки. За три года работы в «Яблоке» мои представления полностью перевернулись.

После трехдневных совместных раздумий мы пришли к идее экранизации анекдотов, и я, ничего не смысливший в телевизионной технологии, пытался подвести под эту идею большую теоретическую базу. Редакторское чутье подсказало Кириллу, что нечто в нашей затее все-таки есть, и он дал добро. В «Адамовом яблоке» возникла новая пятиминутная рубрика — «Анекдоты от Адама до наших дней».

В моей жизни наконец-то появилось дело, в котором многое зависело исключительно от меня и моего партнера. И я никогда не забуду людей, учивших меня телевизионному делу. Они были моими ровесниками, а многие даже младше меня. Они не корчили из себя мэтров, а я не стеснялся учиться у них. Они мирились с моим характером. Я люблю их. Киру Набутова, Сашу Жукова, Митю Медведева, Юру Олиневича...

— Толстый, с сегодняшнего дня ты отвечаешь в «Яблоке» за эротику!

Эту историческую фразу Набутов произнес в 1992 году, когда копировать плейбоевские VHS-ные кассеты стало уже неприлично.

— В каждом выпуске передачи должен быть оригинальный, смешной эротический клип! — заявил Кира.

— И эротический, и смешной? — переспросил я.

— Именно.

— Тогда я сам разденусь. Обхохочешься.

— Я не имею в виду фильм ужасов.

Ночью я сочинил сценарий клипа «Здравствуй и прощай» о выпускнице Смольного института, которая ждет в полночь своего возлюбленного — гусара. Пародия на немое кино начала века про роковой любовный треугольник. Предполагалось подать эту историю под видом архивного материала, чудом сохранившегося и свидетельствовавшего о том, что эротика существовала и до передачи «Адамово яблоко».

Естественно, о приглашении на съемки профессиональных актрис не могло быть и речи. За эротические съемки надо платить. А платить было нечем. Набутов привел двух девиц из ночного варьете и, отведя меня в сторону, сказал:

— Вот. Что Бог послал.

Бог послал ему двух очаровательных восемнадцатилетних девчонок, лишенных всяческих комплексов. Пока Кира общался с девочками, я пошел в буфет за сигаретами. Возвращаюсь через пять минут. Застаю картину: Набутов развалился в кресле, а будущие героини клипа в чем мать родила показывают какую-то сценку из своего ночного шоу. Я так понимаю, что Кира изобразил из себя режиссера и устроил телепробы в кабинете.

— Я вам не мешаю? — спросил я.

- Нет, заходи. Девочки, это — Толстый, ваш режиссер.
- Смешная фамилия, — сказали девочки.
- Толстый — это не фамилия, это — имидж, — объяснил Набутов. — А фамилия его вам как раз очень понравится — Стоянов!

Впервые в истории ленинградского телевидения должны были сниматься в павильоне такие, мягко говоря, пикантные кадры. Чтобы не будоражить коллектив орденоносного телецентра, съемки решили сделать ночными. И, чтобы шляется как можно меньше народу, заказали смену с 24 часов.

Никогда на моей памяти коридор рядом с 1-й студией не был таким оживленным, как в ту ночь. Маленькое ромбовидное окошко в огромной звуконепроницаемой двери павильона было нами демонстративно задрапировано. Это не помогало. Непонятно из каких щелей возникали на съемочной площадке люди. То осветитель зайдет, которого днем с огнем не сыщешь, и начнет долго вкручивать ненужную нам лампочку, то пожарник появится и спросит:

- Не курите?
- Нет, — говорю и показываю на голых актрис, — они еще не умеют.

То охрана возникнет в полном мужском составе:

- Посторонних нет?
- Нет, — отвечаю, — все свои. Раздевайтесь.

То машинист не заказанного нами операторского крана влетит:

- Кран нужен?
 - Не нужен.
 - Так сверху же лучше...
 - Это ты дома своей жене скажешь! — срывается оператор Митя Медведев. — А я вот люблю снизу... снимать.
- И так далее.

Клип получился и смешной, и трогательный. И можно смело сказать, что он явился результатом коллективных усилий всех мужчин, якобы случайно оказавшихся в ту ночь рядом с нами...

— Толстый, в передаче мало музыки. Ты должен снять какую-нибудь песню. Чтобы обойтись без попсы. Чтобы был эксклюзивчик! — очередная идея Кирилла Викторовича Набутова.

— Это дорого, — отвечаю.

— А ты свою песнюними — будет дешево.

— Сами снимайте. Это еще дешевле.

— И снимем!

— И снимайте!

— И снимем!

В ту пору в «Яблоке» работал славный паренек, ассистент с режиссерскими амбициями — Леша Щукин. Еще у нас был администратор Саша Медведь, который любил протирать видеокамеру и смотреть на нее. Им-то Кира и поручил съемки музыкального видеоклипа. Вероятно, это был тонкий педагогический ход. Остановились на моей песенке на стихи Анатолия Флейтмана «1812 год». В ней такой рефрен:

Слева, на флешах,
в созвездии костров — Милорадович.
Справа, на фланге,
в безмолвии — Багратион...

Сюжет песни — Бородинское сражение. И через весь текст (довольно сложный и насыщенный образами) проходят эти строки: про то, что где-то слева — Милорадович, а где-то справа — Багратион. Петть песню в кадре должен был я. Пацаны (то есть «режиссер» и «оператор») поняли, что тут очень важно, кто из героев стоит справа, а кто — слева. И главное — не перепутать, где у нас «право», а где

«лево» по телику, блин. Три дня они шушукались, что-то рисовали. Когда я подходил, бумажку прикрывали руками, как будто я — второгодник, жаждущий списать контрольную.

Наступил день съемок песни «1812 год», или «Песни про чуваков, которые слева и справа», как говорили между собой творцы видеоклипа. Сели в автобус.

— Куда едем? — спрашиваю.

— К Казанскому собору, — отвечают.

Снимать про Багратиона и Милорадовича у собора Казанской Божией Матери? Ну, думаю, Щукину и Медведю виднее...

Приезжаем. Нас поджидает машина «Ленэнерго» с телескопической вышкой для ремонта уличного освещения. Ее Саши Медведя дружбан за бутылку пригнал. Машину паркуют посередине между двумя памятниками. Медведь с камерой залезает в «люльку», и водитель поднимает его на высоту метров десять. А Леша Щукин — внизу. Руководить будет. «Постановку ставить». У обоих милицейские рации для переговоров друг с другом. Солидно подготовились.

Леша мне говорит:

— Ты — слушаешь фонограмму. Когда будут слова, что слева Милорадович, грустно так чапаешь к левому памятнику, а когда про то, что справа Багратион, — в противоположную сторону. Он посмотрел на вышку и сказал по рации Медведю: — Саня, когда Стоян пойдет налево, наезжаешь камерой на фамилию памятника, там должна быть табличка. То же самое — с правым. Ну, как договаривались. Поехали!

А народу собралось у Казанского немало. Съемка все-таки.

— Пишем! — командует Леха.

Зазвучало вступление. Пошли слова: «Слева, на флешах, в созвездии костров — Милорадович...» Иду к левому памятнику. Щукин кричит Медведю:

— Саня, наезжай на памятник!

Вероятно, Саня по команде трансфокатором приблизил к себе памятник и наконец-то узнал, что за мужик с эполе-тами стоит на постаменте. Я слышу его голос по рации:

— Леха, фигня получается. Это Кутузов!

— А справа кто?

— Ща посмотрю.

Медведь использует камеру как бинокль и поворачивает ее направо.

— А там вообще Барклай-де-Толли!

...Как вы понимаете, этот съемочный день был у нас рекордно коротким, а наличные затраты минимальными — бутылка водки.

Действительно, дешево сняли.

Раз в неделю Кирилл спрашивал меня:

— Ты еще не ушел из театра?

— Нет.

— Все равно уйдешь. Твое дело — телевидение.

Он мог позвонить мне в два часа ночи:

— Давай покидаем!

«Кидать» — значит обмениваться идеями по передаче.

И мы кидали...

Он заставлял меня быть одновременно репортером, журналистом, сценаристом, режиссером, ведущим. Но больше всего приучал к телевизионной режиссуре.

Иногда он приходил на монтаж за час до выхода передачи в эфир начитывать закадровый текст и говорил:

— Я потерял бумажки. Но ничего, я все помню.

Я знал, что это неправда, что он устал и текст попросту не написан. Кира брал микрофон и начинал наговаривать под картинку. Как правило, это выливалось в блестящую эмоциональную импровизацию.

Журналист божьей милостью, эрудит, умница, трудяга. Огромного роста, с открытой улыбкой, ранимый, заводной, отходчивый, не знающий чувства зависти. И по сей день почти в одиночку везущий свой телевизионный воз.

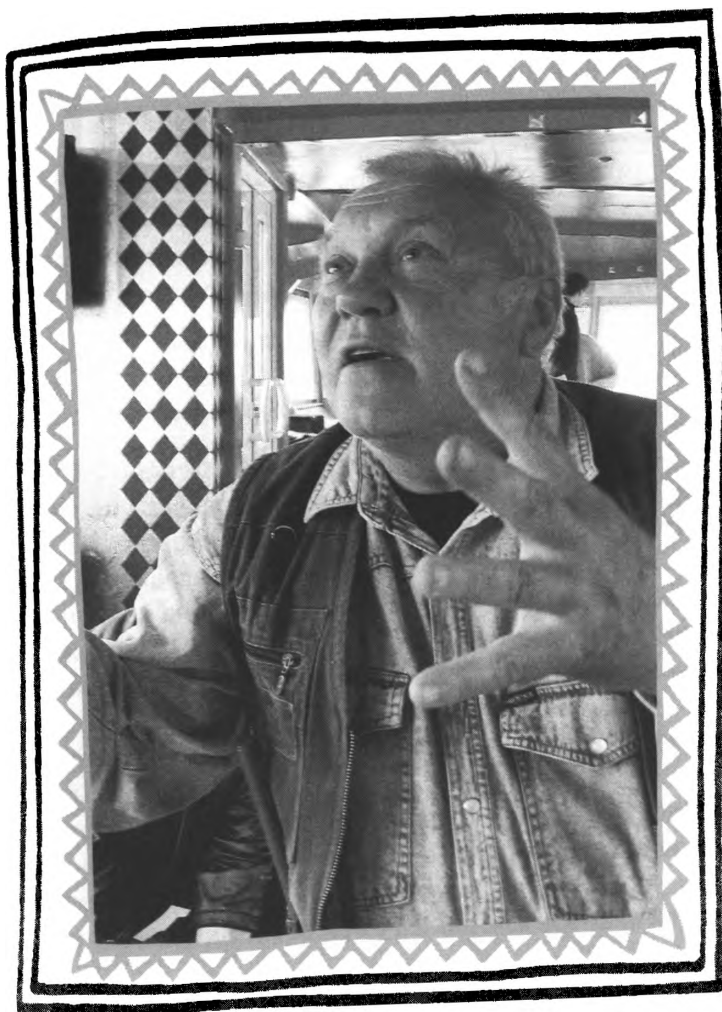
В 1993 году он часто говорил нам с Ильей:

— Вам нужно делать свою передачу. Я договорюсь об эфире на нашем канале. Делайте, делайте.

И мы сделали. Только на другом канале. На Российском. Но если бы не было «Адамова яблока», не было бы и «Городка». Я не забываю об этом.

Не умереть от смеха!

Никто уже не помнит, когда с композитором Владимиром Горбенко случился первый неконтролируемый приступ нездорового смеха при виде артиста Юрия Стоянова.

В 1962 году во время Карибского кризиса Владимир проходил срочную службу в военном оркестре на Кубе. За сто лет до этого там же, в Гаване жил великий поэт Хулиан дель Касаль. Его перу принадлежат в том числе и такие строки:

Не издавай ни жалобы, ни стона,
О, сильный духом! СМЕЙСЯ над бедой:
Уйди в искусство — и забудешь горе...

Поэту было 30 лет, когда за ужином кто-то из друзей рассказал ему анекдот. Он рассмеялся, но естественная, казалось бы, реакция на репризу переросла у него в тяжелый приступ непрерывного смеха и закончилась летально. Хулиан в прямом смысле слова «умер с улыбкой на лице»...

Владимир Горбенко, по молодости лет слишком буквально понял название Острова свободы и завязал бурный роман с одной кубинкой. Возможно, «синдром Хулиана дель Касаля» передался ему от нее известным путем. (Типун мне на язык!)

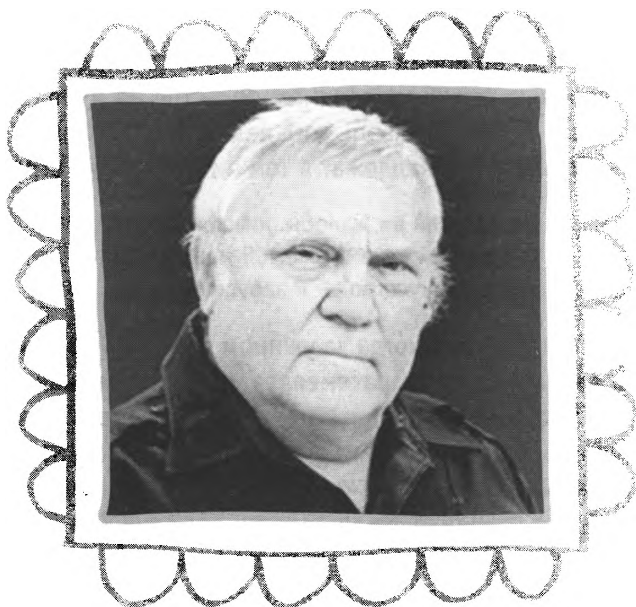
Смех на сцене артисты называют «расколом», рассмешить — значит «расколоть», а про того, кто смеется во время спектакля, говорят: «Он колется».

Нет. В первый раз Горбенко раскололся все-таки не из-за меня.

На спектакле «Перечитывая заново» в финале 1 акта мы — человек 30 артистов и духовой оркестр — были «за-

ряжены» в фойе театра. Мы изображали делегатов Первого съезда комсомола. На сцену выходил Ленин (его играл Кирилл Лавров), и в финале исторической речи: «Учиться, учиться и — еще раз учиться!» — оркестр должен был заиграть «Интернационал» (у Владимира была партия валторны), а мы с криками «Ура» — бежать на сцену прямо через

*Владимир Горбенко. Не смеется, потому что
меня нет рядом*

зрительный зал. И вот вышел Лавров, протянул вперед руку с кепкой и сказал, пол-ленински грассируя:

— Товарищи солдаты, матросы и... — Вдруг он запнулся, но после небольшой паузы продолжил: — ... и... артисты!

В зале раздался чей-то робкий смешок, а Володя Горбенко прыснул прямо в мундштук, и звук получился хриплова-

OVATION

то-резкий, фальшивый и очень громкий, как у поломанного клаксона. Как потом грубо объяснили музыканты: «Вовик пёрнул прямо в валторну». В зале начали уже откровенно ржать, а мы, плохо сдерживая смех, побежали мимо зрителей и кричали «Ура!» непонятно уже чему. А Горбенко шел с выпученными глазами, в полуобморочном состоянии, красный, как знамя, которое я нес рядом с ним, и находился в каком-то странном диалоге с валторной. Но это был точно не «Интернационал»...

Ленин метался за кулисами с криком: «Где этот мудака?!» Ему объяснили, что музыканту плохо. И это была правда. Тогда я впервые увидел, что такое «смех сквозь слезы»: когда человек одновременно рыдает, смеется, задыхается и хватается за сердце. Не могу сказать, что я был совсем уж ни при чем и что не подлил маслица в огонь в той истории. Потому что, когда Лавров сказал: «...матросы и... артисты», я подхватил и начал тихо подпевать: «...а также их родители, веселые истории послушать не хотите ли?..»

Через несколько дней в театре давали «Визит старой дамы» Дюрренматта. Я в маленьком оркестре играл на гитаре, а Володя — на аккордеоне. Играли мы танго «Кумпарсита», а артисты танцевали и одновременно говорили какой-то текст. И был в этой сцене сольный кусочек у Валерия Караваева, артиста с очень красивым низким голосом. Не знаю почему, но у него была нежная кличка «Папа»... В то время по всем телеканалам часто крутили рекламу соуса «Анкл Бенс» с улыбающимся во все зубы пожилым чернокожим мужиком. Он и был — Анкл Бенс. И вот выскакивает на сцену наш немолодой уже Папа, и начинает выдавать танго, и старается улыбаться во весь рот, как и требовал режиссер. И вдруг я отметил в нем невероятное сходство с героем рекламного соуса. Я, не поворачивая головы в сторону Володи, сказал:

— Смотри! А наш Папа — вылитый Анкл Бенс! Только для белых!

Пауза. Горбенко посмотрел в сторону улыбающегося Папы, стиснул зубы и, не переставая играть на аккордеоне, начал тихо подвывать. Потом, оставаясь лицом к сцене, не глядя назад, ушел за кулисы. Продолжая играть «Кумпарситу», он выл во весь голос уже оттуда. Его попытки вернуться на сцену не увенчались успехом. Он делал шаг навстречу

Легендарный спектакль «История лошади». На втором плане — Владимир Горбенко с баяном

оркестру, встречался глазами с улыбающимся по роли Папой, воспринимал его улыбку на свой счет и снова начинал выть. К вою добавился еще и кашель, заглушающий звук аккордеона.

Перед антрактом я успел «обработать» нашу буфетчицу Валу, и когда Володя в закулисном буфете заказал себе котлету с пюре, она спросила:

— Вам с соусом?

— А с каким? — поинтересовался Горбенко.

— А у нас теперь только «Анкл Бенс»! — ответила Валя.

Горбенко убежал выть в комнату оркестра. А когда все подухло и слегка подзабылось, на одном из спектаклей к нему подошел вахтер с нашей проходной и передал небольшую, красиво упакованную коробочку с надписью «Владимиру Горбенко». Он открыл ее, и там, естественно, оказалась банка «Анкл Бенс». Каюсь, моя работа...

После этой истории Володя стал избегать меня и проходил в театр через зрительское фойе, поднявшись на третий ярус, а оттуда по черной лестнице в свою музыкантскую каморку. У Горбенко образовалась стойкая «реакция на Стоянова». Мне уже не надо было никак шутить, подкалывать его или готовить какие-то розыгрыши. Он реагировал на меня как такового. На сам факт моего существования. Стоило мне появиться в любом месте рядом с ним — и у него начиналась смеховая истерика.

Если рассудить здраво, то ничего особенно смешного я ведь не делал. И шутки, которыми я окружал Володю, объективно не были такими уж остроумными. Просто сцена все очень обостряет. В жизни, может, и не смешно, а во время спектакля иному палец покажи, он и помрет со смеху... Я продолжал веселить себя и театр, но «фактор Стоянова» в жизни Горбенко стал известен зав. музыкальной частью Семену Ефимовичу Розенцвейгу. Семен Ефимович сделал вывод, что случай клинический, и решил познакомить Горбенко с известным психотерапевтом... Прошло какое-то время. Я сидел у мужской гримерной и трепался о чем-то с другими артистами. Вдруг в конце нашего знаменитого длинного коридора появился Владимир Горбенко и уверенно направился в мою сторону. Все замерли. Он подошел ко мне, подчеркнуто по-деловому пожал руку, серьезно поин-

тересовался: «Как дела?» Я обалдел и молчал. Тогда он сочувственно потрепал меня по плечу и сказал:

— До встречи на сцене! — и уже обращаясь к остальным, добавил: — Всем хорошего спектакля!

Он двинулся в обратную сторону, прошел метров десять, развернулся, сказал: «Да. Теперь вот так!», щелкнул погусарски каблуками и гордо удалился...

Спектакль для меня прошел абсолютно бессмысленно. Я с робкой надеждой вяло пытался шутить, но Горбенко стойко держал удар, брезгливо-снисходительно посматривал на меня и только один раз проронил: «Бес-по-лез-но!» И все... Мое дальнейшее существование в театре потеряло для меня всякий смысл! В репертуаре я был занят в основном в эпизодах и в массовке, но это уязвлявшее мое самолюбие гнетущее прозябание так весело скрашивал Володя Горбенко! Я шел в театр с радостью, с ожиданием интриги: «Что сегодня выдаст Горбенко?! Чем мы поднимем адреналин?» И все это у меня украл какой-то психотерапевт! Погасил свет в моем театральном окошке! Подонок! Накручивая себя, я уже был близок к полному оправданию Сталина в «деле врачей-убийц»!

После спектакля скрипач Володя Баршевич рассказал всем, «по большому секрету», естественно, как проходило исцеление Горбенко. Оно не было медикаментозным, то есть обошлось, слава богу, без транквилизаторов и нейролептиков. Упор был сделан на аутотренинг, или самовнушение. По совету врача Горбенко взял у нашего фотохудожника Бори Стукалова мою фотографию. Такую же, как висела в фойе театра. Он закрепил ее дома напротив кровати и несколько раз в день проделывал следующее упражнение. Глядя на мое лицо, он медленно внушал себе:

— Я лежу на берегу моря. Я полностью спокоен. Я счастлив. Легкий ветерок касается моих волос. Я нахожусь под

защитой Вселенной. Моя жизнь соткана из гармонии и успеха. Ничто и никто не смогут разрушить их. И даже этот бездарный артист, который сейчас смотрит на меня и пытается рассмешить, — он тоже не сможет! Каждый день он подкарауливает меня, чтобы покуражиться надо мной и сделать себе хорошо, а мне больно. Почему же я смеюсь? Ведь он совсем не смешной, а скорее жалкий. Смазливая физиономия невестребованного комика — вот кто смотрит на меня! Ему нужно соболезновать, а не идти на поводу его бездарных шуток. Я вижу эту же фотографию, но уже не в моей комнате, а на скромном памятнике, на дешевой эмали, на задворках Мартышкинского кладбища под Ломоносовом. И я приношу ему две гвоздики. И впервые я не смеюсь, глядя на него, а плачу. Ведь жалко человека, который останется в памяти коллег только тем, что изводил талантливого музыканта. Спи спокойно, Юра. Я прощаю тебя!..

Горбенко поинтересовался у психотерапевта, можно ли закончить аутотренинг словами «Будь ты проклят!» или «Чтоб тебя никогда больше за границу не взяли!», но врач запретил, так как это могло вызвать у его подопечного «неоправданные ожидания».

Желая объяснить Володе всю серьезность его положения, доктор привел ему хрестоматийный пример из истории его заболевания. Исторический. Что был, дескать, в третьем веке до нашей эры такой древнегреческий философ Хрисипп. Однажды он угостил своего осла вином, а затем умер от смеха, наблюдая, как пьяный осел пытается есть инжир с дерева. Горбенко живо представил себе эту картинку, начал выть, хрюкать и кашлять и чуть не повторил судьбу древнего грека!

К моей фотографии в его спальне пришлось добавить еще одну — снимок посмертной маски философа Хрисиппа...

Не успел Баршевич окончить живописать историю излечения Горбенко, а я уже знал, что делать. Фотография — вот ключевое слово! ФОТОГРАФИЯ! О, да!

На следующий же день я поехал в Гостиный Двор и на Думской линии нашел кабинку с автоматом моментального фото...

Наконец настал день долгожданного спектакля «Смерть Тарелкина». Это — опера-фарс Александра Колкера, в которой драматические артисты поют. Ну, не как оперные, конечно, но не стыдно. В оркестровой яме располагался настоящий оркестр. наших музыкантов не хватало. Приглашали из других коллективов. Аккордеонист, баянист, пианист и валторнист Владимир Горбенко в этом составе почему-то играл на ударных: литаврах, ксилофоне, треугольнике, колокольчиках и тарелках. Его место в яме было крайним справа, если смотреть со сцены. А у меня были две рольки — чиновника в департаменте и полицейского Шаталы. Пусть не на первом плане, но почти весь спектакль на сцене. В кино есть очень точная формулировка для таких ролей — «Окружение артиста». Вот я все время кого-то и окружал...

Я пришел на спектакль за полтора часа до положенной явки и, сговорившись с Вовкой Баршевичем, провел кое-какие приготовления.

Первый акт прошел скучно, без сюрпризов. Горбенко сидел в яме и еле успевал менять треугольник на тарелки и ксилофон на литавры. Иногда он ловил мой взгляд со сцены и отрицательно качал мне головой, мол — «бесполезно!». И вот наконец второй акт! Редкий артист оркестра просматривает свою партитуру в антракте. И Горбенко не исключение. На это и был мой расчет. Минут через пять по-

сле начала мы с моим партнером Валерой Матвеевым должны упасть на авансцене и провалиться, якобы без сознания, минут пять. Баршевич накануне указал мне именно это место в горбенковских нотах. И вот громкий кусок в оркестре, и синхронно с ударом медными тарелками мы падаем. Я рассчитал так, чтобы навернуться поближе к Володе. Еще немножко подтянулся вперед и свесил голову прямо в оркестровую яму напротив его лица. Горбенко перевернул очередной лист своей партии и увидел приклеенную к нотам мою фотографию 3 на 4, сделанную накануне в автомате моментального фото. Он напрягся, но не раскололся. Я нежно подмигнул ему и сделал «чмок» губами. Он перевернул еще одну страницу — и там снова была моя фотография. Я сделал снимков 40 в автомате и на каждом скорчил жуткую рожу. Следующая страница была уже вся оклеена по краям моей физиономией. Ну... и началось. Вой, кашель, стоны и так далее. Вовик отбросил тарелки, снес стойку с колокольчиками и уронил голову на кожу литавр, обхватив ее руками. Дирижер Семен Розенцвейг размахивал палочкой и довольно громко отчитывал Горбенко:

— Это непрофессионально!!! Безобразие! Позор!

По-моему, это слышали все зрители.

Вот я и получил сатисфакцию. Но на сердце было тревожно. И какой-то холодок поселился у меня в районе копчика. Ведь это получился уже не просто «прикол» — это ЧП, это почти срыв спектакля, диверсия, можно сказать! И театр затаился в ожидании крутого разбора полетов...

Через много лет мы со съемочной группой программы «Городок» отмечали окончание очередного телесезона. Я заказал маленький кораблик — ресторан, курсировавший вдоль Невы. Был с нами и Володя Горбенко. В этот день был какой-то праздник, но мы забыли об этом. У нас был свой праздник. И вот приблизительно без пяти десять я вспом-

Съемочная группа «Городка», включая В. Горбенко. Петербург, Летний сад. После банкета на том самом пароходике

нил, что через пять минут начнется салют. Горбенко стоял рядом со мной на палубе с рюмкой в руках. Я сделал вид, что звоню по мобильнику, и сказал в трубку:

— Петрович, ну что? Все будет, как договорились?.. Тебе деньги передали?.. Ага... Ну, ладушки. Петрович, только ты давай нарядно долбани, по-взрослому! Давай, в честь программы «Городок»!

Я поднес трубку к Володиному рту и попросил его:

— Скажи громко: «Огонь!»

И Горбенко заорал в трубку «0-0-0-ГОНЬ!»

И в это время с бастионов Петропавловки, мимо которой мы проплывали, грянул салют! Я рассчитывал, что у Вовика на моих глазах случится рецидив приступа смеха, но я ошибся. Он обнял меня и со слезами на глазах прокричал, перекрывая грохот салюта:

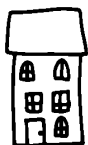
— Старик, ты крут! Ты очень крут! Посмотри, как тебя любит страна! — и он показал рукой на разноцветные вспышки. — Я счастлив, что я работаю в «Городке»!

Он действительно почти 20 лет был композитором нашей программы. И если когда-то Горбенко лечили от Стоянова, то теперь Стоянов был неизлечимо «болен» любовью к удивительной музыке Горбенко!

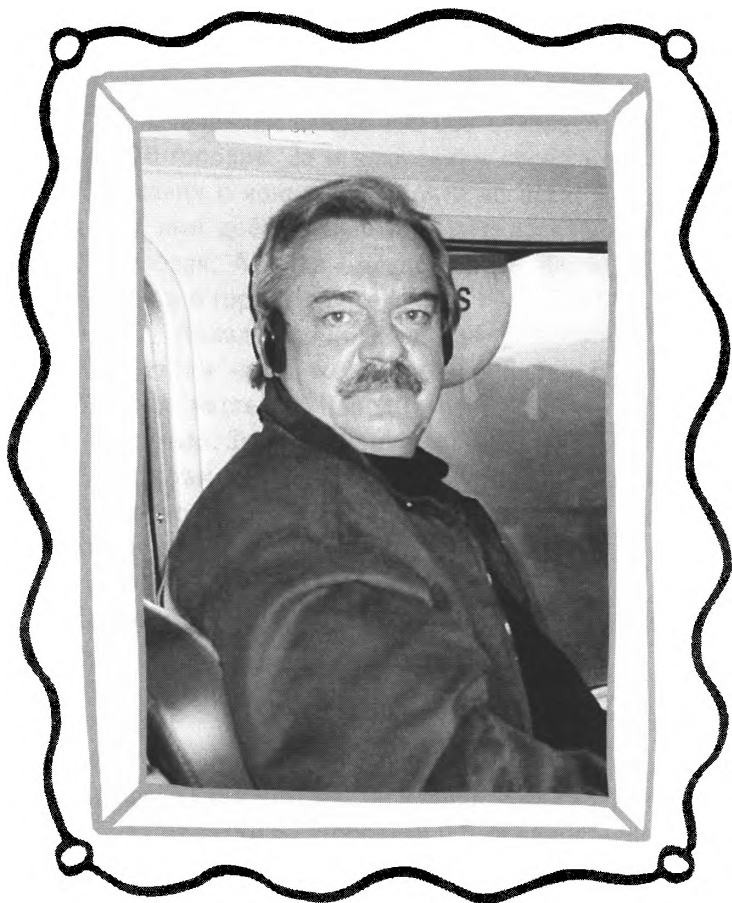
А задолго до этого — на следующий день после памятного спектакля «Смерть Тарелкина» меня впервые вызвал к себе Георгий Александрович Товстоногов. В кабинете главного режиссера на столе лежала папка горбенковских нот, открытая на страничке с моими фотографиями. Товстоногов полистал партитуру с каменным выражением лица, захлопнул ее и сказал мне историческую фразу. Помню дословно:

— Юра! Если когда-нибудь вы научитесь высекать из зрительного зала то же количество смеха, что и из своих партнеров на сцене и за кулисами, тогда вы, может быть, станете артистом!

Над этим я и работаю последние 30 лет.

Ключев

Недavno набрал я в поисковике: «Города России с населением свыше 100 000 человек». Там около 170 городов. За исключением нескольких, мы бывали с концертами почти во всех! Во времена кризисов к ним добавлялись города с населением менее 100 000 человек. А когда бывало совсем плохо, приходилось навещать и города с населением менее 50 000. А иногда и ниже. А бывало, что ниже некуда.

Помню, стоим на сцене в поселке Барда в Пермском крае. Ужасное местечко. Народ (в основном) — выпимши. Сцена — грязная. Звук — омерзительный. Хороший концерт смотрелся бы там очень неорганично, поэтому и наш прошел соответственно реалиям. В финале — поклон. Я кланяюсь, улыбаюсь и цежу сквозь зубы:

— Боже, как стыдно! Как же стыдно!

А Илюша тоже улыбается и, не меняя выражения лица, отвечает:

— Все нормально, Юрик! Ты здесь на один день, а они на всю жизнь!

Ближе к левой от зрителя кулисе неизменно стоял наш аккомпаниатор Саня Ключев. Он наяривал на своей старенькой «Ямахе» мелодии из «Городка» и был единственным человеком в нашей компании, который улыбался искренне. Он обожал гастролы. И чем хуже и тяжелей была поездка, тем лучше было его настроение. Он был рожден для эвакуаций. Его легко было представить с вещмешком и котелком в руках на крыше вагона поезда, едущего в тыл.

Содержимое его карманов требует отдельного описания. У него всегда были при себе: спички, соль, бульонные кубики, моток проволоки, изолента, кусковой сахар, китайский нож, анальгин, сода, обрывки газет с кроссвордами, яйцо, сваренное вкрутую, кипятыльник и маленькая бутылочка с соусом сацебели.

Все это в его карманах давилось, перемешивалось и образовывало некую смесь, которая какой-нибудь голодной ночью заливалась кипятком и предлагалась всем окружающим. В этот бульон, который одновременно и создавал, и снимал изжогу и головную боль вследствие смешанных ингредиентов, он крошил отварное яйцо и произносил свое коронное:

— И — связать я-и-ч-ком!!!

Ключев — коренной ленинградец. Не помню, чтобы он матерился. Доброжелательный, солидный, внешне — похож на Чаплина без грима. Седые волосы аккуратно зачесаны, усики подстрижены, весь такой маленький, но солидный. Чарльз Спенсер. Это когда трезвый. А как тяпнет — это уже Чаплин в гриме. Просто — Чарли. Но об этом позже.

Все свои знания Ключев черпал из справочников, газет, радио и из телика. Все они перемешивались в его голове, как содержимое его карманов, и превращали Сашку в носителя странных и бесполезных знаний, а нас — в заложников его бесконечного и бессмысленного монолога. Он был противоречивым, как Интернет, до которого, у него, слава богу, руки не дошли. Илюша любил вздремнуть под его трындеж. Во время какого-нибудь долгого переезда Илья говорил:

— Ключев, давай начинай.

— Что начинать?

— П...ть.

— Про что?

— Про все.

И Ключев начинал:

— Значит так, Илья Львович. Из последнего: есть вероятность, что Ангела Меркель на самом деле — дочь Гитлера!

— Не п...ди!

— Я переадресую вашу просьбу, Илья Львович, немецким историкам и архивариусам.

— Меняй пластинку, Ключев. Только потише и помонотонней давай!

И Ключев почти шепотом продолжает:

— Тогда — КВН. Выпуск от двадцать девятого декабря. Высшая лига. Финал. Сборная Пятигорска, РУДН и «Парма». Идут нога в ногу. Александр Васильевич объявляет конкурс капитанов. Звучит музыкальная заставка. — Дальше Ключев поет:

Не знали наши мамы,
 Не знали наши папы,
 Что дети не простые
 У них в семье растут.
 Что подойдут их детям
 Не кепки и не шляпы,
 Фуражки капитанов
 Им очень подойдут...

Потом там идет припев:

Капитаны, капитаны...

И два часа Ключев без остановки, пошагово, покадрово и дословно продолжал под Илюхин храп «транслировать» нам КВН.

Как-то прилетели мы в Норильск. Едем из аэропорта в город. На улице минус 40. Местный администратор рассказывает:

— Эта дорога на костях построена. Буквально на костях эзков... У нас тут, если увидят, что машина на обочине стоит, сразу все останавливаются и спрашивают — не случилось ли чего? Потому что на таком морозе — пятнадцать минут и труп!

И тут Ключев говорит:

— Прошу прощения. Я как раз по поводу остановки. Нельзя ли притормозить на пару минут? Необходима физиологическая пауза, а то у меня сейчас днище прорвет. Sorry!

Я спрашиваю:

— А потерпеть никак?

— Юрий Николаевич, никак! Я уже пытался отвлечься — вспомнил Рахманинова, этюд-картину соль минор и две большие сцены из «Судьбы человека» с Бондарчуком... но все! Наступает дедлайн... Дверь откройте быстрее!

Водитель разблокировал двери и прокомментировал:

— При нашей погоде лучше бы в штаны, — но Ключев уже скрылся где-то в снегу.

Ждем его пять минут, ждем десять — нет человека. Судя по рассказу администратора, жить Ключеву оставалось недолго. Илюха говорит:

— Надо идти искать идиота!

Искали мы его минут десять, сменяя друг друга. Со времен сталинских лагерей местные окрестности не слыхали такого мата. Дальнбойщики бы покраснели. Наконец, за какой-то сопкой нашли Ключева. В смерзшемся снегу он вытоптал себе глубокую яму, и когда сидел, то была видна одна его голова. Как будто ее отрубили и бросили на запыльный снег. Ключев читал газету. Он увидел нас и сказал:

— Я прошу прощения. Очень сложный кроссворд попался.

Илюша часто заморгал и заорал:

— Ключев! Как это называется????!!

А тот застегнул штаны, осмотрел свой окопчик и ответил:

— У индейцев Северной Америки «это» называется ИГЛУ!

Году в 2000-м был у нас тур по Казахстану. После сольника в Алматы нас пригласил на ужин к себе домой главный казахский гаишник. Я говорю нашему директору:

— Марик! Мы устали, как собаки. Что, нельзя приехать в гостиницу, съесть йогурт и лечь спать?! Обязательно переться домой к незнакомым людям и нажираться на ночь?

— Обязательно, ребята, очень обязательно! Он нам обещал дать в сопровождение гаишную машину до самой Караганды! Пролетим — не заметите!

Аргумент сильный. Поехали ужинать. Гаишник — очаровательный дядька, жена-дети обожают «Городок», дом — красивый, уютный. Входим в гостиную — стол пустой. Красиво сервированный, но пустой. Гаишник говорит почти без акцента:

— Мы будем кушать бишбармак! А уже потом мантишманты и все остальное. Бишбармак любит чистый стол!

В районе солнечного сплетения сладко засосало. Илюха сглотнул слюну:

— Ну, мы в принципе уже готовы.

И Ключев, потирая руки, попытался пошутить:

— Как говорится, «а где же булочка, спросил солитер»?

Гаишник ему серьезно ответил:

— В интеллигентных казахских семьях бишбармак едят без хлеба.

Голодный Илюха говорит:

— Ну, мы в принципе готовы и без хлеба!

Гаишник доброжелательно-укоризненно посмотрел на Илюшу и сказал:

— В интеллигентных казахских семьях перед тем, как кушать бишбармак, принято помыть руки.

Помыли. Ключев тихо причитал:

— А я бы с удовольствием похавал и в НЕинтеллигентной казахской семье. У рядового сотрудника ГАИ!

Сели за стол. Подали огромное блюдо с бишбармаком. И хозяин вдруг почему-то резко «включил аул», то есть заговорил с сильным казахским акцентом:

— Для бишьбармака ми пакупаем три сорта мяска — баранина, говядина и конинка. Сегодня ми будем кушат казахский бишебармака, называется «ЕТ»! Скажи громко — ЕТ! — вдруг обратился он к Ключеву.

— Ет! — отрапортовал Ключев.

— А теперь ты, дорогой, пошалюйста!

— Ет, — ответил я.

— А теперь господин Илья, пошалюйста!

— Ну, Ет, — буркнул Илюха.

— Ай, молодцы, слюшай! Еще бишбармак не кушали, а уже по-казахски заговорили! — закричал хозяин и захлопал в ладоши. — Извините, что отвлекся, — сказал гаишник и продолжил: — Я два с половиной часа варю мяско, а жена с дочкой делают тесто-шместо для лапша и лепят из него типа ромбики такие...

Бедный Ключев не выдержал, потянулся вилкой к блюду с бишбармаком. Хозяин громко хлопнул ладонью по столу, но ласково сказал:

— Нет-нет, уважаемый! Не обижай, а! В интеллигентных казахских семьях бишбармак принято кушать руками! Вот смотри: берешь правой рукой отдельно кусочек лапша и уже этим кусочком берешь мяско. Потом правой рукой макаешь это все в подливка и кушаешь. Во-о-т так, — и он показал, как все это делать правой рукой.

Ключев попытался повторить. Кусок мяса упал на пол, а ромбик лапши повис у него на лацкане пиджака, как военный знак различия до введения погон. В нависшей ти-

шине, выдержав паузу, он аккуратно протер рот салфеткой и медленно с расстановкой сказал:

— А я слышал, что в интеллигентных казахских семьях — (слово «интеллигентных» он очень выделил), — бишбармак едят... Л Е В О Й рукой!

Я обожаю Казахстан! После этих гастролей мы много раз возвращались в этот замечательный край. И нас там все очень любили! Все! Ну, кроме казахских гаишников, наверное...

Ключеву категорически нельзя было пить. Даже ста граммов вина, даже кружки пива. Перевоплощение наступало у него за секунду, даже быстрее. Он еще не успевал поставить рюмку на стол, а уже становился другим человеком. Как в фильме ужасов.

Я заинтересовался «Феноменом Ключева» с научной точки зрения. Однажды мне попала статья под названием «Синдром патологического опьянения». Цитирую ее фрагмент дословно: «Патологическое опьянение — это острое, кратковременно протекающее психотическое расстройство при приеме алкоголя (как правило, минимальных доз), представляющее собой форму сумеречного помрачения сознания, которое характеризуется внезапным возникновением искаженного, бредового восприятия обстановки в сочетании с тревогой, страхом, гневом, яростью и агрессивными действиями в отношении окружающих...» Дальше — больше: «Нередко, находясь в этом состоянии, человек выкрикивает отдельные слова: «шпион, фашист» — и короткие фразы, например: «Вы окружены!» Честно говоря, я заподозрил автора в близком знакомстве с Ключевым.

Милейший, тишайший Ключев как-то вместе с нами был на банкете в Анапе. Прием устроили в нашу честь отцы города. Это была середина 90-х. На сцене еще не до конца

перестроенного в ресторан летнего кинотеатра стоял длинный стол, покрытый белой скатертью и сервированный человек на двадцать. За столом сидели местные чиновники с женами и несколько авторитетных мужчин в спортивных костюмах. Один из них сказал, протягивая руку:

— Кто же не любит знаменитую программу с Ильей Олейниковым и Юрием НИКУЛИНЫМ?!

Хотелось поскорее начать трапезу, но все шло как-то вяло, медленно, разговор не клеился, с бутылок водки стекали ледяные капельки, она потела на глазах и просилась наружу — в рюмки. Но никто не пил, видно, ждали, кто скажет первым тост. И Ключев решил всех выручить. Он наполнил рюмку, встал и спросил Илью:

— Илья Львович, вы не возражаете?

Илюха слегка развел руками, кашлянул, покачал головой, мол: «Ну, не знаю, не знаю...»

Он работал с Ключевым давно. А я впервые видел Саню с рюмкой в руках...

Тост Ключева:

— Дорогие друзья! Вы — люди, которым Анапа доверила себя! В ваших руках — ключи не только от города, но и от наших сердец! Но сначала мне бы хотелось сказать о моих товарищах, коллегах и — смею робко надеяться — друзьях. Дорогие Илья Львович и Юрий Николаевич! Спасибо вам! Спасибо за эту возможность стоять с вами на одной сцене и ощущать, как слава и любовь народа, витая над сценой, нечаянно задевают и меня краешками своих крыльев... Я был ленинградским мальчишкой, когда однажды меня взяли на концерт великого Аркадия Райкина. Вы удивитесь, но я не смеялся! Я был потрясен! Я... плакал. Я плакал, но это были слезы счастья. Счастья от того чуда, которое творил гений на моих глазах!.. Прошло много лет. И вот сегодня мне как будто вернули мое детство. Я почув-

ствовал то же, что и тогда, — счастье. Счастье стоять с вами на одной сцене и твердить себе: «Не лажай, Саша! Ведь нечистая нота может отвлечь людей и разрушить то чудо, которое творят на твоих глазах преемники Райкина!» За вас! За ваш великий трагикомический дар, за невозможность представить вас друг без друга! Ура!!!

Ключев медленно и торжественно выпил из хрустальной рюмочки, а Илюха успел тихо сказать:

— Три ... два... один... пуск!

Ключев поставил рюмку. Вдруг его сильно качнуло. Он удержался на ногах. Оперся руками о стол. Глаза его налились кровью. За несколько секунд он превратился в хлам пьяного! Он осмотрел всех тяжелым взглядом и закричал.

(Должен извиниться перед читателем, но дальнейший текст потребует от вас некоторого воображения. Я вынужден заменить многоточиями большую часть слов, которыми Ключев одарил гостей. Можете заполнить их в меру своего понимания живого русского языка.)

Продолжение тоста Ключева:

— ... а если... какая-то тварь, какая-то... местная морда... сидит... и думает: «Вот, взяли с собой лабуха... чтобы он им за 100 баксов тосты... произносил», то я скажу — пошли вы все на ...! В ... пошли вы все! И захватите с собой туда своих... жен, свою... челядь, своих бандитов и... отсюда — из моей страны!!! Фашисты! На ... пошли все, я сказал!!! Вы окружены!

Ключев схватил скатерть и со всей силы дернул ее на себя. Со стола полетели бутылки, закуски и все содержимое. Женщины завизжали. Огромная белая скатерть накрыла Ключева с головой, и он стоял под ней, как памятник перед торжественным открытием.

Занавес!

Этот гусарский трюк со скатертью Ключев проделывал еще несколько раз, но, к счастью, не в нашем присутствии. Его жена рассказывала, что когда однажды Ключев вышел из больницы, в которой пролежал больше месяца, он по случаю выздоровления пригласил домой всех своих друзей. Накрыв стол. Со всеми обнимался-целовался, потом выпил рюмку... ну, дальше вы догадываетесь. Он помянул друзьям, что за время болезни его никто не навещил. Ну, и закончил хрестоматийно, строго по диагнозу: «Фашисты...» — и так далее.

Ключев много снимался у нас в «Городке». Чаще всего в рубрике «Приколы нашего Городка», то есть в скрытой камере. Там он был просто незаменим! Он вызывал доверие у людей. Случайные прохожие легко покупались на его вранье, и розыгрыши с его участием получались не столько смешными, сколько добрыми и трогательными.

У Ключева был старенький «Мерседес», и иногда я просил Саню встретить меня в аэропорту. Как-то зимой я прилетел уставший и измотанный долгой задержкой рейса. Сели в машину. Ключев бросил мне на заднее сиденье плед:

— Юрий Николаевич, прошу прощения, но печка не работает.

— Ладно, — говорю. — Слушай, Ключев, я еле на ногах стою. Довези меня до дома без приключений, и будет тебе счастье. Аккуратно езжай. От гаишников отмазывать не буду. Сил нет.

Проехали полкилометра — останавливает нас лейтенант-гаишник:

— Документики, пожалуйста!

Я сидел на заднем сиденье укутанный в плед, как пленный немец, и узнать меня было невозможно. Гаишник изучил ключевские документы и сказал:

— Нарушаем?

— А что мы нарушаем?

— Вы управляете технически неисправным средством передвижения. У вас стекла внутри салона замерзли так, что вы дорогу не видите. У вас печка работает?

— Увы, — развел руками Ключев.

— Ну, вот... О-о-х... Так, что же мне с вами делать? — спросил гаишник со знакомой всем водителям интонацией.

— Ну, я надеюсь, мы сможем как-то решить вопрос? — сказал Ключев и подмигнул гаишнику.

— А вот это совсем другое дело! — обрадовался лейтенант. Он осмотрелся по сторонам, снял с руки черную перчатку, бросил ее в окошко «Мерседеса» на пассажирское сиденье и выжидающе посмотрел на Ключева. А тот поднес перчатку к лицу, посмотрел на нее и после долгой паузы, театрально закинув голову, крикнул:

— ДУЭЛЬ????!!!

Я ржал после этого двое суток. Так парадоксально, на моих глазах, сиюсекундно рожденной фразы я больше не слышал никогда! Гениально!

Ну вот, пожалуй, и все про Ключева.

То ли в шутку, то ли всерьез, он всегда называл нас по имени-отчеству — Илья Львович и Юрий Николаевич. А мы его всегда только по фамилии — Ключев. Ключев, и все. На самом деле он был Ключевым Александром Константиновичем. Именно так высечено теперь на скромном памятнике на его могиле.

Кино, вино и кимоно

«Сыграть главную роль легко, получить трудно!»

*Кристоф Вальц, выдающийся австрийский
и американский актер, дважды лауреат
премии «Оскар»*

Первый раз я снялся в кино, когда мне было 15 лет. Сыграл в эпизодике юного партизана-поджигателя. Фильм назывался «Великое противостояние». Время действия — 1812 год. Наполеон приближается к Москве, а я — среди тех, кто ее поджег, чтобы не досталась супостату. За что меня французы и расстреляли.

**Умирал я молча. Я канючил у режиссера, чтобы он разрешил мне немного покорчиться и постонать, но он запретил:
— Тебе попали и в сердце, и в голову. Одновременно!**

Я, может быть, один из немногих, кто снимался еще в советской рекламе. Ее тогда показывали в кинотеатрах перед фильмами. Когда мне исполнилось 16, меня пригласили на Одесскую киностудию для съемок в рекламе Сберегательного банка СССР. Единственный вопрос, который мне задали, был:

- Умеешь ли ты управлять мотоциклом?
- Умею! — соврал я.
- А если сзади будет сидеть девушка?
- Это было бы очень хорошо. Я с пассажиром еще лучше езжу. Мотоцикл становится тяжелее, и им легче управлять!

Вот и весь кастинг. Зря они мне поверили! Мало того, что сам чуть не убился, так еще мог угробить одну очень симпатичную одесситку. В этом ролике мои «бабушка и дедушка» ночью откапывали клад. В металлической коробке лежала сберегательная книжка на имя их внука. Это был какой-то специальный вклад, деньги по которому можно было получить только по достижении внуком шестнадцатилетия. И они дарили мне мотоцикл — роскошную красную «Яву», и я на ней вышивал вдоль моря со своей подружкой, которая держала меня нежно за плечи. После того как на первой же минуте я уехал на обочину и перевернулся, вместо меня ездил уже дублер.

Я думал, что этот мой кинопозор никто никогда не увидит. Но я ошибался. В 1974 году мы — первокурсники актерского факультета ГИТИСа — пошли в кинотеатр «Художественный» по совету нашего педагога на потрясающий фильм Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». «Идите и смотрите! — сказал нам Владимир Наумович. — У нас так еще никто не снимал!» Едва в кинотеатре погас свет, как на экране появилась моя улыбающаяся физиономия из рекламы «Сбербанка». Все, что я делал в кадре, не очень сопрягалось с тем, чему нас учили через дорогу от кинотеатра — в театральном институте. О, позор на мои русые, кучерявые тогда волосы!..

Без вины виноватый

С тех пор как помню себя, мечтал стать артистом. Артистом кино. В театр почти не ходил. Хватило одного раза.

Я тогда учился в 8 классе. Нас всей школой повели в одесский театр имени Иванова на спектакль «Без вины виноватые». Это были гастроли какой-то сборной москов-

ской труппы. Обещали, что будет играть великая мхатовская Алла Тарасова, но она не приехала. Я захватил с собой моего друга Олега. У него была фамилия, произнося которую скороговоркой, я учился технике речи — ПРИВОРОТЕР. Мы сидели в середине полупустого партера, а перед нами развалились в креслах пацаны из какой-то другой школы. Они все время ржали, обсмеивали бедных артистов, болтали во весь голос. Я сделал им замечание. Один из них повернулся, долго смотрел на меня, щелкнул пальцами у меня перед глазами и сказал:

— Все! Я тебя сфотографировал.

А другой добавил:

— До скорой встречи на том свете!

В антракте ко мне подошел тот, который меня «сфотографировал»:

— Сышишь, сышишь, ты, поц! Ты шо-то хотел? Щас ты это получишь!

Он взял меня под локоть и увлек куда-то во внутренний дворик театра. Я оказался среди пяти лбов. Они окружили меня плотным кольцом. «Где же Олег?» — думал я. А Олег застрял в туалете.

Вдруг кто-то врезал мне со всей силы ладонью по уху! Из носа потекла кровь. И в это время я услышал вопль: «Юрик! Держись!!» — и увидел бегущего к нам Олега со стулом в руках. Он на бегу замахнулся этим стулом с криком «Убью, твари!», но «твари», как по команде, все сделали шаг в сторону и стул пришелся как раз на мою голову!

Очень тяжелый стул. С замахом в 180 градусов... Так что знаменитый монолог Незнамова во втором акте про «матерей, которые бросают детей своих» прошел уже без меня. Врач травмпункта поставил мне диагноз «контузия», и я им долго гордился!..

Артист с неопределенной внешностью

Двоюродная сестра моей мамы работала на нашей Одесской киностудии редактором. Людмила Донец. Она была довольно известным московским кинокритиком. Где-то что-то не то сказала, и ее отправили на периферийную студию.

Как-то я услышал разговор моей мамы и тети Люды на кухне. Речь шла обо мне:

— Людочка! Может, действительно ему помочь, как-то поспособствовать? Не замолвишь за него словечко там у себя на работе?

— Женечка, вот ты поверь мне, не нужно ему в артисты! Ну вот не нужно, и все! Не получится из него ничего...

И я вмешался в разговор:

— А почему это, тетя Люда, мне не нужно в артисты?

— А ты не обидишься?

— А я уже обиделся.

— Ну хорошо... Вот тебе мое резюме: какой-то ты... ровенький.

— ???

— Изъяна в тебе никакого нет! С такой физиономией тебя можно в любом фильме за любой стол посадить!

(Через много лет она призналась, что хотела сделать мне сильную прививку «от этого проклятого ремесла».)

Поехал я в Киев к моему деду советоваться. Получить благословение. Он меня тоже «обрадовал»:

— Не нужно тебе, Юрка, в артисты! Уродства в тебе не хватает!

И я мучился: «Что же это за профессия такая, где нужно быть уродом?! Причем, кажется, не только внешне... И что же у меня за лицо, с которым можно сидеть за любым столом в любом фильме?»

Через шесть лет, когда я уже окончил ГИТИС, один из самых крутых режиссеров «Ленфильма» после кинопроб сказал про меня ассистентке по актерам: «Артист с неопределенной внешностью», но не объяснил, в какую сторону мне «определяться». «Добрая» ассистентка навечно записала этот вердикт на оборотной стороне моей учетной карточки в актерском отделе прославленной киностудии.

Мой номер 39-й. Это та самая фотография из актерского отдела «Ленфильма»

Знаменитая Татьяна Лиознова, режиссер «Семнадцати мгновений весны», после моих очередных проб сказала:

— Юрочка! У вас полное несоответствие внешних и внутренних данных.

Мне было тогда 22 года. И мне понадобилось 15 лет, чтобы привести мои внешние данные в соответствие с внутренними, то есть сильно поправиться. Первую главную роль в кино я сыграл в 37 лет...

От чего плачут армяне

В 2000 году мне позвонил режиссер Тигран Кеосаян и пригласил на «Мосфильм» для знакомства. В офисе его кинокомпании работали одни армяне. Когда я перезнакомился со всеми, то подумал, что любимый армянский драматург — это Шекспир. Большинство сотрудников были тезками героев шекспировских трагедий...

— Юрий! — начал Тигран. — Я обожаю вашу передачу. У вас там есть один сюжет — когда я его смотрю, я плачу. Не от смеха.

И он пересказал мне этот сюжет про бизнесмена, который подает нищим на паперти милостыню, а когда заканчиваются деньги, отдает им свои вещи и аксессуары: пальто, перчатки, портмоне, часы... а потом становится рядом с ними уже сам с протянутой рукой. Этот сюжет был снят в 1998 году.

— Для меня это самый живой и пронзительный отклик на дефолт, на кризис! — сказал Тигран. — Я вообще в финале вашей передачи, когда звучит эта песенка, «Городок», все время почему-то плачу...

Этот сюжет был и моим любимым. И мне уже было абсолютно все равно, что за сценарий мне предлагают и в каком

С Тиграном Кеосаяном

фильме предстоит сниматься. Тигран «купил» меня сразу, на корню!

Вечером мы пошли в ресторан. Тигран с женой и родным братом — продюсером Давидом — и я с Леной. За столом Тигран все время шпарил цитатами из «Городка» и объяснял в любви мне и нашей передаче... Прошло какое-то время, и наступил первый съемочный день фильма «Ландыш серебристый». Прозвучала команда: «Ну, с Богом, Юрочка! Мотор! Начали!» Алена Хмельницкая играет мою жену. Говорит первую реплику:

— Никто меня не любит!

Я отвечаю:

— Я тебя люблю... — и не успел договорить, потому что раздался дикий вопль:

— Стоп! Хватит! Прекратить снимать х...ню!!!

Подбегает Тигран с бешеными глазами и орет на меня:

— Значит так: «Городок» — на х...! На х... забудь про свой «Городок»!!! Это — К И Н О!!! Кино, а не русская народная передача, б...!!! Не надо мне здесь ничего играть! Просто очень тихо скажи: «Я тебя люблю», и ни хера не изображай эту, б..., любовь!!!

Я остолбенел. И в этом состоянии сказал Алене:

— Я тебя люблю...

Опять подбегает Тигран. Нежный, ласковый такой.

— Спасибо, брат! Так сказал, брат, — просто ком в горле! Давид рядом плакал! Давид, ты плакал?

— Я плакал, — подтвердил Давид.

И услужливый ассистент подошел к Тиграну и сказал:

— А я тоже плакал, Тигран Эдмондович!

— Пошел на х..., дебил!

После «Ландыша серебристого» мы сняли роскошный сериал с тем же названием и героями, но попали в прокрустово ложе перемен на канале НТВ, они швыряли нас по эфиру и с успехом профукали все 12 серий.

Однажды в Молдавии

В 2004 году Тигран позвонил мне и сказал очень возбужденно:

— Брат! Все бросай и срочно приезжай ко мне! Я тебе прочитаю великий сценарий! Там для тебя сумасшедшая роль!

Сценарий был о визите Брежнева в Молдавию в 1971 году. На этом факте историческая правда заканчивалась, и начинался пронзительный фильм-сон про что-то хорошее и щемящее, про то, чего никогда не было в нашем недавнем прошлом, а так хотелось бы, чтобы было! Когда Тигран

закрыв последнюю страницу и утер слезы от собственного прочтения, я спросил:

— Ну, Брежнев — естественно, я?

— Нет, Брежнев, естественно, — Богдан Сильвестрович Ступка!

В результате я играл первого секретаря ЦК компартии Молдавии Гроссу Семена Кузьмича. Когда Тигран ездил в Кишинев на подбор природы, его сопровождал бывший сотрудник аппарата молдавского ЦК (позже он стал нашим консультантом). Как-то он спросил:

— А кто будет играть моего хозяина?

— А у вас был хозяин? — переспросил Тигран.

— Да! Семен Кузьмич Гроссу!

А я уже давно был утвержден на эту роль, естественно, без всякого согласования с бывшими аппаратчиками.

— Его должен играть только один артист! — продолжал будущий консультант. — Есть у вас такой — Юрий Стоянов. Похож на моего хозяина как две капли воды!

Просто так совпало!

Мы жили в пансионате в местечке Вадул-луй-Водэ, рядом с Кишиневом. Там был отличный ресторанчик, в котором каждый вечер проходили корпоративы. В основном — встречи выпускников: по специальности «технолог бродильных производств в виноделии», по специальности «обработчики отходов виноделия», «винодел и технолог виноделия», «агроном и специалист по формировке и выращиванию винограда винных сортов» и т. д. и т. п. И поскольку все эти корпоративы были посвящены так или иначе вину и молдавское вино там лилось рекой, то каждый вечер в ресторане появлялся Миша Ефремов. Он вырывал у ведущего микрофон, мотивируя это тем, что у него «черный пояс по караоке»! Он просил поставить фонограмму знаменитой песни Газманова и пел свой вариант с учетом местных особенностей страны пребывания:

— Стоп! Хватит! Прекратить снимать х...ню!!!

Подбегает Тигран с бешеными глазами и орет на меня:

— Значит так: «Городок» — на х...! На х... забудь про свой «Городок»!!! Это — К И Н О!!! Кино, а не русская народная передача, б...!!! Не надо мне здесь ничего играть! Просто очень тихо скажи: «Я тебя люблю», и ни хера не изображай эту, б..., любовь!!!

Я остолбенел. И в этом состоянии сказал Алене:

— Я тебя люблю...

Опять подбегает Тигран. Нежный, ласковый такой.

— Спасибо, брат! Так сказал, брат, — просто ком в горле! Давид рядом плакал! Давид, ты плакал?

— Я плакал, — подтвердил Давид.

И услужливый ассистент подошел к Тиграну и сказал:

— А я тоже плакал, Тигран Эдмондович!

— Пошел на х..., дебил!

После «Ландыша серебристого» мы сняли роскошный сериал с тем же названием и героями, но попали в прокрустово ложе перемен на канале НТВ, они швыряли нас по эфиру и с успехом профукали все 12 серий.

Однажды в Молдавии

В 2004 году Тигран позвонил мне и сказал очень возбужденно:

— Брат! Все бросай и срочно приезжай ко мне! Я тебе прочитаю великий сценарий! Там для тебя сумасшедшая роль!

Сценарий был о визите Брежнева в Молдавию в 1971 году. На этом факте историческая правда заканчивалась, и начинался пронзительный фильм-сон про что-то хорошее и щемящее, про то, чего никогда не было в нашем недавнем прошлом, а так хотелось бы, чтобы было! Когда Тигран

закрыв последнюю страницу и утер слезы от собственного прочтения, я спросил:

— Ну, Брежнев — естественно, я?

— Нет, Брежнев, естественно, — Богдан Сильвестрович Ступка!

В результате я играл первого секретаря ЦК компартии Молдавии Гроссу Семена Кузьмича. Когда Тигран ездил в Кишинев на подбор натуры, его сопровождал бывший сотрудник аппарата молдавского ЦК (позже он стал нашим консультантом). Как-то он спросил:

— А кто будет играть моего хозяина?

— А у вас был хозяин? — переспросил Тигран.

— Да! Семен Кузьмич Гроссу!

А я уже давно был утвержден на эту роль, естественно, без всякого согласования с бывшими аппаратчиками.

— Его должен играть только один артист! — продолжал будущий консультант. — Есть у вас такой — Юрий Стоянов. Похож на моего хозяина как две капли воды!

Просто так совпало!

Мы жили в пансионате в местечке Вадул-луй-Водэ, рядом с Кишиневом. Там был отличный ресторанчик, в котором каждый вечер проходили корпоративы. В основном — встречи выпускников: по специальности «технолог бродильных производств в виноделии», по специальности «обработчики отходов виноделия», «винодел и технолог виноделия», «агроном и специалист по формировке и выращиванию винограда винных сортов» и т. д. и т. п. И поскольку все эти корпоративы были посвящены так или иначе вину и молдавское вино там лилось рекой, то каждый вечер в ресторане появлялся Миша Ефремов. Он вырывал у ведущего микрофон, мотивируя это тем, что у него «черный пояс по караоке»! Он просил поставить фонограмму знаменитой песни Газманова и пел свой вариант с учетом местных особенностей страны пребывания:

Офицеры, молдаване!
Я сейчас не на экране,
Я спою вам эту песню до конца!
Офицеры, молдаване,
Миши, Саши, Пети, Вани,
Так простите же артиста-засранца!

Допеть эту песню до конца Михаилу ни разу не дали, и следы его сопротивления специалистам по виноделию потом долго закрашивали гримеры. Тогда-то я и сочинил двустихие, которое очень понравилось Мишке: «Эта наша общая проблема — Михаил Олегович Ефремов!»

Через пять лет мы с Мишей вместе снимемся в «12» у Михалкова. Там

один артист решил поучить Ефремова дисциплине и начал выговаривать:

— Как ты мог самому Никите Сергеичу (!) сказать, что не придешь на съемки сразу после Нового года, потому что на 2 января уже заказал себе капельницу?!

— Я честно предупредил о последствиях праздника, — ответил Мишка.

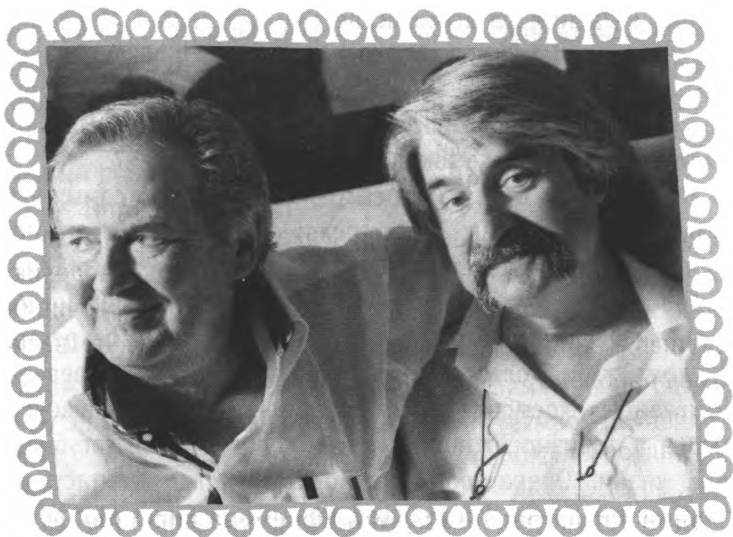
Я решил заступиться за него:

— Мужики! Среди нас двенадцати человек есть только один, кто ни разу об остальных одиннадцати не сказал ни одного дурного слова. Не то что не сказал, — даже не подумал! Он же святой! Посмотрите — у него над головой нимб!

И Миша Ефремов покачал отрицательно головой и сказал:

— О нет! Это не нимб. Это — бубенцы!

Миша — один из моих любимейших артистов. Это огромный артист и уникальный человек!

Одесситы. Владимир Трухнин — неповторимый и незаменимый главный автор «Городка»

Про то, что происходило на съемках в знаменитых Криковских подвалах, где под землей проложены десятки километров дорог и где в огромных бочках хранятся миллионы литров молдавского вина самых знаменитых сортов от «Гра тиешты» до «Пуркарского», я тактично умолчу...

На съемках «Зайца над бездной» мы жили в коттеджах на высоком берегу Днестра. В это время цвели тополя, и целыми днями летел тополиный пух, все буквально замело этим пухом. После съемок в Криковских подвалах я проснулся на рассвете, часов в 5 утра от странного звука. Выглянул в окно. Дул сильный ветер, и была настоящая тополиная метель. И сквозь эту метель по асфальтовой дорожке несли на роликах артист Владимир Ильин и бил хоккейной клюшкой по консервной банке. Феллини! В этот день мы должны были снимать сцену на хоккейном поле, где все

игроки катаются на роликах, потому что льда в Молдавии нет. У персонажа Володи Ильина была такая фраза: «Хоккей в Молдавии, товарищи, — это говно!» Вероятно, Владимир собирался проиллюстрировать этот тезис в кадре. Или это были последствия съемок в Криковских подвалах?

В «Зайце над бездной» я сыграл одну из моих самых любимых ролей — тихого, немногословного, несчастного, потому что занимался всю жизнь не своим делом, незлого Семена Гроссу. В мой первый съемочный день в этом фильме мы снимали очень сложный эпизод. Пьяный первый секретарь ЦК компартии Молдавии бродит по аллее среди деревьев, посаженных космонавтами, играет на пастушьей дудочке, плачет и произносит небольшой монолог о своей загубленной жизни. Оператором-постановщиком был фантастический, легендарный Игорь Клебанов. По умению выставить свет и построить картинку — второй в мире! Первый — Рембрандт. Сняли дубль, и Игорь говорит про меня Тиграну:

— Слушай, Тиграша. Я думал, он клоун, а он — серьезный артист!

— Игорек! — отвечает Тигран. — Вообще-то клоун — это высшая ступень в актерской профессии.

Во как!

Кстати, именно этот эпизод в фильм не вошел. Я спросил Тиграна: «Почему?» — а он ответил: «Там было много клоунады!»

Меня хорошо слышно?

Однажды Тигран позвонил мне в Питер:

— Значит, слушай, брат! Послезавтра мы все летим в Ереван на открытие памятника, приуроченное к батиному юбилею! (Папа Тиграна — Эдмонд Кеосаян — режиссер

знаменитых «Неуловимых мстителей» и других замечательных картин.) Представляешь, совпало! И бате, царствие ему небесное, исполнилось бы 70, и его фильму «Мужчины» — 35 лет! Вы с Ленкой тоже летите! Будет специальный чартерный рейс.

— Погоди, Тигран...

— Мы вас ждем! Ты же знаешь, что такое для меня память об отце! Как и для тебя!

— Послушай, Тиграша...

— Это ты меня послушай! Памятник придумали мы с Давидом! Самое интересное, брат, что это памятник не режиссеру Эдмонду Кеосаяну, мы увековечим четырех исполнителей главных ролей в любимом батином фильме «Мужчины»: Фрунзика Мкртчяна, Азата Шеренца, Армена Айвазяна и Аветика Геворкяна! Как тебе?!

— Когда самолет, ты сказал?

— Послезавтра. Ты слушай дальше! В прошлом году мы с Давидкой были в Ереване и обедали в знаменитом кафе «Козырек». Именно в этом месте батя снимал многие эпизоды. Помнишь последние кадры фильма, когда Карине, в гениальном исполнении Аллы Туманян, в обнимку с каким-то парнем случайно появляется на балконе и разрушает все мечты главного героя?

— Тигран, послушай...

— Стыдно брат, не помнйть, кто такая Алла Туманян! Это великая актриса театра имени Сундукяна. Сейчас в Лос-Анджелесе живет. Так вот, именно под этим балконом установлен памятник!

— Тигра-а-ан!!! Дай сказать глухонемому!!! Я не могу никуда лететь послезавтра, у меня съемки!

— Неотменяемо?

— Абсолютно!

— Понятно... Юра, меня хорошо слышно?

— Что?

— Я спрашиваю, меня хорошо слышно?

— Так себе.

— Юра, иди на х...!!! Расслышал?

— Пошел ты сам на х...! А на мое место в самолете можешь пригласить великую Аллу Туманян из Лос-Анджелеса!

Послали мы друг друга не только на три буквы, но и на три года. Ровно столько мы не общались.

Потом Тигран меня первый набрал:

— Брат, а почему ты меня послал три года назад?

— Потому что ты меня послал.

— Да? Значит, был неправ — ты все-таки старше! Прости, брат!

С тех пор мы больше не ссоримся. Я снялся еще в четырех фильмах Кеосаяна, и после каждого он мне говорит:

— Так ты еще нигде не играл! Такого тебя еще никто не видел!!!

Кино для Тиграна является продолжением его любви и дружбы. Он вообще, по-моему, снимает потому, что это для него единственная возможность в наше суматошное время собрать любимых людей, баловаться, валять с ними дурака, вкусно кушать... и заодно снять хорошее кино. А может не «заодно», а ПОЭТОМУ! Съёмочная группа для него — это его семья в прямом и переносном смысле. Спасибо, Тигран, что я являюсь членом твоей семьи! Меня хорошо слышно?

Как я пролетел над гнездом кукушки

О съемках в фильме Никиты Михалкова «12» я уже дал такое количество и печатных и видеоинтервью, что, кажется, добавить больше нечего. Важно, что в моей жизни был

этот фильм и эта встреча! Я лучше расскажу, как я познакомился с Никитой Сергеевичем.

Как-то я отдыхал на даче под Питером. Поздним вечером раздается звонок. Номер не определяется.

— Здравствуйте! Это Юрий Николаевич?

— Да, он.

— Вас беспокоит Никита Сергеевич Михалков.

Голос не похож. Ну, думаю, дурак какой-то разыгрывает на ночь глядя.

— Никита Сергеевич, идите в жопу! — и я нажал кнопку отбоя.

Сразу же перезванивают.

— Поразительно! Пять минут назад звонил Олейникову и услышал тот же ответ. Это правда Никита Михалков! Мне это надо доказывать?

— Ага, — говорю, — надо доказывать. Если ты такой уж Михалков, спой «Я шагаю по Москве»!

— Легко! — и из трубки полился знакомый с детства голос: — «А я иду, шагаю по Москве, и я пройти еще смогу...» Могу еще «Мохнатого шмеля» спеть!

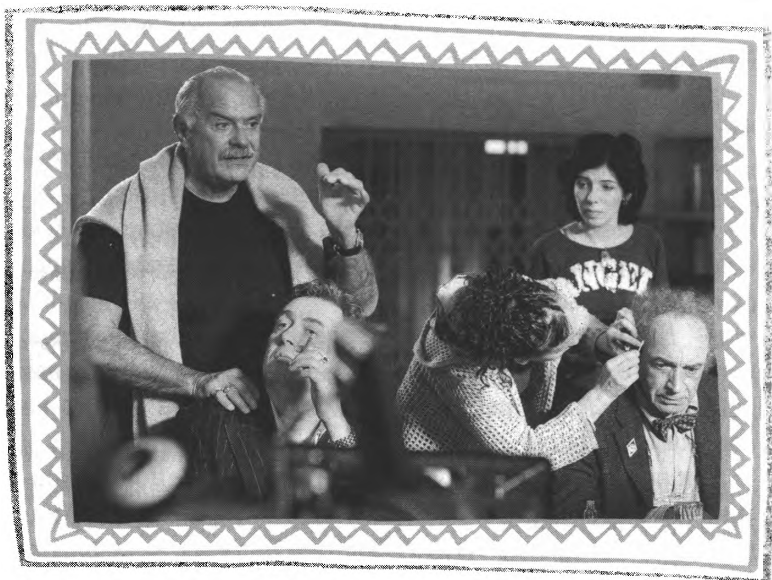
— Елки-палки! Никита Сергеич, ей-богу, не узнал! Простите дурака!

— Нормально, старичок, бывает. Даже смешно получилось! Я, собственно, по делу звоню...

Через несколько лет мне вручат «Золотого орла» за фильм «12». В номинации «За лучшую мужскую роль» «Орла» получили ровно 12 человек — все, кто снимался. Я стоял со статуэткой в руках и чувствовал легкое смятение в зале. Подошел к микрофону и объявил: «Скажите спасибо Михалкову, что он снял фильм «12», а не «300 спартанцев!»»

Но это будет спустя несколько лет. А пока Михалков пригласил нас с Илюшей провести ту самую церемонию вручения наград Российской киноакадемии «Золотой орел».

*«12». Рабочий момент репетиции.
Еще один счастливый момент*

Очень тяжело далась нам эта церемония. У нас было шесть номеров, предварявших разные номинации. Мы изображали кучу политических деятелей и прошлого и настоящего, убегали из 1-го павильона «Мосфильма» в гримерку, переодевались-перегримировывались и неслись обратно на сцену. На все про все иногда выделялось по таймингу не более трех минут! Был успех, но и вымотались мы изрядно, чудовищно устали. А потом... потом я в первый и в последний раз в жизни очень серьезно набрался. В банкетном ВИП-зале было много водки и мало закуски. Мы с Илюхой не очень привыкли к проявлениям столичных знаков внимания, пахали себе все время и не собирали дань из комплиментов, а тут вдруг столько хороших, восторженных отзывов

на наши трезвые головы и голодные желудки! Подходит Никита:

— Ну, ребята! Ну, умнички! Так то-о-о-ненько прошлись по всем, как по лезвию! Гениально!

Практичный Илюша уже хотел произнести давно заготовленный текст про то, что раз уж мы здесь бесплатно отпахали, то, может, Михалков рассчитается какой-нибудь ролью в своем будущем фильме, но тот окликнул интеллигентного пожилого мужчину в очках:

— Милош! Старичок, иди сюда. Вот эти двое из ларца, которым ты хотел что-то сказать, — подмигнул нам и тихо добавил: — А это, ребята, — Милош Форман! Так что не наложите в штаны!

И к нам подошел Милош Форман — режиссер-постановщик фильмов «Пролетая над гнездом кукушки...», «Амадей», «Народ против Ларри Флинта», один из величайших кинорежиссеров XX века! Чех по национальности он, оказалось, прекрасно говорил по-русски.

— Спасибо вам огромное, — сказал он. — Я обожаю юмор и знаю, как тяжело быть комедийным актером. Я видел много выдающихся комиков, но поверьте мне, у нас в Америке нет такой пары, как ваша! Ни в Голливуде, ни на Бродвее, ни на телевидении! Спасибо вам большое! Я вас обязательно запомню!

После этих слов мы с Илюхой сразу наклюкались, набрались за минуту. Пили молча. Иногда целовались. Тоже молча. Пустили короткую пьяную слезу и разошлись. В общем, жизнь удалась!

Дальше попытаюсь склеить обрывки воспоминаний, как пленку, порванную пьяными руками: мы с женой подходим к нашей машине, и я сажусь за руль... Жена говорит:

— Куда?

— В ГИТИС, мадам, — отвечаю.

— Тогда садитесь справа, сэр.

— Это почему?

— Потому что в Англии руль справа!

...Сажусь справа. Жена за рулем. Куда-то едем.

— Куда ты меня везешь?

— Ты же просил в ГИТИС. А зачем, кстати, нам туда?

Я заплакал и протонал:

— Я хочу поцеловать бюст Станиславского! Как же ты не по-ни-ма-ешь?!

Входим в какой-то подъезд. Я уже совсем никакой. Меня сильно мутит. Спрашиваю:

— Это ГИТИС?

Лена отвечает:

— ГИТИС, ГИТИС.

Едем куда-то на лифте.

— А что, разве в ГИТИСе есть лифт?

— Уже есть. Построили.

Входим в какую-то дверь. Я смутно начинаю различать очертания знакомой квартиры. Лена распахивает дверь в туалет, показывает на унитаз и торжественно объявляет:

— ГИТИС, сэр!!!

Спасибо ей, еле успел!

В поисках человека

Фильм «Человек у окна» снимался по заказу канала «Россия» специально под меня, для меня и немножко про меня. Я всегда буду с благодарностью помнить про это! Это одна из главных работ в моей скромной кинобиографии. Режиссером был Дмитрий Месхиев. Когда Френсис Форд Coppola как председатель жюри вручал Диме главный приз Московского международного кинофестиваля за уникаль-

ный фильм «Свои», он сказал: «Если в стране есть такой режиссер, как Дмитрий Месхиев, я уверен в ее кинематографическом будущем! Вы должны гордиться этим человеком!»

...Первый съемочный день у нас как-то не заладился. Никак не могли начать. Дима подошел ко мне и сказал:

— Юра, у нас там небольшие проблемы с техникой. Подождешь тридцать минут?

А я ответил:

— Дима я этого фильма ждал тридцать лет, так что тридцать минут уж как-нибудь подожду!

В эту смену, тем не менее, мы сняли довольно много полезного материала. Но Месхиев ходил как туча, явно чем-то недовольный. Подозреваю, что мною. Молчал, молчал, потом развел руками и тихо сказал:

— Нет человека... Живого че-ло-ве-ка пока нет!

На следующий день мы снимали на обочине проселочной дороги, рядом с лесом. И вдруг прямо в кадре мне залетела в глаз какая-то мошка. Я не хотел прерывать дубль и непроизвольно начал часто моргать. И вдруг крик Месхиева:

— Все! Есть Человек! Есть Человек, б...!!! Моргай, моргай, родной!

Этот тик мы «закрепили», и он стал как бы визитной карточкой моего героя, он делал очевидной, осязаемой его незащищенность. Это когда он проявлял себя как человек. Но когда по воле обстоятельств он перевоплощался в других людей и начинал «играть» — тик пропадал. Такой простой актерский прием помог мне понять и решить всю роль!

А все, что мы сняли в первый день, пришлось переснимать. Потому что там я не моргал.

И у нас покатило! Начало получаться! И пошли знаменитые месхиевские «отмечалки», то есть банкеты. Киношных поводов было навалом: «100-й кадр», «200-й кадр» и так до

тысячного (!), потом проставлялись художники, потом администрация, потом режиссер, потом оператор, плюс все дни рождения всех членов группы (некоторые, по-моему, придумывались на ходу). И никаких этих убогих фуршетов с канпешками, никаких бомжовых посиделок на ящиках с аппаратурой — нет! Все солидно, обстоятельно. С длинным составлением списка — чего купить на рынке, с выбором напитков, с арендой зала! Во как было!

Во время репетиции какой-то сцены Дима сказал мне:

— Надо иначе здесь играть! Что можешь предложить?

Я начал было рассуждать: «Я думаю...»

Но он резко перебил меня:

— Запомни: артист не должен ДУМАТЬ, артист должен ЧУВСТВОВАТЬ!

Это один из лучших советов в моей жизни!..

* * *

Я назвал эту главу «Кино, вино и кимоно». Про кино, по-моему, получилось. С вином тоже все понятно. А вот с кимоно как-то не сложилось. Хотел было чего-нибудь приврать про кимоно ради красного словца, подкорректировать жизнь под хорошую рифму «кино-вино-кимоно», присочинить какой-то эпизодик... да рука не поднялась. Пусть так остается. Хорошее же название: «КИНО, ВИНО И КИМОНО», правда?

Здравствуйте!
Меня зовут Модест!

Из письма телезрительницы Осипенко руководству
русского телевидения:

«Уважаемые товарищи руководители канала РТР!

По поручению педагогического коллектива средней школы № 18 города N-ска к вам обращается завуч по воспитательной работе Осипенко Н. И. На вверенном вам государством канале, существующем на деньги налогоплательщиков, к сожалению, выходит программа «Городок». Эта программа сама себя провозглашает как «Русская народная передача». А делают ее люди с фамилиями Стоянов и Клявер... Эти два так называемых «творца» зашли уже слишком далеко в своих «Приколах», «Ужасах» и «Вернисажах», в своих издевательствах над тем самым народом, имя которого они присвоили своей программе... Их последнее «изобретение» — это некто, а точнее будет сказать, нечто по имени Модест. Квинтэссенция, апофеоз физического и морального уродства. Где они увидели, подсмотрели это чудовище? В каком научном, производственном или военном коллективе они нашли своего Модеста? Разве Модесты запускают в космос корабли, лечат и учат людей, выращивают хлеб и танцуют в Большом театре?!

Каждый понедельник после премьеры «Городка» в нашей школе наступает черный день для учителей. Дети легко переняли и усвоили эту чудовищную манеру говорить, «как Модест». Когда их вызывают к доске — они закатывают глаза, трясут головой и говорят на нелепом языке, придуманном товарищем Стояновым. Они так «изъясняются» и друг с другом, и что самое страшное — понимают друг друга. Вирус «модестовщины» поразил одинаково как старшие, так и младшие классы!

Помогите нам, пожалуйста! Уберите Модеста с наших экранов и верните русскую речь в наши классы! «Городок» выходит в эфир после программы «Вести», в которой показывают Бориса Николаевича Ельцина, нашего президента. Вы считаете нормальным их сосуществование на одном и том же канале? Мы — нет!»

Наш второй оператор Рома с веселой фамилией Замогильный так прокомментировал это письмо:

— Нормальное сосуществование, вполне логичное. Я их иногда даже путаю...

Модест родился в 1999 году в «Городке № 67» на 15-й минуте программы.

Роды Модеста были тяжелыми... Мы снимали сюжет о профессоре-археологе, которому рабочий экспедиции приносит найденный в земле зуб. И вот этот рабочий у меня никак не придумывался, не получался. У нас в «Городке» был такой внутренний термин — «НАШ человек», с ударением на первом слове. Все странные, непохожие на других, с дурацкими походками... — смешные люди считались НАШИМИ. Так вот этот рабочий был не нашим человеком. Просто ходить и говорить слова в надежде на финальную шутку — я ненавижу. И я измучил всех на площадке и уже был готов отменить съемку. Я перемерил все парики, переклеил все усы и бороды из сумки гримера, перепробовал говорить со всеми акцентами, но ничего не получалось! Илюша предлагает:

— Юрик! А может, он голубой? Попробуй!

— Кто? Рабочий?!

— Ну да! А что, голубыми бывают только артисты балета? Получится неожиданно, небанально...

Я попробовал. Странная история начинала вырисовываться. К профессору приходит рабочий с лопатой и вроде как заигрывает с ним. Чего-то совсем не то и не туда!

Илья говорит:

— Нет, Юрик! Не катит! Это же скетч про то, как работа хочет получить от профессора денег, а не самого профессора!

Когда у артиста что-то не получается, худший выход из положения — это рассуждать, обсуждать и теоретизировать. Нужно — просто пробовать, репетировать. И все. И я продолжал чего-то изобретать и вдруг услышал чье-то бурчание:

— Задолбал уже с этой обезьяной!

— Почему с обезьяной? — спросил я.

— Не знаю! — ответил наш оператор-постановщик Митя Медведев. — Но задолбал реально!

...Наверное, слово «обезьяна» и послужило толчком. И стараниями всей группы постепенно, как фотобумага в растворе, стал «проявляться» смешной «Наш человек». Но имени у него пока не было.

— А как его зовут? Нужно ему имя придумать, — обратился я ко всем, кто был на съемочной площадке. И Саня Сутковецкий, который позже стал нашим следующим оператором-постановщиком, предложил:

— Его зовут — Модест.

— Почему Модест, Саня?

— Потому что такое что могут звать только Модестом!

Это имя настолько не подходило и все в нем настолько не соответствовало персонажу, что оно странным, парадоксальным образом прижилось. Приклеилось к нему. Именно на той съемке я придумал грим и костюм Модеста, его походку и манеру говорить.

Лучше всего у Модеста получалось рекламировать что-нибудь. Он был таким же убогим и несчастным, как наша реклама того времени. Вообще, Модест стал нашей «палочкой-выручалочкой» в сложных ситуациях. Не получается сюжет

про судью? Не вопрос! «А давайте судьей будет Модест!» — предлагал кто-нибудь, и сюжет оживал и становился смешным. Так же было и с корабельным коком, и с инструктором по выживанию, и со многими другими...

Прошло четыре года с тех пор, как «Городок» прекратил свое существование. Я с семьей улетал куда-то на отдых. В аэропорту вокруг меня все время крутились два казаха, но никак не решались подойти. Я первым сделал шаг на встречу:

- Ребята, вы, наверное, хотите сфотографироваться?
- Да, конечно, если можно!
- Можно-можно.

Сфотографировались. Один из них пожал мне руку, хлопнул по плечу и сказал!

- А я вас сразу узнал! Если не ошибаюсь, Рудольф?!

Пока мы летели в самолете, я все думал: «Почему Рудольф? Какой Рудольф?» А потом понял: «Наверное, помнят, что я играл человека с каким-то странным именем, а с каким именно — забыли. Так что Рудольф — это, видимо, Модест!»

Я соскучился по этому человечку. Может быть, когда-нибудь удастся еще раз обратиться к зрителям со словами:

- Датуйте! Миня овуд Модэт! — что переводится на человеческий как «Здравствуйте! Меня зовут Модест!».

Эта несмешная
«скрытая камера»,
или Неприкольные
«Приколы»

Если вы попытаетесь узнать из Интернета что-нибудь про «Скрытую камеру», то он предложит вам видеонабор из разоблачений коррумпированных чиновников, пикантных фрагментов интимной жизни звезд и политиков и даже проведет экскурсию по женской бане в субботу. Если же вы наберете хештег «приколы», то перед вами откроются миллионы видеорозыгрышей и подстав: смешных и не очень, любительских и профессиональных, наивных и циничных. А ведь само понятие «прикол» применительно к скрытой камере придумали именно мы — еще в 1993 году...

В одном незамысловатом «Приколе» я по сюжету сидел в люке, на крышке которого стоял «милиционер» и просил прохожих встать вместо него на люк и не дать оттуда выбраться воришке, а он пока сгоняет в отделение за подмогой. Шахта, в которой я «прятался», была меньше квадратного метра, я в ней еле поместился. У меня был монитор, чтобы я видел все происходящее наверху. По ногам бежали крысы. В люке была маленькая дырочка, через которую меня слышали люди. Я умолял их сойти с люка и отпустить меня как случайно, невинно пострадавшего. Один тип задал мне вопрос: «Где чалился?» Я замялся с ответом. Тогда он взял пакет молока и медленно вылил его в дырочку прямо мне на голову. Это в передачу вошло. А когда он услышал, что я о нем думаю (а я в выражениях не стеснялся), то он у прохожих на виду помочился на люк, стараясь попасть в отверстие. И надо сказать, у него это получалось! Это в передачу, естественно, не вошло...

Мы сняли около 80 «Приколов». Много это или мало? Для фанатов «Городка» — мало: не в обиду нам с Олейниковым будет сказано — это была для них, может быть, самая любимая рубрика в передаче. Для нас — много. Очень много! Самая трудоемкая, «кровавая», нервная и непредсказуемая часть работы. На съемки всех игровых сюжетов мы тратили 4—5 дней, а на 4 минуты «Приколов...» уходило две полноценные съемочные смены без всякой гарантии результата. В любое время суток, в любую погоду. Авторы потихоньку начинали ненавидеть эту рубрику. Необходимость раз в месяц придумывать розыгрыши стала для них каким-то кошмаром, а для нашей группы неотвратимость съемок создавала, мягко говоря, нервную обстановочку. Но когда на уровне замысла становилось понятно, что сюжет удачный, или, как мы говорили, «рабочий», что люди на него будут «клевать», то этакий общий, коллективный зуд, такая творческая чесотка заражали нас всех в преддверии съемок. Просыпался в нас какой-то почти охотничий инстинкт, азарт, какое-то желание спрессовать и ускорить время! И гарантированная бессонница накануне съемки «Прикола»...

В 1993 году мы сняли первый наш сюжет скрытой камерой, он назывался «Коробка». Небольшую картонную коробку (как от портативного телевизора) оставляли на скамейке и просили случайных прохожих постеречь ее, пока хозяин отлучится на несколько минут. Когда прохожий присаживался рядом с ней, кто-то из коробки начинал общаться с ним. Понятно, что человек, даже самый маленький, никак не мог в ней поместиться. Тем ни менее люди охотно шли на разговор, отвечали на вопросы, спорили, ругались, давали закурить, просовывая сигарету в дырку, сделанную в картоне, и даже хором пели «Катюшу» вместе с непонятым обитателем коробки. Тогда буквально «на коленках» нами изобреталась технология съемок «Приколов». Беспро-

водных радиомикрофонов у нас не было. Приходилось протягивать микрофонный кабель на десятки метров до пульта звукорежиссера. Нужно было прокопать неглубокую траншею и зарыть его в землю, присыпать листьями, всячески камуфлируя. В коробке находился динамик — с его помощью мы общались с людьми. Мы были окрылены той легкостью, с которой был получен результат. Как охотно люди клевали на нашу подставу, несмотря на всю абсурдность предлагаемых обстоятельств. Ну как же можно, чтобы такое количество взрослых, вменяемых людей на полном серьезе общалось с каким-то мистическим существом, да еще и выполняло его капризы?!

Это был 1993 год. Надо сказать, что уровень почти детской доверчивости людей, их готовности отозваться на любую, самую нелепую просьбу незнакомого человека с тех пор сильно изменился. А тогда люди «велись» на все что угодно! Они верили, что ребенок двух месяцев от роду может долго и серьезно общаться с ними, лежа в коляске, они помогали едой и деньгами метровому электромеханическому попугаю-роботу, разъезжающему на трехколесном велике по Васильевскому острову, давали по телефону советы Ельцину, как вылечить бронхит народными средствами, помогали поддерживать связь с космосом с помощью убогой антенны и были готовы постоять на пьедестале вместо украденного памятника! Недавно пересматривал в Интернете наши старые «Приколы» и увидел комментарий, оставленный кем-то совсем недавно: «Лихие 90-е. Какие же мужики душевные пропадали тогда! Вроде и алкаши, но при этом такие безобидные и интеллигентные!..» Это про тех, кого мы разыгрывали.

Компьютерной графики еще не было, и мы придумали нехитрую видеозаставку: Илюша прибивает к моей спине гвоздями табличку с надписью «Приколы нашего Городка»,

а я — не чувствую никакой боли и улыбаюсь во весь рот. Мы взяли доску 20 на 30 см, примотали ее скотчем к моей спине и надели на меня свитер толстой вязки. Во время съемки Илюша, который был не шибко рукастым по части столярного дела, все время промахивался и попадал не по гвоздю, а по моей спине. Улыбаться с каждым дублем становилось все труднее. В «Городке», кстати, вы видите один из последних дублей. Там уже, как говорится, «смех сквозь слезы». С годами технологии на ТВ менялись, и всю компьютерную анимацию в нем сочиняли и делали потрясающие профессионалы (больше всех знаменитый Константин Бронзит — выдающийся мультипликатор, номинант «Оскара»), но придумать что-нибудь лучше той заставки мы не смогли. И до последних выпусков Илюша колошматил меня молотком по спине, а я улыбался. Этим мы хотели намекнуть зрителям, что в нашей скрытой камере людей не обижают и не делают им больно!

Мы старались следовать очень простым человеческим принципам: не смеяться над больными и голодными людьми, не делать хуже тому, кому и без нас плохо...

В апреле 1994-го Илюша организовал нам поездку в Израиль. У него там полно родственников, друзей, одноклассников. Было бы глупо не использовать этот ресурс для съемок очередного «Городка». Я никак не мог придумать, какой сюжет для «Приколов» можно снять именно в Израиле. И вдруг ночью меня пробило. Там же полно русскоговорящего народа из бывшего СССР. Здесь они были евреями, а там их называют русскими. Они, конечно, уже изменились, интегрировались, но нужно было придумать какой-то финт, который бы «включал» в них их прошлое — то, что мен-

тально неистребимо. И мне приснился российский гаишник с полосатым жезлом и бляхой на груди, который стоит на дороге где-нибудь посреди пустыни и тормозит наших «бывших». Расчет был на генетическую память водителей и их врожденный пиетет перед человеком в форме.

Утром мы с Ильей уже были в кабинете начальника питерской ГАИ Виктора Кириянова. Ему наша идея очень понравилась. Он загорелся ею и приказал выдать нам офицерскую форму моего размера, погоны, жезл, жетон, портупею с кобурой и две портативные рации. Когда мы уже уходили, Виктор Николаевич окликнул нас в дверях:

— А хорошо бы, что бы у вас был еще и желтый гаишный мотоцикл с коляской! «Урал» или «К-750»? А?!

— Зачем?

— Без мотоцикла никак нельзя! Если не оборудован хотя бы передвижной пост ГАИ — инспектор не имеет права останавливать транспортное средство! Не положено!

— Виктор Николаевич, а стоять с бляхой «Санкт-Петербург ГАИ» на груди рядом с Иерусалимом положено?

— Нет. Но с мотоциклом — это красиво!

— А как мы его туда доставим?

— Морем. Есть связи в порту.

— Но мы уже завтра утром вылетаем!

Виктор Николаевич тяжело выдохнул и сказал:

— Ладно, валите! — а потом мечтательно добавил: — Новый желтый «Урал» с коляской — это было бы круто!

В результате круто было и без желтого «Урала»...

У Илюшиных друзей в Тель-Авиве нашелся знакомый полицейский, выходец из Баку, который согласился нам помочь. Выбрали место съемки — узкую дорогу недалеко от поселка, где жили преимущественно наши. Рядом с дорогой сосновый лес. Пейзаж совсем не ближневосточный, зато удобно спрятать камеру и съемочную группу. Полицей-

ский (его звали Рустам) и Илюха стояли метрах в трехстах от меня. Рустам останавливал машину, задавал какой-нибудь формальный вопрос и отпускал ее. Если водитель был из «наших», мне об этом сообщали по рации, я тормозил машину, и начинался собственно сам «Прикол»... Позже выяснилось, что наши рации (естественно, нигде не зарегистрированные) работали на частоте израильских спецслужб. Они могли услышать в своем эфире приблизительно такой текст:

— Лелик, б..., где обещанные евреи?!

— Скоро будут, Юрик! Вот какой-то «Форд» едет. Счас проверим, и если в нем правильные евреи, наши, — действуй по плану!

В «Форде» оказались «неправильные» евреи, не наши. Машина притормозила рядом со мной, водитель и пассажиры увидели человека в неизвестной форме, у которого из-под мундира торчит провод, и этот провод тянется от него куда-то далеко за деревья (это был шнур от микрофона). Водитель и пассажир с заднего сиденья направили на меня пистолеты и куда-то укатили. В Израиле тогда многие свободно носили с собой оружие. Дальше дела пошли лучше, и народ нам попадался именно тот, на который мы и делали ставку. Но где-то через час подъехала машина, из нее вышли два приветливых коренастых парня в рубашках с коротким рукавом, одетых навывпуск. Они шли ко мне, смеялись и простерли вперед руки, как для объятия. Ну, думаю, израильские коллеги пожаловали — местные гаишники. Я тоже пошел к ним на встречу с раскинутыми для обнимашек руками. Короткий удар, падение, временная отключка сознания, заломленные руки и наручники на запястьях стали результатом нашей встречи. Лежу в пыли, запрокинутая голова прижата чьим-то коленом к асфальту, и только одна мысль в мозгу: «А если бы мы взяли с собой мотоцикл с ко-

ляской, что бы было?» Лежу и вижу перевернутую картинку — бежит Илюха и орет:

— Вы что, ох...и?! Отпустите его немедленно?!

Израильтянин достает пистолет, что-то кричит на иврите и стреляет в воздух. Лелик прыгает в сторону и падает в траву на обочине. Потом подросел наш помощник Рустам, потом было долгое разбирательство в полиции. И там, к счастью, выяснилось, что начальник отделения родом из Кишинева (как и Олейников) и жил на соседней с ним улице. Нам подарили две бутылки кошерного вина и отвезли обратно на точку. Рациями пользоваться запретили. Мы продолжили съемку.

Этот «Прикол» потом стал хрестоматийным, его многие помнят. Он заканчивался фрагментом с очаровательной семейной парой. Они долго расспрашивали меня про дела в России, звали в гости. Их абсолютно не смутило, что человек в сапогах и в форме гаишника остановил их машину в четырех тысячах километров от Петербурга. В конце мужчина грустно спросил меня:

— Ну, как там на Родине?

— На Родине? — переспросил я

— Да, — сказал он. — Там Родина! А здесь — говно...

И я, дурак, оставил эту его фразу в монтаже. Ею заканчивалась передача. Мне показалось, что это будет так трогательно! Он говорит: «Там Родина! А здесь — говно...» — а дальше мелодия песни и ее слова: «Ах, как хочется вернуться! Ах, как хочется ворваться в городок...» Гениально!

Передача вышла в эфир. Все Илюшины друзья и родственники были счастливы. Но пришло из Израиля и одно невеселое известие. Этот очаровательный дядька, герой финала нашей программы, оказывается, был несколько лет безработным, жил на пособие. Наконец-то с большим тру-

дом он устроился на работу. Узнал, когда будет премьера «Городка», и предупредил об этом своего хозяина, тоже выходца из Союза. Хозяин услышал финальную фразу про то, где родина, а где говно, и уволил несчастного на следующий же день! Илюша предпринял невероятные усилия и пустил в ход все свои связи в Израиле, чтобы устроить пострадавшего по моей вине человека на работу. Тогда мы поняли, что, делая даже скромную юмористическую передачу, нужно не забывать (уж простите за пафос), что человек — это цель, а не средство в достижении цели...

В 1999 году мы снимали «Прикол» в очередной «Городок» под названием «Чем сердце успокоится?». Люди попадали в камеру наивные, трогательные, смешные. Почти всех их можно увидеть в том выпуске. Кроме одного человека.

Саня Ключев (я о нем уже рассказывал) был у нас «подставным», то есть тем, кто разыгрывает людей. У него в ухе был крошечный передатчик, по которому я говорил ему, как себя вести, что отвечать людям, в какую сторону двигать «Прикол». Я наблюдал за всем происходящим по монитору в маленькой подсобке, рядом с оператором. Разыгрывали мы людей в холле фотоателье. Очередной посетитель попадает в обстоятельства, когда надо объяснить Ключеву что-то очень важное. И он начинает говорить, но заикается чудовищно. Ключев переспрашивает, делает вид, что ничего не понимает, просит повторить фразу. Клиент безуспешно пытается это сделать. Мы в нашей камерке давимся от смеха. Я думаю: «Ну все! Прикол у нас в кармане!» — и шепчу Ключеву в наушник:

— Саня! Скажи ему, что ты логопед! Попроси ту же фразу про-петь!!! Мол, есть такая методика, чтобы не заикаться!

Ключев ретранслирует мою просьбу и даже показывает, как это делается, — поет красивым баритоном:

— Вы не скажете, ко-то-рый ча-а-а-с?

А его визави вдруг отвечает (я опушу его заикание и просто передам сам текст ответа):

— Бесполезно... Я заикаюсь с восемьдесят первого года. Я срочную служил в Афганистане. Под Кандагаром попал в плен. Они меня пытали раскаленными железными прутьями. Вот, посмотри...

*Совсем несмешная «Скрытая камера». Заикающийся «афганец».
Кадр со съемок*

Он задрал свитер, и мы увидели его грудь, всю изборозженную чудовищными рубцами и шрамами... Сашка Ключев вышел из кадра и заплакал. Съемку мы на этом закончили...

Уже где-то на излете нашей рубрики «Приколы..» мы придумали сюжет про дегустацию «безалкогольной» водки. Та еще идея! Честно говоря — на грани дозволенного. Мы напечатали красивые этикетки «Первой в мире безалкогольной водки» и наклеили их на бутылки обычной со-

рокаградусной. Организовали презентацию в одном из пригородных гастрономов. Сначала пришла бригада железнодорожных рабочих и вылакала половину заготовленной водки. Они охотно давали интервью и делились своими ощущениями и мыслями: «Прекрасная водка! От нее — ни в одном глазу! Рабочие давно ждали такую водку!» И главное: «Ни одна падла теперь не скажет, что на работе нельзя бухать!» Ушли они в отличном настроении. Позже их начальство посмотрело программу в эфире, и всю бригаду уволили на следующий день. Восстанавливали их на работе мы уже через руководство Октябрьской железной дороги...

Потом в магазин зашли цыгане. Много выпили и много украли. А потом пришел интеллигентнейший мужчина лет 60. Долго дегустировал водку, все время рвался к микрофону и говорил о ней, как о любимой женщине. Набрался он изрядно, всех расцеловал и ушел куда-то нетвердой походкой. А позже выяснилось, что ушел он не куда-то, а в больницу, в кардиологическое отделение, где лежал после инфаркта. Врачи, увидев его состояние, на всякий случай перевели больного в палату интенсивной терапии. К нам в магазин прибежала медсестра и устроила жуткий разнос. Директор «Городка» отправилась вместе с медсестрой в больницу, оформила мужику платную палату и оплатила «особое внимание к пациенту». Он, к счастью, скоро поправился... Мы чуть было не взяли грех на душу!

В 2002 году мы работали над программой под названием «Городок под градусом» и установили наши скрытые камеры в одной из знаменитых питерских «Рюмочных». Мы снимали, как петербуржцы якобы «отмечают» объявленный нами «День трезвости». Там было много смешного. Среди прочего один посетитель вдруг очень серьезно сказал в странство: «Я детей не-на-ви-жу!!! — и опрокинул рюмку. Помолчал, после паузы добавил: — Да... не-на-вижу!» —

и выпил еще одну. Закусил бутербродом с килечкой и половинкой отварного яйца и вышел... После премьеры передачи он прибежал к нам в офис, буквально упал на колени и взмолился:

— Ребятки! Что же вы со мной делаете?! Я же работаю врачом в детском садике! Меня родители чуть не убили! Умоляю, вырежьте меня, чтобы при повторе вашей долбаной программы меня окончательно не угробили!!!

Так что педиатр появился на экране только один раз — во время эфира премьеры. Мы выполнили его просьбу. Кстати, через 12 лет после выхода «Городка под градусом» в России действительно был учрежден «День трезвости»! Его отмечают ежегодно 11 сентября...

В программе «Миллениум. Еще один повод выпить» я был загримирован в продавщицу небольшого магазинчика. Никто не распознал во мне мужчину и тем более не идентифицировал меня как артиста Стоянова. Один дедок даже начал очень аккуратно «подъезжать» ко мне, а минут через 10 съемки уже откровенно кадрить меня. Ну я, естественно, изображал из себя женщину приличную и сдавался с боем. А дед «распушил перья», отпуская комплименты и даже вымолил один поцелуй в щечку! Он погарцевал еще какое-то время у прилавка и удалился, пообещав при этом обязательно вернуться. Мы почти закончили съемку. Я даже успел разгримироваться и переодеться. Но камеры еще стояли — невидимые покупателю, в укромных местах. Вдруг вбегает в подсобку магазина мой ассистент Мишаня Григорьев и говорит:

— Юрий Николаевич, там ваш ухажер вернулся! Требуется Любу, ну, то есть вас!

Все разбежались по своим рабочим точкам. Включили камеры. Я направился к прилавку. Я был в джинсах и свитере. От продавщицы Любы во мне уже ничего не осталось.

Ну, думаю, дедушка, сейчас тебе мало не покажется! Выхожу. Дед взволнован, торжественно-серьезен. Говорит:

— Молодой человек, мне бы Любу.

Я молчу. А он еще раз:

— Любашу позовите, пожалуйста!

Я выдержал паузу и ответил ему:

— Люба — это я!

Старик долго-долго смотрел на меня, а потом как-то весь обмяк, потоптался на месте и поплелся к выходу, что-то бормоча себе под нос. Я окликнул его:

— Ну чего ж вы так расстроились?! Это же шутка. Розыгрыш! Мы здесь скрытую камеру снимали, и вы в нее попали! Так что можете улыбнуться! Смотрите, камера вон там спрятана, за консервными банками!

Мой бывший «кавалер» вернулся и сказал мне:

— Сынок. У меня год назад жена любимая умерла. А ты на нее очень оказался похож! Ну, когда был этой... Любашей. Вот и все... Ну что, сынок, испортил я тебе твою съемку? Ну, извини дурака. До свидания...

Потом расплодилось огромное количество всяких «скрытых камер», в которых их создатели не очень заморачивались и мучились и занимались в большинстве случаев откровенным надувательством зрителей. Даже писать об этом противно. Поначалу хотел на пальцах объяснить читателям, в чем, собственно, заключалось это телевизионное шулерство, а потом передумал. Может, людям семьи надо было кормить — вот они и выкручивались в меру своей порядочности и таланта. Зритель нам всем судья!

Последние «Приколы нашего Городка» вышли в эфир весной 2002 года. А сам «Городок» прожил еще ровно 10 лет.

Титры

«Реквизит» переводится с латыни как «необходимое, требуемое». А реквизитор — тот тот, кто обеспечивает на съемках всем необходимым и требуемым. То есть все, что тебе необходимо, ты *требуешь* у реквизитора.

Быть реквизитором в «Городке» очень тяжело. В день мы снимали по 3—4 сюжета. Если один из них, допустим, про революцию, то предметы быта, оружие, мебель и все остальное должны соответствовать эпохе. А если следующий сюжет, например, сказка — тут, как правило, все нужно придумывать и многое делать своими руками. Причем быстро, иногда — на ходу, практически «на коленках». Поскольку художника-постановщика в «Городке» не было, ассистента по реквизиту тоже, то и работал наш реквизитор за троих. Нервная была работа, непростая, вот они и срывались. В «Городке» друг друга сменили четыре реквизитора. И каждый из них срывался по-своему. Но все — очень ярко, креативно и с последствиями для себя и окружающих...

Реквизитор — это единственная позиция в титрах «Городка», где я изменю настоящие имена и фамилии. Скоро вы сами поймете, почему...

Первым был Слава.

Вообще при выборе кандидата на должность реквизитора в нашей съемочной группе наблюдался некоторый конфликт интересов. Если оператора и директора интересовали профессиональные качества претендента, то меня — артистические. В «Городке» нам с Ильей крайне редко подыгрывали настоящие актеры. В основном во всех эпизодах снимались осветители, гримеры, костюмеры, мон-

тажеры, водители и др. И делали они это восхитительно, блестяще!

Слава — средненький реквизитор. Но на съемках «Приколов нашего Городка» проявлял себя очень своеобразно. Он был парень крепкий, атлетического сложения. Когда однажды за мной погнался огромный мужик, которого мы разыграли, с металлическим ломом в руках, его смог остановить только Славик. Я не знаю, как он это сделал, поскольку уже успел спрятаться в автобусе. Но через несколько секунд из-за строительного забора показался Слава, который волок за шиворот бедного мужика. Под глазом у того прорисовывался свежий бланш. Славка подтащил несчастного к автобусу, в котором была спрятана камера, ткнул его в лобовое стекло и сказал:

— А теперь улыбнитесь, вас снимала скрытая камера! Улыбайся, была команда улыбаться!!!

Во время съемок еще одного «Прикола...» у нас украли переговорное устройство, установленное на автобусной остановке. Кто-то из прохожих указал на двух мужчин спортивного вида, которые входили в подъезд дома напротив. Слава побежал за ними и скрылся в подъезде. Через пару минут он прибежал с динамиком и микрофоном в руках. Отдышался, попросил воды, долго пил прямо из горлышка, остатками воды смочил ладонь, протер шею и лицо и очень серьезно сказал:

— А теперь быстро собираем все барахло и делаем отсюда ноги! Чем быстрее, тем лучше! Шнеллер, шнеллер, я сказал!

Его вид не оставлял никаких сомнений в серьезности происшедшего в подъезде, и мы по-быстрому уехали от греха подальше. Что там произошло, он нам так и не сказал. Оставалось только догадываться. А воображение у нашей съемочной группы было богатым! На следующее утро

наша директриса скупила все городские газеты. Она пила корвалол и внимательно изучала рубрику «Происшествия». Остальные следили за криминальными новостями по телевизору. Поскольку никто не сообщил о «двух трупах в подъезде дома на Васильевском острове», у всех слегка отлегло, но сформировалось общее мнение, «что Славик доведет нас до цугундера и что нужно Славика «сливать». А сказать об этом Славiku все, мягко говоря, побаиваются. Пришлось отдуваться Илюше Олейникову. Он закрылся с реквизитором в кабинете и спросил его:

— Хочешь двести баксов поверх зарплаты с условием, что ты увольняешься без обид и нам в титрах никого не придется помещать в черную рамочку?

— Четыреста, — сказал Слава, — и все будут живы!

— Триста! — отрезал Илюша...

Следующим реквизитором был Андрей — немолодой уже, тощий человек маленького роста, с хорошей улыбкой и плохими рекомендациями. У нас не было выхода — съемки на носу. И мы рискнули. Первый день работы не сулил Андрюше особых сложностей: всего-то нужно было сделать посох для Ивана Грозного. Андрей взял у директора 1000 рублей на баллон акриловой краски и еще на что-то. Мы с Ильей улетели на концерт в Минск и вернулись в день съемок. Прямо из аэропорта приехали в офис. Иду по коридору, и вдруг раздается душераздирающий крик: «Ма-ма!» Мне навстречу выбегает наша костюмерша Оля. Ее лицо говорит о том, что случилось что-то ужасное и непоправимое. Она показывает на дверь «Городка» и со стоном много раз повторяет одно слово:

— Там! Та-а-м! Та-а-а-а-ам!!!

Я пытаюсь ее успокоить (на самом деле просто не хочу входить в дверь, тяну время): «Что? Что ТАМ?!» — а она все твердит: «Там! Там! Там!!!»

Я понял, что речь может идти только о трупе! Нас не было три дня. Я на всякий случай принял. Нет. Пахнет вроде только живыми. Вхожу в нашу комнату... все-таки труп! Лежит Андрюша с синюшным лицом в неестественной позе на полу, с баллоном акриловой краски в руке. Подтянулся народ. Стали прощупывать пальцами реквизитору шею, подносить зеркальце ко рту (делают, кто что запомнил из кино). Илюха спокойно сказал:

— М-да... Хреновый из вас МЧС... Не трогайте вы его! Потом по судам затаскают!

Приехала «Скорая помощь». Врач пощупал Андрюшин пульс, потом поднес к его носу пузырек с нашатырным спиртом. Реквизитор слегка дернулся, у него изо рта выдулся большой прозрачный пузырь и лопнул.

— Жить будет, — сказал врач.

— Но работать — вряд ли! — сказала Валя, наш директор.

— Вчера много выпили? — спросил врач Андрюшу.

Тот хотел ему что-то промычать, но у него изо рта опять появился и лопнул пузырь. Потом он показал на аэрозоль с краской, сказал: «Пш-ш-ш. П-ш-ш!» — и развел руками.

— Что с ним? — поинтересовался я у врача.

— Скорее всего — алкогольная эпилепсия, — ответил он.

Андрюшу выводили, держа под руки. Он еле стоял на ногах. Уже в дверях он вдруг обернулся и долго и грустно осматривал людей и предметы, как будто искал что-то очень важное. Он встретился со мной глазами, протянул слабую руку в сторону шкафа и очень тихо и трагично, как бы прощаясь со мной навсегда, сказал:

— Юрий Ни-ко-ла-е-вич, посох — там!

Это прозвучало как завещание реквизитора.

Через месяц он позвонил директору «Городка» и пытался объяснить, что просто у него аллергия на акрил, но было уже поздно. На его место взяли реквизитора Валеру.

У Валеры, к сожалению, не было аллергии ни на акрил, ни на алкоголь, ни на чифирь, ни на ацетон, ни на клей «Момент», ни на антидепрессанты... ни на что!

Валера был человеком с уникальными природными актерскими способностями! Он был предрасположен к нашей профессии невероятно. Мы с Илейей на полном серьезе даже подумывали о том, чтобы сделать его нашим постоянным партнером! И реквизитором Валера был замечательным! Он частным образом наладил связи со своими коллегами на «Ленфильме» и приносил в «Городок» удивительные вещи из реквизиторского цеха: от знаменитых подлинных наручных часов красноармейца Сухова из «Белого солнца пустыни» до действующего телетайпа времен Гражданской войны, который мог печатать текст на ленте прямо в кадре!

Однажды Валерик сильно опоздал на съемку. Мы ждали его часа полтора. Он вошел в офис бледный, с трясущимися руками, сел на табурет и, покачиваясь из стороны в сторону, глядя куда-то в потолок, не обращая ни к кому конкретно, начал свой рассказ:

— ...я очнулся уже привязанный к стулу. Оно сидело напротив меня с острым мачете в руках и спросило: «Где чемодан? Отдай то, что не твое!» Я сказал, что не понимаю, о чем речь. Тогда Оно обмотало меня елочной гирляндой с разноцветными лампочками и оголенными в нескольких местах проводами и включило в розетку. Меня начало колбасить...

Ассистент Мишаня Григорьев принялся к Валере и, глядя на меня, пощелкал себя пальцем по шее и отрицательно покачал головой. Значит, трезвый. Второй оператор Рома

(технически самый продвинутый в группе) шепнул мне на ухо:

— Босс! Он гонит! В гирлянде ток идет через трансформатор. Всего двенадцать вольт. Его не от тока колбасило! Только не от тока.

Валера все время пытался увлажнить языком пересохший рот. Он продолжал:

— ...потом Оно спросило, есть ли у меня чем раскуматься? Я сказал, что не понимаю, о чем речь. Тогда Оно нашло аптечку, все выжрало и вышло прямо через форточку... ну, и вот я здесь... У меня, собственно, все, — неожиданно буднично закончил Андрюша.

— М-да... После водяры все как-то проще заканчивается, — сказал Мишаня.

А я резюмировал:

— Хорошая у тебя аптечка, Валера!.. Поехали на съемку...

Следующих два месяца, бог миловал, с Валерой все было в порядке. А потом дирекция «Ленфильма» издала фатальный для нас приказ: всем цехам киностудии запрещалось самостоятельно сдавать в аренду костюмы и реквизит! Только по официально оформленным договорам и за подписью гендиректора. Цены были объявлены нереальные. Охране было приказано запретить въезд на «Ленфильм» любому нештатному транспорту. Все, нам крышка! И Валере — первому! Где он теперь будет доставать все для съемок?!

— Пойду я все-таки на «Ленфильм», надо же наводить какие-то мосты. Надо чего-то делать! — сказал Валера. — Только по дороге в аптеку заскочу, а то голова раскалывается...

— О-о-о! — почувствовав неладное, сказал Мишаня. — Может, по-простому накатишь, без аптеки?

— Ну ладно, ну что вы, ребята, в самом деле... — отмахнулся Валера.

Через час зазвонил мобильный у нашей директрисы. В трубке кричал незнакомый, задыхающийся женский голос:

— Але! Вам звонят из приемной «Ленфильма»! Здесь какой-то больной представился вашим сотрудником, а потом потребовал подписать бумагу на девяностопроцентную скидку на реквизит!

— И что? Вы успокойтесь! Почему сразу «больной»?

— Потому что после того, как ему отказали, он сказал, что вернется через минуту и всех зарубит! Обещал начать с генерального! Ой, господи! — В трубке раздался грохот и чьи-то крики.

— Так вы позовите кого-нибудь! Але!

— Кого мы позовем? На всю студию три пожилых охранника и нас здесь две бабы и директор! Ой, мамочка, он дверь ломает!!!

— Топором?!

— Он сказал, что у него в машине мачете! Ну сделайте что-нибудь! Люди, помогите!!!

Было слышно, как кто-то (наверно, Валера) орал:

— Я вас нашинкую, как капусту, твари!..

Когда на административный этаж киностудии ворвался ОМОН, первым им на глаза попался интеллигентный юноша, с журналом «Искусство кино», мирно сидящий в кресле. Его спросили, где кабинет генерального, он показал. Потом раздалась крики: «Все мордой в пол! Работает ОМОН!» И пока в кабинете директора укладывали секретаршу, бухгалтершу и самого генерального, Валера благополучно смылся с «Ленфильма» и из нашей жизни... Наладить отношения с киностудией нам удалось только через год, при новом руководстве.

Четвертым и последним реквизитором в «Городке» стал Алеша по кличке «сыночка». Его так прозвали ревнивые сотрудники, намекая на то, что он стал моим любимчиком. Я действительно иногда обращался к нему как к «сыночке».

Леха — абсолютно уникальный человек. Он обладал степенью кандидата искусствоведения, при этом великолепно рисовал, и у него были просто золотые руки! Застенчивый, деликатный, интеллигентнейший питерский мальчик поначалу с трудом адаптировался в нашей брутальной съемочной группе. Он сильно картавил. Иногда пригубит что-то из своей маленькой антикварной фляжки и в сердцах тихо пожалуется:

— Югий Николаич! Я специалист по эпохе Возрождения! Мне тгудно общаться с пгедставителями Сгедневековья!..

— Терпи, сыночка! А я в титрах напишу, что ты не реквизи-тор, а художник-постановщик!

Леха мог прямо в нашем дворе-колодце построить настоящий чум, в котором живут чукчи, переделать прогулочную лодку на веслах в пиратский одномачтовый бот и организо-вать в ботаническом саду стоянку первобытного человека или построить хижину Робинзона Крузо!

У Лехи была страсть к подлинным артефактам разных эпох и особенно — к историческому оружию. Однажды мы снимали сюжет про Робин Гуда, в котором своеобразно трактовали подвиги разбойника из Шервудского леса. Леха притащил два лука со стрелами и арбалет с приспособлени-ем для натягивания тетивы. Он сиял от счастья:

— Вот! Гебята, котогые габотают у Гегмана-стагшего на «Тгудно быть богом», дали на два дня! Я пговегил, все пгак-тически аутеничное!

А великий режиссер Алексей Герман славился не только тем, что ненавидел фальшь и притворство в игре актеров, но и тем, что не позволял, чтобы в кадре появлялся любой бутафорский реквизит. Все должно было быть настоящим: и люди, и вещи!

Выехали мы в лес. Я играл Робина. Сняли практически весь сюжет. Остался последний кадр. Илюша убегает от меня, но моя стрела настигает его. Придумали сделать так:

Илья бежит от камеры и скрывается где-то лесу. Я, якобы наугад, стреляю куда-то вверх, и через паузу слышен крик, а потом отдельным кадром — Илюша лежит со стрелой в спине. На Олейникове был радиокомплект, так что мы могли слышать все, что с ним происходит, и все его комментарии, а наши команды ему мы транслировали через мегафон. Вставили стрелу в арбалет. Илюха уже в лесу, видны только его очертания. Ассистент кричит:

— Илья Львович, мы сейчас выстрелим, а вы считайте вслух до пяти и потом падайте! Слышно нас?

Илья отвечает:

— Понял, давайте!

Прозвучала команда:

— Начали! Юрий Николаевич, огонь!

Ну, я и выстрелил куда-то вверх (как говорят артиллеристы, «по параболе»). Олейников где-то в лесу начал вслух отсчет: «Пять, четыре, три, два, один...» — и вдруг закричал: «А-а-а-а-а!!!», и мы услышали звук падающего тела, а потом сквозь стон: «Стоянов, блин! Робин Гуд х...!!!»

Мы рванули в лес. Илюха корчился на траве. Из шляпы торчала стрела! Я думал, умру на месте! Хорошо, что шляпа была на него велика и костюмеры набили в нее какие-то тряпки. На голове у него появилась кровоточащая царапина. Просто чудо уберегло от большой беды. Наша гримерша Инночка перекрестилась и сказала:

— Слава богу! А то завтра в газетах могла появиться статья: «Стоянов вывез Олейникова в лес и убил!» И посадили бы тебя, Юрочка, за «неумышленное убийство». И тебя бы, дурака, тоже посадили, — она кивнула на Лешку.

— Что вы такое говорите?! А меня-то за что?

— А тебя, — сказал ему наш замдиректора Дима, — за «изготовление или приобретение технических средств, повлекших за собой смерть человека!» Оруженосец, б...ь!

Была у Лехи еще одна страсть. Он, как говорил Василий Макарович Шукшин, «был слаб на передок». Большой был любитель женского пола. Как человек порядочный каждой своей очередной даме при расставании он оставлял жил-площадь. Из трехкомнатной квартиры в центре он переехал в однокомнатную, потом в комнату в коммуналке, потом снимал угол где-то на окраине. И каждый раз после этого он уходил в краткосрочный «мягкий запой» — это его формулировка. Однажды я нашел на своем столе записку: «Дорогой Юрий Николаевич. Простите меня! Любовь зла. Это сильнее меня. Я улетаю в Ирландию. Спасибо за все! Ваш Сыночка...» Потом Лешкины обязанности взяли на себя Мишаня Григорьев, Рома Замогильный и замдиректора Дима Степанов. Его зарплату они разделили на троих. Если бы Леха узнал об этом, то, наверное, сказал бы: «На смену эпохе Возрождения вернулась наскальная живопись!»

Сыночка был последним — четвертым реквизитором в «Городке»... Хорошее название для триллера — «Последний реквизитор»!

Городок на помойке

(Разговор по скайпу с Александром Жуковым — первым продюсером «Городка»)

— Саня, привет! Это я — Стоянов. Звоню, как договаривались.

— Здравствуй, Юрочка!

— Ты где сейчас?

— Мы сейчас с детьми путешествуем по Испании: Валенсия, старинная Куэнка, Новый год встретили в Мадриде, переехали в Толедо, а сейчас добрались до Арчены — под Мурсией.

Семейная пара нашего «Городка». Всего за 20 лет я сыграл более 3000 женщин, а Илюша около 4500 мужчин

— Саня, а какая у нас тобой разница во времени?

— Приблизительно два с половиной года. Но меня лично это не очень напрягает!

— Смешно... А по часам?

— Два часа.

— Санечка, я сейчас книжку дописываю. Помоги! Хочу восстановить в памяти самое начало «Городка». Ты же наш первый продюсер! Плюс ты у нас, как в том анекдоте, — «мальчик с феноменальной памятью»!

— Давай спрашивай, начальник!

— Саня, учитывая твоё прошлое, можно написать, что косвенно (в твоём лице) «Городок» был создан Комитетом государственной безопасности?

— Ты с ума сошел?! Перестань. Даже просто как фигура речи не прокатит!

— Подожди. А ты задолго до нашей встречи уволился из КГБ?

— В девяностом, за год до путча... Так, стоп! Я тебе как журналист скажу: вот ты ляпнешь где-нибудь или напишешь про это по глупости, и из всей твоей книжки наш брат журналиста сделает только один вывод — он же станет и названием статьи — «У истоков создания «Городка» стоял КГБ!» И понесется!

— Ладно. А ты как туда попал? Напомни. Ты что заканчивал?

— МГУ. Журфак. Потом работал спортивным журналистом на ленинградском телевидении, потом настоятельно пригласили, если так можно выразиться, на Высшие курсы КГБ. Попал, как теперь понимаю, во многом случайно — всегда был и оставался журналистом... Но! Время было такое — удивительное — перестройка, гласность... Да, собственно, насколько быстро я туда попал, настолько же быстро и был уволен...

— А что за смешная история была про прапорщика-каратиста на этих курсах? Помнишь, ты рассказывал?

— Естественно... Я же все время карате увлекался. Начал еще в МГУ, а когда был зачислен на высшие курсы, там отобрали всех, кто занимался самбо, дзюдо, карате, руко-

На заре «Городка» все женщины, которых я играл, были чем-то похожи на мою маму, а с годами — уже на мою бабушку

пашным боем... в общем, сформировали такую отдельную команду из нас. И отдали под начало прапорщика — ну, назовем его Федосеенко...

— Не, лучше Пилипчук!

— Твой любимый персонаж! Хорошо, пусть будет — Пилипчук... Был он такой классический прапорщик, который прошел Афган, всю жизнь в спецназе проработал, и все говорили: «Чувак! Это не тренер — это такой садист, он будет над вами измываться, чморить и все такое!» Позже оказалось — милейший человек, добрейшей парень и вообще душа любой компании. Но, естественно, он очень любил показывать всякие приемы, особенно гордился своей невероятной растяжкой — а он действительно растянут был очень здорово, садился на все шпагаты мыслимые и немыслимые. Сам он был небольшого росточка, метр с кепкой, но ногами доставал до чего угодно, то есть реально красиво работал. И вот он, значит, построил всех нас. Все стоят такие, слегка офигевшие, потому что первая тренировка. Ну, прапор ходит вдоль строя, мы стараемся ему в глаза не смотреть. Он спрашивает:

— Кто со мной будет работать в паре?

Все думают: «На фиг, на фиг!» — и глаза в потолок. И вдруг в спортзал заглядывает его жена — а жена служила в этой же воинской части, где-то там в бухгалтерии. Она вошла, в руках авоськи с продуктами, говорит:

— Володь, ты домой-то собираешься?

А он ей:

— О, Маш, заходи, иди сюда. А то тут одни сцыкуны собрались!

Ставит ее по центру зала и говорит нам:

— Смотрите, как надо бить маваши!

А это такой угловой удар с замахом ноги сбоку. И — он в сапогах, он их никогда не снимал на тренировке, говорил, что надо привыкать работать в реальной обстановке: «Вы же не будете босыми на улице драться», — и он решил красиво удар зафиксировать, как, знаешь, спортсмены делают: поднять ногу и остановить в миллиметре от соперника. Он, значит, крикнул «Й-я!», вошел носком сапога ей в висок

и четко зафиксировал! И она, как стояла посредине зала, так с авоськами в руках, лицом вперед и ушла плашмя... Ну, мы в строю сразу обделались по полной программе, потому что если чувак не пожалел собственную жену — вусмерть просто... Сумеречное было такое настроение. На тренировки ходили потом с посеревшими лицами. Правда, Пилипчук пострадал больше всех, потому что жена подала на развод, не могла стерпеть такого позора — лицом вниз опустил при всех! Они полгода где-то потом мирились...

— Кино... А центры по связям с общественностью в КГБ — это же ты придумал?

— Ну, собственно, наверное, потому меня и призвали. И КГБ, и МВД в то время позарез нужны были профессиональные журналисты, которые помогли бы наладить то, что теперь называется «связями с общественностью»... Мне было двадцать шесть лет, а я уже был членом Союза журналистов. И, конечно же, когда после Высших курсов я вернулся в Ленинградское управление, там недолго ломали голову — чего ж со мной делать-то? Перестройка же шла полным ходом... В общем, опуская подробности, в Ленинграде появилась первая в истории этой организации пресс-служба. Этим я, безусловно, горжусь... Потом приехала целая комиссия из Москвы разбираться: «Что за фигню вы тут затеяли?», а потом на нашем примере создавался Центр общественных связей, ЦОС сокращенно. А уже после это дело распространили на все силовые структуры: МВД, прокуратуру, таможню... Так что журналистикой я заниматься не прекращал.

— Ну, да. Но в отличие от товарища Михайлова, который руководил главным московским ЦОСом, генералом ты не стал.

— Не стал. У меня вообще быстрая такая служба получилась. Я представлял из себя уникальный эпизод в истории организации. Уникальный и уже никем не повторимый.

— Почему?

— Да потому что я был единственным, кажется, за всю историю существования этой организации офицером-беспартийным. Осенью девяностого года вызвал меня начальник нашего Управления и говорит: «Слушай, а как это так — тебе уже тридцать лет, ты из комсомольского возраста вышел, а в партию не вступил и — как мне докладывают — и не собираешься?» Ну, я и ответил: «А я и не буду вступать, потому что считаю, что органы должны быть вне политики и они должны служить государству, а не обслуживать интересы партии». Красиво так сказал, не сильно понимая, какую это вызовет реакцию...

— Лет на двадцать раньше, чем можно, ты это сказал.

— Ну, я физически не мог переступить через себя и стать членом КПСС. Физически. Это меня... Ну вот не мог, понимаешь. В общем, реакция была жесткой и молниеносной. «Я обещаю тебя не «мочить» и никак не преследовать, а ты никогда и нигде не будешь ничего публиковать о своей работе здесь!» — сказал мне начальник Управления (некоторые вводные слова я опускаю). И мы расстались таким вот образом — я в течение сорока восьми часов, так сказать, со своим узелком строевым шагом и вышел. Но, в общем, мы оба свое обещание сдержали...

— Я так понимаю, что хронологически мы приближаемся к «Городку»?

— Не совсем. Сначала, как ты помнишь, мы с Кириллом Набутовым придумали «Адамово яблоко» — первый в СССР телевизионный гляцевый журнал для мужчин. Это самое начало девяносто первого. И тебя вместе с Ильей позвали работать туда. «Анекдоты от Адама» — классная была рубрика... Потом мы отпочковались от «Адамова яблока» и сначала с моим компаньоном Славой Макаровым создали «Студию Новоком». Расшифровывается как — «новые ком-

муникации». Специализировались на военных репортажах, неплохо зарабатывали, по тем-то временам... Западные телеканалы не хотели рисковать своими репортерами и нанимали нас для съемок в горячих точках. Прошел все войны девяностых, наверное: Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Таджикистан, Чечня, Югославия. О господи! Однажды подсчитал: из двенадцати календарных — лет пять провел на войне точно...

Каждая премия ТЭФИ — банкет со съемочной группой

— Слушай, я помню, как по программе «Вести» шел репортаж из центра Грозного, где произошел теракт. И диктор говорит, что рядом с эпицентром оказалась немецкая съемочная группа, а показали две знакомые мне до боли физиономии — твою и оператора Мити Медведева. У вас были лица, посеченные стеклом, в крови и опаленные волосы.

— Да, было дело. Нашу машину тогда подбросило метров на пять от земли... Но бывало и похуже... В общем, решили мы со Славой военные деньги конвертировать во что-то эдакое, симпатичное и цивильное. И смешное. Так и родился «Городок».

— Это же ты название придумал! Почему именно — ГОРОДОК?

— Будешь смеяться — я просто Фолкнером в то время увлекался. Любимый роман был «Городок». Вот и все!

— Смотри, ты в это время Фолкнера читал, а я в это же время, Саня, репетировал в спектакле польского режиссера Эрвина Аксера «Наш городок»! Инсценировка этого же романа!

— Я недавно перечитал... чего-то мне — не очень.

— Да, тягучая такая литература.

— Но название-то запало!

— Кстати. Илюша тогда усиленно лоббировал другое название — «Кергуду».

— Ну, он же пацан был практичный такой, у него был железный аргумент: «Городок» — нешлягерное название!»

— Да я тоже понимал, что нешлягерное, но я знал, что название может стать шлягерным, если пропитаем программу какой-то концептуальной идеей.

— Саня. А у нас была «концептуальная идея»?!

— Конечно.

— Какая же? Хоть спустя двадцать четыре года узнаю.

— Под словом «Городок» я имел в виду, конечно же, Санкт-Петербург. И здесь был своего рода стеб такой внутренний, что мы нивелируем величие мегаполиса и сводим его до масштабов какого-то городка. Потому что жизнь частного человека даже в большом городе — это всегда, ну, как бы «городок».

— Красиво сказал! А у нас с Илюхой идея была попроче: собрать все наши маленькие актерские умения во что-то большее, чем пятиминутная рубрика на питерском ТВ, и выйти на федеральный эфир. Что ты нам и обещал.

— Не передергивай. Я обещал по п р о б о в а т ь. И переход с Пятого канала из раскрученного «Адамова яблока» в независимый продакшн, с какой-то невнятной перспективой этого федерального эфира — это для вас был серьезный стресс! Я-то это помню отлично! Но зато мы были независимы и никому не подотчетны. Время было такое!.. А Кира Набутов очень ревностно относился к любым вашим контактам. Особенно — после нашего ухода из «Адамова яблока» — контактам со мной и Славой Макаровым. Потому что мы уже представляли этаких волков независимого телевидения, а он

«Городок» в день открытия одноименного кафе

все-таки был подписан на государственный канал. А ты помнишь все эти наши встречи конспиративные у помойки?

— Так... смутно.

— Напротив Пятого канала был бизнес-центр один маленький. И мы договорились, чтобы вы туда не заходили, чтобы никто вас не узнал и никто пальцем не тыкал. А так, — ну прошли и прошли мимо. Все это было абсолютно конспиративно. А рядом с помойкой за бизнес-центром можно было спокойно стоять и обсуждать какие-то вещи. Вы туда приходили по-одному: сначала Илья, потом подтягивался ты — важно было зайти туда как будто прогулочным шагом, чтобы ни у кого не вызывать сомнений, там на какое-то время зафиксироваться и так же прогулочным шагом оттуда уйти, типа случайно шли мимо. Таких конспиративных встреч было две или три. Они-то все и решили.

— Ну, вот тебе и пригодились навыки, полученные на Высших курсах КГБ.

— Ха-ха-ха. Не смешно! Знаешь, я так тебе скажу: вот эти встречи на помойке — это такое, что ли, олицетворение системы бизнес-переговоров в то время. Надо ж было как-то, да к тому же конспиративно, договориться... Ну, в общем, это и было организационное начало «Городка».

— А потом была премьера на канале РТР. И первый кадр — с грамматической ошибкой! Помнишь?

— Не-а.

— Ну, хоть что-то ты не помнишь! У нас была заставка: «Международное телевизионное агентство «Студия Новом» представляет». И в слове «агентство» не было буквы Т — АГЕНСТВО! Так и лежит эта передача в архиве канала по сей день с ошибкой... Ну а потом мы годик поработали вместе и ушли от тебя в другой продакшн.

— И правильно сделали. Я на самом деле не из шоу-бизнеса. Репортер, документалист. Работать с вами было счастье, но у каждого — своя дорога...

— Саня! Спасибо тебе огромное! Видишь: для того чтобы ПОМНИТЬ — нужно ВСПОМИНАТЬ!

— Вот мы с тобой и вспомнили...

— Спасибо тебе, что ты был и есть вот такой, какой ты был и есть!

— Без сантиментов! Так... все... Побежал детей забирать из театра. Не пропадай!

— Целую! Созвонимся?

— Ага — когда будешь писать следующую книжку...

В первых выпусках «Городка» Саша Жуков продолжал заниматься своей любимой журналистикой. Только уже не на войне, а в юмористической передаче. Он придумывал сюжеты и снимался в рубрике «Программа 200» (пародии на программу «Вести»). Это были квазирепортажи, полная мистификация, откровенное дуракаваляние. Но время было такое, что люди думали: «Черт их знает, а может, это правда?» Может, это правда, что в Мавзолее Лениным работает артист, которому перед тем, как он заступает на смену и ложится в саркофаг, делают укол снотворного? Вот же он в кадре дает интервью, плачет, что его уволили, после того как он нечаянно пукнул во сне во время визита корейской делегации! Может, это правда, что богатым иностранным любителям острых ощущений сдают камеры во внутренней тюрьме КГБ? И чтобы они почувствовали на своей шкуре, каково это, избивают там их по полной программе за их же деньги? И отбоя нет от желающих! Время было такое. Продавалось, все, что можно было продать! Так что — почему бы и нет?

Сейчас у Саши Жукова есть небольшой очаровательный бутик-отель в центре Петербурга, построенный им своими руками — в прямом смысле слова. У него пятеро детей, молодая жена и старые друзья...

Студия «Позитив ТВ» представляет

С этих слов начинался «Городок» после нашего ухода от **Саши Жукова**. И 18 лет подряд нас действительно представляла студия «Позитив ТВ». А теперь я представляю тех, кто работал в этой студии над нашей передачей.

Продюсерами были **Евгений** и **Марина Харкевичи**. Муж и жена. Многие годы Женя оформлял нашу программу (дизайн, графика, анимация), а Марина несла всю административную ношу. За эти годы у нас родились и выросли дети, мы вместе получили четыре ТЭФИ, вместе болели и выздоравливали, иногда ругались, быстро мирились... но главное — мы одинаково сильно любили «Городок» и были преданы этому проекту.

Первым оператором-постановщиком у нас был **Митя Медведев**. Митя был асом «скрытой камеры». Одним глазом он смотрел в видискатель, а другим «стрелял» по сторонам — и вдруг почему-то переводил камеру куда-то в сторону от основного действия. Я начинал орать, но потом на монтаже видел, что в кадр попадали совершенно удивительные люди и их оценки. Вне съемок я просил его повторить этот финт глазами — посмотреть в разные стороны, — а он отвечал: «У меня нет косоглазия!» И у него действительно ничего не получалось. Но потом, когда он припадал к камере, опять начинал смотреть в разные стороны. Гений!

Вторым (и последним) оператором-постановщиком был **Саша Сутковецкий**. До этого он был у нас ассистентом. Снимался в эпизодах. Смешной и свободный был в кадре невероятно! Придумал имя Модесту. Очень тонко чувствовал композицию и свет. Проработал с нами лет 15, из них девять — как оператор-постановщик. Был и остается моим любимчиком.

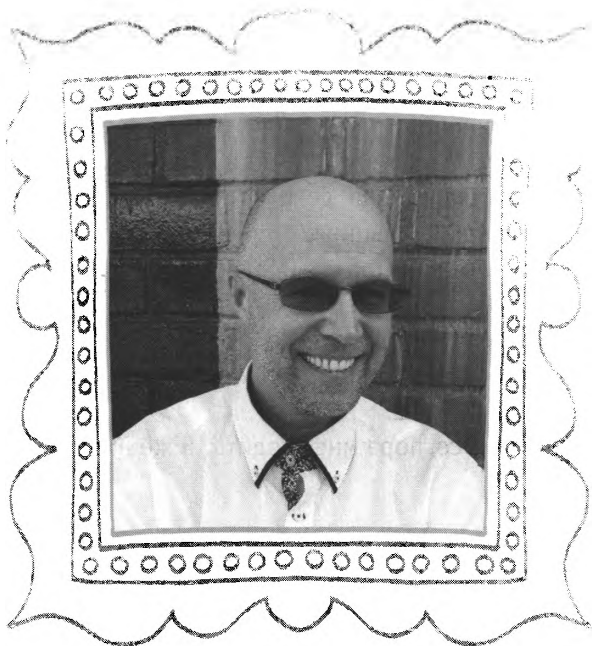
Митя Медведев

Далее по титрам.

Звукорежиссер — **Максим Павлов**. Под конец нашей работы выяснилось, что он и не Максим вовсе, а Игорь. Игорь-Максим — блестящий профессионал. Только машину водить ему противопоказано. Раз в месяц попадал в аварию. Всегда отделялся легким испугом, чего не скажешь о его пассажирах.

Компьютерная графика — **Константин Бронзит**. Учитывая его заслуги перед мультипликацией, правильнее писать — Бронзит Константин Эдуардович. Он придумал стилистику всех заставок и рубрик «Городка» и сам их рисовал. Во всех программах чувствуется его рука, его парадоксальный талант. Своими «анимашками» он задавал тон каждой передаче, и это иногда даже подсказывало нам вер-

Константин Бронзит

ный актерский способ существования в кадре. Перечислять его отечественные и международные призы, награды и регалии — места не хватит. Где он все свои железяки хранит — даже не представляю. Он один из самых знаменитых и титулованных аниматоров в мире на сегодняшний день. По секрету скажу, что мы его называли просто — Костян.

Композитору **Владимиру Горбенко** я посвятил отдельный рассказ. В разное время для нас писали музыку: **Артур Горбенко** (сын **Владимира Горбенко**), **Денис Клявер** (сын **Ильи Олейникова**), **Алексей Зубарев**, признававший только живые инструменты, и **Андрей Андерсен** (тоже, конечно, чьи-то сыновья).

Художники-гримеры: **Инна Алексеева** и **Галина Пономарева**.

Если мы снимали четыре сюжета в день — это значит, что гримеру нужно было придумать и сделать восемь персонажей за смену. Максимум 20 минут на человека! Это Инна с помощью комка гумоза делала из меня Жириновского, с помощью фена — Ельцина, с помощью двух ватных дисков, засунутых мне в нос, — Модеста и т. д. Портретного сходства добивалась невероятного, каким-то ей одной известным экспресс-методом!

Однажды Инна неровно приклеила мне бровь для Брежнева, села и заплакала:

— Юрочка! Все, пора мне уходить. Я же ничего не вижу!

Инна Алексеева. Грим

— Давно?

— Очень давно. Больше года.

— А как же ты гримировала нас, господи?

— По памяти, Юрочка. На ощупь.

Она наши лица знала наизусть. Она год гримировала нас
НА ОЩУПЬ!!!

— Возьмите Галочку Пономареву, — посоветовала Инна перед уходом на пенсию. — Она лучшая!

И мы взяли.

Галя в гримерном ремесле — это как Бронзит в мультипликации. Никогда она не брала для нас парики и усы напрокат. Все делала своими руками. А вы знаете, что это такое — сделать вручную за ночь пастиж (усы и бороду)?! Я всегда говорил Галке:

— Все комплименты мне насчет сыгранных женщин, дело с тобой пополам! Мы их с тобой вместе сделали!

Ох, каких же она дам мне напридумывала и изваяла из меня! Когда число сыгранных мною женщин перевалило за пару тысяч, я ей жаловался:

— Все, Галя! Не знаю больше, что играть. Воображение высохло!

А она мне:

— Ничего, Юрочка. Сейчас сядем к зеркальцу — проборчик туда, челочку сюда, парички разные примерим... Ты начнешь шепелявить там, картавить... ну, как обычно. Что-нибудь и склеится. Красавицу из тебя уже давно не слепишь, а какую-то лахудру сейчас вместе и придумаем!

Галка разрывалась между «Городком» и кино. Обожала и то и другое. Она постоянно работала со знаменитым Андреем Звягинцевым на всех его прославленных фильмах, но всегда заранее предупреждала Андрея о том, что может до такого-то числа, потому что дальше — «Городок»... Она часто звонит мне и спрашивает:

— У тебя ничего не намечается типа «Городка»? Соскучились руки. Надоело всех красивыми и естественными делать!

— Хочется немного уродства?

— Ага!

В «Городке» никогда не было директора. Только — директрисы. Замечательные, умеющие терпеть и прощать. Работа у них была — «и неприятелю не пожелаю!» — как говорил Гоголь. За неделю до съемок они умели договориться с крейсером «Аврора», с двумя ресторанами, тремя магазинами, с дрессировщиком обезьяны, найти три пары пожилых близнецов и организовать выстрел из знаменитой пушки в Петропавловской крепости не в 12 часов, как это бывает ежедневно, а «еще разок в удобное для нас время!». В разные периоды «Городком» управляли три удивительные женщины: **Татьяна Качурина-Лайн, Ирина Воробьева и Валентина Серебрякова.**

Режиссер монтажа — **Павел Медведев.**

— Паша! Прекрати пить мою кровь и есть мою печень! — часто кричал я Павлику словами из Исаака Бабеля.

Ни с кем в «Городке» я не провел вместе столько времени, сколько с Пашей. Недавно мы с ним взяли калькулятор и посчитали: а сколько это в днях?

Итак. Мы сняли 260 «Городков» и 155 программ «В Городке». Минимум по семь смен монтажа на каждый выпуск я работал в аппаратной вместе с ним (он-то на порядок больше). Итого: 2905 смен. Смена в среднем 12 часов. Значит, это 1452 суток, делим на 365 дней и получаем ЧЕТЫРЕ года (это если сутками пахать)!!!

— Паша! Столько лет длилась Первая мировая война! Да я с собственными детьми столько времени не провел в общей сложности!

— Я тоже, — обреченно ответил Паша.

Паша — фантастический профессионал, законченный перфекционист монтажа. Его стремление к идеальным

Павлуша Медведев

монтажным стыкам, «вылизывание звука» и вечное исправление убогого питерского неба в кадре на итальянское с помощью цветокоррекции и графики иногда грозили обернуться катастрофой для продюсера. Апофеозом Пашиного стремления к идеалу были трехдневные поиски в речи Илюши буквы «Й», которую он хотел вырезать и приклеить к другому слову.

Мы ни разу (!!!) не сдали вовремя программу на эфир. Согласно договору с каналом «Россия» «Городок» должен был лежать на полке ОТК (технический контроль картинки и звука) за пять дней до эфира. На самом деле кассета с передачей оказывалась на канале только в день выхода в эфир! А иногда и за несколько часов до него. Нам даже пришлось в штатном расписании изыскать возможность для новой должности — «курьер в Москве». Это был специальный человек, который работал всего один день в месяц —

в день премьеры «Городка». Он с утра «стоял на низком старте» и в зависимости от того, каким способом была отправлена кассета, готов был нестись либо в Шереметьево, либо на Ленинградский вокзал встречать ее.

Каждый раз в последний вечер монтажа в нашем офисе можно было наблюдать одну и ту же картину. Из угла в угол молча ходили и беспрестанно курили директор Валя Серебрякова и я. Замдиректора, милейший **Дима Степанов** в марлевой повязке, чтобы не заразиться от Паши гриппом, дежурил в монтажной и был связующим звеном между нами и Павликом. Вообще все это напоминало какой-нибудь фильм о хирургах. Мы с Валею — типа родственники больного, которого сейчас оперируют. Открывается дверь. Выходит Дима. Мы бросаемся к нему с вопросом: «Ну как он там?» Дима снимает повязку и молча разводит руками. Спасибо, что для окончательного сходства с фильмом не го-

*До сдачи кассеты на канал еще много времени.
Поэтому Паша Медведев опрятен и пока улыбается*

*Отдых и Паша — две вещи несовместимые.
Очень редкий снимок!*

ворит: «Мы теряем его!» Он снова, надев повязку, обреченно уходит в монтажную. Валя плачет. Я говорю: «Я убью его!» «Не надо, Юрий Николаевич. Сядете! И связи не помогут!» И так каждый раз, из месяца в месяц, из года в год!

Приблизительно за неделю до эфира Паша переходил на осадное положение: он ночевал в аппаратной, не брился и не мылся. Валя деликатно вносила в комнату вентилятор

и с каждым днем увеличивала на нем обороты. Каждый день к Павлику приходила жена — его «Дюймовочка» — Лика. Она приносила ему поесть, рассказывала, что их дочка уже вот-вот начнет ходить, гладила его по небритой щеке и ухаживала по заснеженному Питеру домой. А дом находился всего в пятистах метрах от офиса.

Дорогой Паша! Спасибо тебе за «выпитую кровь и съеденную печень»! А на самом деле — спасибо за счастливейшие годы моей жизни, проведенные с тобой в маленькой, без окон, монтажной, где ты задыхался от моего дыма, а я наслаждался твоим талантом, мастерством и трудолюбием!

Наши костюмеры — **Ольга Дударева** и **Любовь Никитина**. Иногда при распределении ролей мы учитывали не наши с Ильей пожелания или сходство с тем или иным персонажем, а на кого какой костюм налезет. Илюша длинный, я — широкий, у него размер головы 56, у меня 60, правда, размер обуви одинаковый. Часто вещи кроились и перешивались прямо на съемочной площадке. Руки у наших девочек были золотые! Основой моего «женского» гардероба были платья, костюмы, шубы, пальто и даже купальники моей дорогой тещи — Ларисы Владимировны. Счастье моего брака состоит и в том, что я женат на женщине, чья мама одного со мной размера. Высокая, красивая женщина. Костюмерша Любаша говорила, что я женился по расчету!

Был такой случай. Наши коллеги с канала «Россия» снимали документальный фильм о том, как делается «Городок». Долго снимали. Мы к ним успели привыкнуть, как к своим. На камеру, которая поначалу смущала, перестали вообще обращать внимание. Во время подбора женского костюма к очередному сюжету я сказал Оле Дударевой:

Оля Дударева. Прозвище — Томагочи

— Давай наденем лифчик самого маленького размера.
У тебя есть такой?

А она мне ответила при работающей камере:

— Ой, да зачем вам лифчик, Юрий Николаевич?! У вас своя грудь хорошая!

Естественно, именно эта ее фраза попала в фильм.

Когда проект «Городок» был закрыт, в гардеробе программы скопилось около 200 уникальных костюмов. Два года мы арендовали под них место на разных складах. Все это время мы искали среди разных компаний и студий хоть кого-нибудь, кто согласился бы забрать их на безвозмездной основе. То есть искали, кому бы подарить. Не нашлось в Петербурге таких людей... В конце концов костюмы пришлось утилизировать. Их сожгли. Это был не лучший день в жизни Оли и Любы. Они шили и собирали эти вещи почти 20 лет...

Ассистентами в нашей съемочной группе были **Михаил Григорьев** и **Роман Замогильный**. Ассистентами КОГО? Всех! Нужны еще два оператора для многокамерной съемки? Зачем приглашать кого-то со стороны, когда есть Рома и Миша! Что-то с камерой произошло на морозе? Зачем нужен видеоинженер, если Миша с Ромой починят! Некого посадить на видеоконтроль? Рома посидит, пока Миша свет ставит! Нужно быть третьим в кадре? Миша подыграет, пока Рома будет имитировать ветер «ветродуем»! Нужно организовать драку? Ну не каскадеров же звать, в самом деле, если у нас есть Миша и Рома! Абсолютно незаменимые люди. Больше никогда, нигде, ни у кого не видел таких универсальных профессионалов! Таких Рому и Мишу.

Made in Odessa

Первыми авторами «Городка», как это громко ни звучит, было все население России и бывшего СССР. Сборниками с анекдотами в начале 90-х были завалены все книжные магазины и киоски. Мы экранизировали анекдоты. Мы выбрали не самые известные из них по принципу «было бы что сыграть». Авторы анекдотов не знает никто. Они безымянны, им не нужно платить, они не защищены авторским правом. Так что мы должны поставить памятник Неизвестному автору.

Почти в самом начале к нам с Ильей присоединился **Сергей Петровский**.

Вместе с ним мы придумали и начали снимать все основные рубрики «Городка» — «Ужасы», «Вернисаж», «Мужикальную паузу» «ЖЗЛ» и «Рекламную паузу»... Позже к нам причалил авторский коллектив знаменитого екате-

ринбургского журнала «Красная бурда». Но все равно «Городок» продолжал «паразитировать» на заимствованном из анекдотов юморе. Где-то в начале 97-го года я понял, что назрела необходимость в стопроцентно эксклюзивном сценарии. И вдруг, когда я был в отпуске, на меня вышла группа незнакомых мне авторов. Конечно же, из Одессы! Они предложили мне прочитать несколько отпечатанных на машинке страниц. Я спросил:

— А где первый экземпляр? Эти страницы из-под копирки. Кому-нибудь еще занесли?

— Да мы много кому занесли. Но ваша передача нам нравится больше всех, — ответили они.

В тексте, который был у меня на руках, не было ни одной миниатюры. Только набор из придуманных афоризмов и парадоксальных и смешных фраз. Например:

«Любите книгу — неиссякаемый источник кульков для семечек!»

Или:

«Многие видели картину «Ленин и дети» и читали стихотворение «Ленин и печник». Но не все знают, что картина «Ленин и дети» — это неправда, потому что детей у Ленина не было. А вот стихотворение «Ленин и печник» — это правда, потому что печник у Ленина... был!»

Или вот еще:

«Великий американский изобретатель Самюэль Морзе любил ходить в баню. И свою знаменитую «Азбуку Морзе» он придумал именно в бане. Потому что Самюэль Морзе отличался редкой наблюдательностью. Такая азбука у него и получилась: два коротких — один длинный, два длинных — три коротких».

Я сразу понял — это то, что я так долго искал, но не мог сформулировать, объяснить, что же я хочу от авторов. А Одесса принесла мне их на блюдечке!

Их было трое — **Владимир Трухнин, Ирина Полтораки** и **Александр Завелион**. Через год остались двое — Володя и Ирина. Позже к ним примкнули еще пять человек — **Святослав Пеляшенко, Алексей Каранович, Игорь Осипов, Олег Россиин** и **Ян Гельман** (все в прошлом участники и авторы КВН). Трое из них — тоже одесситы. Володя Трухнин рулил всей группой и отвечал за конечный вариант сценария. Когда мы познакомились, он был доцентом Одесского политехнического института. Позже ушел в бизнес и создал свое успешное дело. Над «Городком» он работал в основном по ночам — другой возможности не было. Обычно мы созванивались часов в девять вечера после его возвращения домой и оговаривали наши дела, а утром часов в семь я уже получал от него тексты. Когда он спал — до сих пор никому не известно. Третирил я его и в дневное время. Однажды я позвонил ему и попросил срочно придумать какую-то фразу. На обратном конце трубки была слышна грустная музыка. Володя шепотом сказал мне:

- Я сейчас не могу. Я стою у гроба моей учительницы.
 - Ну так отойди от гроба и придумай! — ответил я.
- Прости, Вовик!

Из приблизительно 80 предложенных авторами сюжетов в «Городок» проходило максимум шесть. Вот такой у нас был выхлоп, такая «продуктивность». У авторов был очень тяжелый хлеб! Я считал раньше и считаю сейчас, что в нашем деле авторов уровня Володи практически нет. Абсолютно штучный, невероятный человек энциклопедических знаний и уникального чувства юмора. Редкий случай, когда ум и талант соединились в одной одесской головке!

Отдельное спасибо

Есть такой титр в конце любой телевизионной передачи. У нас он был неизменным: «Городок благодарит **Юрия** и **Анжелику Варум** за песню «Городок» на слова **Кирилла Крастошевского**».

Мало кто знает, что эта песня не была написана для нашей программы. Просто мы с Ильей услышали ее однажды у Кузнечного рынка. Она звучала из какого-то ларька по продаже кассет и дисков. Мы стояли как вкопанные и слушали эту пронзительную песенку, спетую детско-женским голосом. Если бы не эта песня, то передача «Городок» никогда бы не была такой, какой я ее люблю!

А еще отдельное спасибо **Александру Морозову** и **Алексю Антипову** — руководителям компаний, которые спонсировали «Городок» и всегда поддерживали нас в трудное время!

И заключительное отдельное спасибо народному артисту России **Виктору Сухорукову**, чемпиону мира по боксу **Николаю Валуеву**, заслуженному артисту России **Николаю Поздееву** и заслуженному артисту России **Владимиру Козлову** за то, что они, еще не имевшие тогда никаких регалий и званий, поставили на ноги «Приколы нашего Городка», в которых снимались!

Копирайт

В буквальном переводе «Копирайт» означает авторское право. В телевизионной практике копирайтом называется знак ©, который ставится перед названием компании-правообладателя. В нашем случае все права на «Городок» принадлежат каналу «Россия». Вот почему знак © — по-

следний титр передачи — стоит перед логотипом канала, на котором мы выходили в эфир почти 20 лет.

Была ли цензура в «Городке»? С нашей стороны — да, со стороны канала «Россия» — никогда. Мы были сами себе цензорами, соглашаясь с собственными представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо. А на канале была

Моя Лена и ее Юра

только однажды одна попытка вмешаться в содержание очередной премьеры, но и она была пресечена. Не нами.

Вот как это было. В ноябре 2004 года мы отослали в Москву кассету с очередной премьерой восьмиминутной программы «В Городке», посвященной Дню милиции. Она начиналась так.

Олейников: Работа в милиции — это школа жизни! Здесь юноши становятся мужчинами...

Стоянов: А девушки... женщинами.

Раздается звонок от кого-то из редакторов:

— Мы не можем выпустить в эфир вашу программу в том виде, в котором она у нас сейчас!

— Почему?

— Потому что она у вас посвящена милиции. И вы там обращаетесь к зрителям на фоне огромной милицейской эмблемы.

— Да. И в чем проблема?

— Проблема в том, что председателем Государственной думы четвертого созыва сейчас является Борис Грызлов!

— И что?

— Который до этого был министром внутренних дел!!!
Вы что, не понимаете?! Мы же государственный канал!

Я тут же набрал номер генерального директора канала «Россия» Антона Златопольского и обрисовал ситуацию.

— Я тебе скоро перезвоню, — сказал Антон.

Перезвонил он минут через 30:

— Ну, все в порядке. Забудь. Всегда найдется какой-нибудь дурак, который с перепугу начинает решать от имени государства. Прости, Юра, — это не цензура! — в рифму закончил он.

О том, что произошло между этими двумя звонками, я узнал позже. Антон пришел к редакторам и спросил, у кого из них есть мой телефон. Трое сказали, что у них.

— Сотрите его и впишите телефон приемной генерального директора, то есть мой. Я жду... И с этого дня, когда у вас возникнут какие-нибудь сомнения по «Городку», вы будете звонить мне лично. Все понятно? — посоветовал им Антон.

Ни ему, ни мне редакторы больше не звонили...

На этом — все.

И «до новых встреч в эфире!» — с надеждой говорю я.

Игра в «Городки» / Юрий Стоянов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 304 с. — (Юрий Стоянов. Книги известного артиста театра и кино).

Новая автобиографическая книга Юрия Стоянова раскроет вам тайны знаменитого актера. Программу «Городок» смотрела взалхлеб вся страна. Эстрадные номера, драматические спектакли, фильмы и сериалы с участием Юрия Стоянова и Ильи Олейникова видели многие. Что творилось на съемочных площадках и за кулисами театра, через какие разочарования и препятствия пришлось пройти, чтобы стать любимцами огромной страны и не потерять при этом оптимизма и чувства юмора, — до сих пор знали лишь близкие и коллеги...

УДК 792.2.071.2 Стоянов Ю.

ББК 85.334.3(2)6-8 Стоянов Ю.

ISBN 978-5-699-96341-6

© Стоянов Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Литературный редактор *Д. Е. Маркин*Фото Ю. Стоянова на обложке: *В. Скоробогатова*

В оформлении книги использованы фото из личного архива автора, а также К. Бронзита, ООО «Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова», Большой драматический театр имени Г. А. Товстоногова, Ю. Г. Белинского, Б. Н. Стукалова, Л. Сидорского, С. К. Ионова

Рисунки по тексту *К. Бронзита*

Во внутреннем оформлении использована фотография:

© Рудольф Кучеров / РИА Новости

Оформление обложки и макета *Н. Никоновой*

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Стоянов Юрий Николаевич**ИГРА В «ГОРОДКИ»**

Ответственный редактор *Э. Салыхова*. Выпускающий редактор *А. Лавриненко*
Младший редактор *А. Сергеева*. Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Лёвкин*. Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректоры *Е. Захарова, Н. Арацкая*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

balabolka / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock

Во внутреннем оформлении использованы элементы дизайна:

Kudryashka, Dudi / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасының дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбаровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «OfficinaSans».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96. Тираж 5000 экз. Заказ 3177

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «Ульяновский Дом Печати»,

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

SALT LAKE CITY PUBLIC LIBRARY

3 1120 05924 0613

Новая
Стоян
ни того
смотрим
ные ном
фильмы и сериалы с участием Юрия
Стоянова и Ильи Олейникова видели
многие. Что творилось на съемочных
площадках и за кулисами театра, через
какие разочарования и препятствия
пришлось пройти, чтобы стать
любимцами огромной страны и не по-
терять при этом оптимизма и чувст-
ва юмора, до сих пор знали лишь близкие
и коллеги...

Как обычный советский школьник мог удостоиться письма
из всесоюзной газеты?

Для чего, отправляясь на гастроли в Японию, актеры брали
с собой пятнадцатикопеечные монеты?

Что может заставить «Деда Мороза» заплакать после
новогодней елки?

Какое отношение к созданию всенародно любимой
программы «Городок» имел всемогущественный Комитет
государственной безопасности?

*Представляю книгу Юрия Стоянова,
которого представлять не надо.
Талантлив отчаянно, мерзавец!*

*С таким талантом не знакомятся!
Знают наизусть!*

Михаил Жванецкий

ISBN 978-5-699-96341-6

9 785699 963416 >